

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

Москва
ИМЭМО РАН
2014

УДК 32
ББК 66.0
Полити 504

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Редколлегия монографии:
доктор политических наук И.С. Семеновко,
кандидат химических наук В.В. Лапкин, доктор философских наук В.И. Пантин

Ответственный редактор доктор политических наук И.С. Семеновко

Рецензенты:
доктор политических наук Ф.Г. Войтоловский,
доктор политических наук, профессор М.М. Мчедлова

Полити 504

Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. Научная монография / Редколлегия – И.С. Семеновко (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 218 с.
ISBN 978-5-9535-0412-6

Исследование ключевого для общественных наук вопроса о факторах, природе и альтернативах социальных трансформаций в современном мире требует разработки методологических подходов, адекватных кардинальным сдвигам, происходящим в социальных институтах и процессах, в среде обитания человека, его сознании и поведении. Переосмысливаются базовые методологические основы качественных исследований общественных изменений, само понимание развития в рамках капиталистического миропорядка как универсалистской по интенции, но западоцентричной по происхождению модели. Под вопросом оказываются базовые методологические основы качественных исследований общественных процессов. Кризисный, переломный характер современного развития проявляется в первую очередь в политической сфере: с утверждением новых институтов и новых акторов трансформируются пространства политического взаимодействия, пересматривается привычное содержание политики. В монографии апробированы возможности методологического синтеза в изучении политических изменений, выявлены пути преодоления «методологического национализма» за счет адекватного использования когнитивного потенциала концепта идентичности и введения в поле политической науки, наряду с институтами и коллективными акторами, пространственного и личностного, индивидуального измерений политического развития. Монография подготовлена в рамках проекта РФФИ № 12-03-00306а «Методология анализа политического и социокультурного развития и прогнозирования социально-политических изменений в контексте модернизации».

Political Change in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting / I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin (eds). – Moscow, IMEMO RAN, 2014. – 218 p. ISBN 978-5-9535-0412-6

Assessing the nature, factors and alternatives of contemporary social change is a key challenge for contemporary social science requiring methodological approaches fit to interpret the radical transformations of the institutions and the habitat, of the individual's mentality and modes of behavior. The way development has been perceived exclusively within the capitalist Western-oriented model is being reconsidered, and the principal methodological approaches of qualitative research in the field are being scrutinized. The critical characteristics of contemporary development are clearly manifested in the political sphere: the emergence of new institutions and new actors transform political spaces and reframe the conventional understanding of politics. The authors test the possibilities of achieving a methodological synthesis in studying political change and propose approaches to overcome the "methodological nationalism" which has so far dominated political science. This revision can be achieved, it is argued, by adequately using the understated cognitive potential of identity studies and by introducing into the research framework, alongside institutions and collective actors, the spatial and the individual, personal dimensions of political development. The edited volume presents the results of the research project funded by the Russian Foundation for the Humanities № 12-03-00306a "The methodology of analyzing political and sociocultural development and forecasting social and political change in the modernization context".

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0412-6

© ИМЭМО РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. О ПРИРОДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ И ПОДХОДАХ К ИХ АНАЛИЗУ. (И.С. Семеновко)	5
Раздел первый. ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	
<i>Введение к разделу</i>	20
Глава 1. Системные трансформации глобального мира: к вопросу о смене парадигмы. (И.С. Семеновко, В.В. Лапкин)	21
Глава 2. Кризис как мотив переосмысления современного развития. (В.В. Лапкин)	38
Глава 3. Проблемы методологического синтеза в изучении политических изменений. (В.И. Пантин)	53
Раздел второй. ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	
<i>Введение к разделу</i>	68
Глава 4. Современные политические пространства: теоретико-методологические проблемы концептуализации. (И.Л. Прохоренко)	69
Глава 5. К методологии анализа «политического пространства» и «политического времени». (Х.Г. Тхагалсоев)	84
Глава 6. Сетевой ландшафт современной публичной политики. (И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова)	96
Раздел третий. ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: АКТОРЫ И ИНСТИТУТЫ	
<i>Введение к разделу</i>	112
Глава 7. Мониторинговая демократия как форма массового гражданского участия. (С.П. Перегудов)	113
Глава 8. Массовый политический протест: проблемы концептуализации и методологии анализа. (Д.Г. Зайцев)	124
Глава 9. Города в политическом пространстве Европейского союза: опыт субъектного анализа. (Е.Г. Довбыш)	142
Раздел четвертый. ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	
<i>Введение к разделу</i>	156
Глава 10. Человек в политическом пространстве глобального мира. (И.С. Семеновко)	157
Глава 11. Личность и политика в социальной реальности «infomodernity». (В.В. Лапкин, И.С. Семеновко)	177
Заключение. НЕЛИНЕЙНАЯ ДИНАМИКА И АЛЬТЕРНАТИВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ. (В.И. Пантин)	
Литература	201
Об авторах	218

Монография подготовлена в рамках исследовательского проекта
Российского гуманитарного научного фонда № 12-03-00306а
«Методология анализа политического и социокультурного развития
и прогнозирования социально-политических изменений
в контексте модернизации».

Введение.

О ПРИРОДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ И ПОДХОДАХ К ИХ АНАЛИЗУ

И.С. Семененко

Ровно столетие назад Первая мировая война открыла отсчет «настоящего, некалендарного» XX века. И завершился он раньше отведенного календарем срока, с распадом СССР и появлением новых государств на постсоветском пространстве. Конец эпохи противостояния «двух систем» predetermined реконфигурацию международных отношений и сообщил дополнительный импульс процессам глобализации – доминирующему тренду, описывающему мировое развитие последних десятилетий. Новые качества социокультурной динамики современного мира придала революция в информационных технологиях. Она поставила вопрос о природе «современности», отличительная черта которой – углубляющиеся разрывы социальной ткани современных обществ в условиях уплотнения информационных потоков и поистине драматического роста их воздействия на сознание и поведение людей. В процессе происходящей «глобальной перестройки» системы общественных отношений¹ появились вызовы, которые не вписываются в модели социального регулирования, утвердившиеся в рамках сложившегося мирового политико-институционального устройства.

В арсенале исследования социально-политической динамики современного мира широкое признание получил ряд аналитических подходов – от мир-системного (Иммануил Валлерстайн) до «столкновения цивилизаций» и «волн демократизации» (Сэмюэл Хантингтон). Однако экстраполяция релевантных для определенного исторического опыта концептов на новое эмпирическое знание скорее указывает на границы наших представлений о происходящих общественных трансформациях. Между тем ключевой практической задачей социальных (общественных) наук остается прогнозирование сценариев мирового развития, выявление изменений в соотношении сил между государствами и регионами мира, новых проблем в повестке дня мировой политики и возможностей их решения. Стратегические цели такого прогнозирования – найти оптимальные пути преодоления кризисных тенденций в политике и экономике, выявить ресурсы и механизмы формирования социальной среды, способной обеспечить духовный рост личности и поддержание соответствующего такому росту качества жизни.

Новая политическая реальность

Начало XXI века отмечено общей тревожной тенденцией общественного развития – стремительно поднимающейся *волной международных и внутривосточных конфликтов*. На политической карте мира середины второго десятилетия насчитывается несколько крупных трансграничных очагов военно-политического противостояния. Конфликты разгораются одновременно в разных уголках земли – от Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки до центра

---

¹ О ключевых трендах мирового развития см.: *Глобальная перестройка (отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова)*. М.: Издательство «Весь мир». 2014.

Европы. Во многих случаях социальные размежевания внутри стран и политическое противостояние между территориальными образованиями обостряются на почве политизации этничности. Причем происходит это как в странах традиционно нестабильного Юга, так и в относительно «благополучных» государствах Севера. Подъем «нового национализма», отстаивающего права территорий на собственную государственность, наблюдается в таких экономически развитых регионах с активным гражданским обществом, как Шотландия, Каталония или Квебек.

Растущая политическая конфликтность и новая фаза гонки вооружений всё настойчивее напоминают о тревожных годах, предшествовавших началу мировых войн в XX веке. Очевидно, что рост напряженности происходит в условиях *кризиса институтов международно-политического регулирования* (governance) и сложившейся системы международного права. Начавшийся после развала СССР и связанной с ним системы союзов переход от биполярного противостояния к новому раскладу сил на мировой арене оказался не просто болезненным, но чреватым серьёзнейшими потрясениями процессом. На рубеже 1990-х гг. об этом мало кто задумывался. Тревожные голоса, указывавшие на то, что в холодной войне «нет и не может быть победителей», представляли тогда только небольшое меньшинство научного сообщества.

Как и десятилетия назад, за нарастающей в мировой политике конфликтностью стоит комплекс противоречий и нерешенных проблем, в центре которых – бедность, социальная обездоленность, рост дестабилизирующего социального неравенства. Между тем дискуссия о необходимости пересмотра сложившегося мирового экономического порядка шла в экспертных кругах еще тогда, когда сценарии крушения советской системы были разве что темой литературных утопий. За прошедшие с тех пор полвека мир недалеко продвинулся по пути более справедливого перераспределения жизненных благ. Внедрение концепции устойчивого развития, вытеснившей продвигавшуюся с начала 1970-х гг. установку на формирование нового мирового экономического порядка, не создало более справедливых механизмов глобального перераспределения экономических ресурсов и выравнивания растущих социальных дисбалансов. Утвердившийся в государственном управлении Запада либеральный мейнстрим, по сути, консервировал и усугублял сложившиеся неравенства и не формировал механизмов, способных скорректировать парадигму развития. Выступавшие с альтернативных позиций партии и движения оказались на политической периферии. Свою роль сыграло и неуклонное сближение идеологических установок «левого» и «правого» флангов в политической системе западного мира. Здесь идейные поиски зачастую подменялись конкуренцией привлекательных для рядового избирателя краткосрочных социальных проектов. Процессы глобализации усугубили негативную для духовного развития человека динамику, форсировав распространение безудержного потребительства и морального релятивизма.

Выдвижение в ряды мировых и региональных лидеров Китая, Индии и Бразилии не решило проблемы формирования альтернативных моделей развития. Резко обострившаяся с появлением новых глобальных игроков борьба за ресурсы и рынки сбыта, прямо или косвенно связанные с этим конфликты задают повестку дня, уводящую в сторону от решений стоящих перед человечеством гуманитарных проблем глобального масштаба. В условиях

слабости государственных и гражданских институтов военно-политические конфликты на бывшей «периферии» глобального мира приобретают хронический и трансграничный характер. Здесь формируются квазигосударственные образования, утверждается право на насилие во имя идей и интересов, отторгающих западоцентричную модель развития и западные ценности. Но здесь идут и активные поиски путей и возможностей совмещения религиозной и культурной традиции с институтами рынка и представительной демократии. Процессы регионализации и выдвижение новых стран на лидерские позиции формируют новую повестку дня социальных изменений, *актуализируют потребность в пересмотре нынешних ориентиров общественного развития.*

Между тем в политическом мире XXI века пока не сложилось системного идейного противостояния экспансии хаотичного «свободного» глобального рынка. В результате отсутствует реальная политическая конкуренция вокруг альтернативного видения современного развития. И в политических кругах, и в массовом сознании растёт ощущение рубежного характера современного мироустройства, неотвратимой неизбежности перехода к новой парадигме общественного развития. Контуры этой парадигмы только начинают просматриваться в противоречивой динамике взаимозависимого и конфликтного глобального мира. Однако нынешнее состояние *«незавершенного перехода»² не стимулирует такой пересмотр политико-институциональных основ современного миропорядка, регулирующих взаимодействие его субъектов, который мог бы ответить на стремительно множасьщиеся вызовы.*

Ключевыми референтными участниками политического процесса остаются государства, но государствоцентричная парадигма развития не исчерпывает содержания происходящих трансформаций. *На первые роли в мировой политике выдвигаются формально не структурированные политические сообщества, функционирующие по сетевому, а не по иерархическому принципу.* Для реализации своих экономических и властных интересов они могут выступать от имени «нации», «наднациональных объединений» или «мирового сообщества» в целом. Такие группы интересов имеют серьезные преимущества перед традиционными субъектами мировой политики – государствами, международными организациями, крупными корпорациями. Они мобилизуют находящиеся в распоряжении этих политических игроков ресурсы влияния, вовлекая представляющие их элиты в систему неформальных сетевых взаимодействий. Утверждение того или иного уровня консенсуса (в первую очередь среди стран Запада), втягивание в ситуативные политические сообщества партнёров с Юга и Востока при нейтрализации или пассивном вовлечении ООН, других международных организаций и структур создает видимость формирования широких коалиций вокруг узлов социально-политической напряжённости. Однако проблем запуска механизмов урегулирования конфликтных ситуаций и стимулирования органической модернизации конфликтных сообществ этот консенсус не решает. Напротив, как показывает ход иракского, ливийского, сирийского или украинского кризисов, он ведет либо к эскалации внутреннего

---

² О незавершенном переходе современного мира к новым условиям и реалиям социально-политического развития см. Пантин В.И. Незавершенный переход. В кн. *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития.* М.: ИМЭМО РАН. 2014. С. 322-326.

противостояния, либо к тлеющей, чреватой более мощной вспышкой фазе «замороженного» конфликта.

Что не менее тревожно – «незавершенный переход» не стимулирует каких-либо положительных сдвигов в этических установках взявших на себя роль «форпостов демократии» представителей политического класса ведущих стран Запада. Напротив, насилие «во имя демократии» и политика двойных стандартов утвердились в качестве норм при реализации политических решений на мировой арене. Реальностью современного мира стали информационные войны. Уровень ожесточения и предвзятости вовлеченных в информационное противостояние участников остро ставит вопрос о моральных вызовах и этических императивах политического действия. В условиях «открытого» информационного общества личная ответственность не только принимающих решения, но и тех, кто формирует пространство публичной дискуссии, в том числе публичных интеллектуалов, деятелей науки, образования, культуры, неизмеримо возрастает.

Умножаются возможности манипулирования сознанием, формирования в информационном пространстве негативных идентичностей, которые выстраиваются на мобилизации против иных мнений и иных видений происходящего. С другой стороны, раздвигаются рамки частной жизни, ширится круг тех, кто ощущает потребность в нравственных оценках текущих событий, сопереживании и личной сопричастности, участии в конкретной работе на общественное благо. В то же время делегирование полномочий при принятии решений – норма представительной демократии – оборачивается отчуждением рядового избирателя от политики и от сферы политического. Такое отчуждение стало спутником политико-институционального порядка современных демократических обществ.

Дефицит морали подрывает доверие к профессиональным политикам, к «политическому классу». Разрывы между ответственностью гражданина и возможностями его влияния на процессы принятия политических решений ведут к *сбоям в работе сложившихся институтов политического представительства*. Появление в странах Запада разнообразных форм гражданского участия³ свидетельствует о поисках возможностей прямого воздействия рядовых граждан на политический процесс, о формировании «человека политического». Спутником демократии является конфликтная (спорная) политика (*contentious politics*)⁴, в центре которой сегодня – противостояние граждан неэффективным и утрачивающим доверие институтам власти и управления. По выражению известного британского исследователя новых форм гражданской самоорганизации Кэрол Пэйтмен, сегодня идет борьба за «демократизацию демократии». Мериллом такой демократизации является обеспечение широких возможностей доступа граждан к процессам принятия решений путем создания разнообразных институтов, непосредственно влияющих на такие решения (например, путем участия в распределении бюджетов местных органов власти), а ее условием – поддержание качества жизни, обеспечивающего реализацию права на участие⁵.

³ См.: Dahl R. *Democracy and its Critics*. New Haven: Yale University Press. 1989.

⁴ Tilly Ch. and Tarrow S. *Contentious politics*. Boulder Co: Paradigm pub. 2007.

⁵ Pateman C. *Participatory Democracy Revisited*. // *Perspectives on Politics*. 2012. Vol. 10, № 1. Pp. 7-19.

Новые формы «делиберативной демократии» (демократии участия) предполагают вовлечение групп граждан, представляющих разные точки зрения, в работу форумов по обсуждению конкретных политических решений⁶. Эти и другие механизмы «обратной связи» призваны способствовать преодолению пропасти между «управляющими» и «управляемыми», в том числе путем овладения гражданами практическими знаниями о том, как работает политическая сфера. Демократия участия нацеливает на расширение гражданского влияния и за пределы конкретных управленческих решений, в закрытые сегодня сферы военной политики и финансового регулирования. Оформляются протестные сообщества (*protest publics*) – группы граждан, мобилизующих ресурсы гражданской активности для оказания давления на процесс принятия решений вне и помимо традиционных институтов представительной демократии. Ресурсом политической мобилизации становятся сетевые формы взаимодействия. Усложнение контекста конфликтной (спорной) политики и самой сферы политических коммуникаций требует от их участников не только определенного уровня компетентности и высокой гражданской активности, но и нравственной мотивации, готовности работать на общественное благо.

В условиях поиска эффективных механизмов активного гражданского участия как источника обновления демократии *гражданская идентичность оказывается важным*, наряду с институциональными и политико-правовыми основаниями, *ресурсом урегулирования конфликтов и формирования основ нового общественного консенсуса*⁷. В то же время действенность гражданской самоидентификации национально-государственного сообщества становится ключевым элементом состоятельности и полноценной субъектности современного государства, источником его жизнеспособности.

Между тем в ходе изменений состава национально-территориальных сообществ, сложившихся как «национальные» государства, *под вопросом оказывается само привычное понимание нации и «национального»*. *Нынешняя реальность – это растущая социокультурная разнородность национально-территориальных сообществ в границах государств. Поскольку утверждается самоценность разнообразия культурных традиций, религиозных (конфессиональных) и политических идентичностей*, представленных в их составе, постольку реализуемая от имени государства политика идентичности ориентирует на использование такого разнообразия как ресурса развития. При этом выступающие от имени интересов этнонациональных сообществ партии и движения предъявляют требования защиты прав на культурную особость, в первую очередь в использовании собственного языка в образовании и в публичной сфере, на бюджетную автономию и политическое самоуправление вплоть до полного суверенитета.

Приспособление политических институтов государства к этой новой реальности идет в основном через укрепление федеративных начал. Поиски

---

⁶ О новых формах делиберативной демократии и их ограничениях см., напр.: *Deliberative Mini-Publics. Involving Citizens in the Democratic Process.* / Grnölund K., Bächtiger A. and Setälä M. (eds.). Colchester: ECPR Press. 2014.

⁷ См. Семененко И.С. *Гражданская идентичность. // Политическая идентичность и политика идентичности.* / отв. ред. И.С. Семененко. Т. 1. *Словарь терминов и понятий.* М.: РОССПЭН. 2011. С 77-80.

путей сочетания централизации и децентрализации в управлении национально-территориальным развитием осложняются необходимостью одновременного внедрения механизмов интеграции носителей разных культур и традиций – иммигрантов и их потомков, ставших полноценными по правовому статусу гражданами страны. Однако универсальной модели поддержания «единства в разнообразии» не найдено, да и вряд ли такая модель будет найдена: это процесс, требующий постоянной настройки и перенастройки практических управленческих решений и непрерывного конструктивного взаимодействия его участников.

В условиях глобализации институт национального гражданства в том виде, в каком он унаследован от европейского национального государства периода его становления, оказывается недостаточно сильной скрепой для национально-территориального сообщества. *Для укрепления социальной сплоченности и гражданских солидарностей требуются новые институциональные и неинституциональные опоры. Они выстраиваются на основе общей мотивации к развитию, разделяемых культурных и правовых норм и возможностей доступа к общественным ресурсам.* Распределение таких ресурсов по-прежнему осуществляется преимущественно (хотя не исключительно) в рамках национально-территориального сообщества и регулируется государственными институтами. Речь идет не только и даже не столько об экономических ресурсах, сколько о ресурсах социального государства, личной безопасности, дружественной человеку социальной среды. Рассредоточение функций управления публичной сферой, передача ряда полномочий в деле организации социального общежития на уровень местных сообществ и структур гражданской самоорганизации становятся вопросами практической политики.

Конкуренция групповых интересов, продвигаемых через институты представительной демократии, до сих пор вела к доминированию экономических групп давления и их представителей во власти, иногда – явному, иногда – имплицитному. Результатом «приватизации» государства частными интересами становится падение доверия к его институтам и, как неизбежное следствие, – рост социальной аномии, *кризис мотивации развития.* Поворотный пункт нынешнего этапа общественных изменений, ознаменованный взрывом политической конфликтности, отмечен *кризисом знания об общественном развитии:* разнообразные глубинные срезы такого знания не складываются в целостную картину динамики современного миропорядка и изменений среды обитания человека. Императивом становится преодоление водоразделов между разными областями социогуманитарного знания и их синергия. Неявно в общественных науках происходит расширение и взаимное дополнение предметных полей социологии и социальной психологии, культурологии, политической и культурной географии, политической науки и международных исследований. Границы между ними зачастую не более чем условны, и приоритетом оказывается постановка исследовательской задачи, аргументированная потребностями формирования социально ответственного запроса на развитие. Так, политическая наука в поисках объяснений процессов, происходящих в политике и в обществе, выходит за рамки «политологии» в пространство социальных исследований (*social studies*).

Развитие и изменения: понятия, категории, смыслы

Кризис знания о развитии связан с опережающими темпами изменений по отношению к возможностям их адекватного осмысления и прогнозирования. Во многом он соотносится с кризисом мотивации развития, сопровождающим институциональные и социально-психологические трансформации в «развитом» мире. Неслучайно в научном дискурсе современность маркируют такие негативно окрашенные метафоры, как «столкновение цивилизаций» или «новое Средневековье», абсолютизирующие тот или иной конфликтный тренд. Описание тенденций развития с приставками, обозначающими наступление качественно нового его этапа с неясными пока контурами (постиндустриальное общество, постмодернити, постсовременность, постдемократия), или, напротив, указывающими на смену вектора на противоположный (деидеологизация, демодернизация), свидетельствует о неудовлетворенной потребности в трактовках, адекватных быстрым изменениям содержания. «Перелицовка» привычных понятий (неолиберализм, неоконсерватизм, неокорпоративизм, неонационализм / «новый национализм» и др.) идет и в русле их актуализации. Усложняется язык политического анализа: задача описания новых явлений должна сегодня решаться, имея в виду динамику самих изменений, потребность в сочетании политико-институционального и социокультурного анализа и дополнения «языка структурности» «языком процессности»⁸.

Условием операционализации категорий, употребляемых для описания общественных трансформаций, является принципиальная договоренность научного сообщества относительно их содержательного использования. Очевидно, что такая договоренность возможна только в рамках утвердившегося в современном научном дискурсе методологического плюрализма. Утверждению согласия может способствовать *разработка повестки дня изучения политических изменений*. Контент-анализ релевантных англоязычных публикаций по этой тематике, выявляет два типа исследований. Большое число работ посвящено институциональным трансформациям в конкретных национальных (региональных, наднациональных) контекстах, несколько меньшее – акторам таких изменений – группам интересов, политическим партиям и движениям⁹.

Изучая политику как «процесс в ущерб осмыслению качественных изменений содержания», политические исследования зачастую, осознанно или невольно, приспосабливаются к меняющейся реальности. Так, ключевые аспекты изучения происходящих в странах Евросоюза изменений должны в конечном итоге, на этапе обобщения результатов, складываться в общую картину динамики европейской политики. Но в современных исследованиях европейской интеграции выделяются новые контексты для изучения политического процесса и его механизмов, в то время как парадигмальные

---

⁸ Подробнее об этом см. главу Х.Г. Тхагапсоева в настоящем издании.

⁹ Так, занимающийся европейскими исследованиями авторитетный Центр изучения политических изменений Сиенского университета (Centre for the Study of Political Change, Università degli Studi di Siena, Italy) выделяет в качестве приоритетных направлений анализ общественного мнения и динамики политических элит современной Европы, изучение институциональных трансформаций, европейской публичной сферы и проблем гражданства. См.: Centre for the Study of Political Change, Università degli Studi di Siena, Italy. Доступ: <http://www.circap.org/research-areas.html>

сдвиги в политике, которые стоят за такими процессами, остаются, за редкими исключениями, «за скобками»¹⁰. Показательно поэтому, что в экспертном сообществе нет согласия по вопросу о природе европейской политики.

Политические изменения задаются трансформацией не только институтов, но и управленческих практик, определяющих сферу публичной политики. В повестку дня политического управления включаются вопросы, до недавнего времени остававшиеся за пределами сферы политического (изменения климата, распространение массовых заболеваний, ювенальная юстиция, биоэтика и др.) Вопрос о принципиальной возможности и моделях глобального регулирования в этих сферах стал ключевым вызовом для социальных наук. Однако политико-институциональными (*politics*) сдвигами и управленческими (*policies*) новациями содержание политических изменений не исчерпывается. Появляются новые участники политических процессов, расширяются сферы их субъектности. *Меняется само содержание политики и контуры политического: неполитические по форме взаимодействия обретают ярко выраженное политическое содержание.*¹¹

Согласно оценке Зигмунта Баумана, мир оказался «перед лицом кризиса “политики как мы ее знаем”»¹². Рассогласование временных связей и пространственных взаимодействий побуждает *переосмыслить и само понимание развития.* Неслучайно синонимы восходящего к этому понятию смыслового ряда – прогресс, эволюция, поступательное движение – вписываются в его линейную трактовку. А близкие им по смыслу концепты, такие, например, как «демократический транзит», оказываются перегруженными многозначными идеологизированными коннотациями и, как уже было подмечено десятилетие назад, расходятся с реальностью переживающих трансформации политического режима обществ¹³. Сравнительный анализ процессов становления государственности на постсоветском пространстве не обнаруживает линейной зависимости между уровнем политико-институциональной демократизации и экономическим ростом¹⁴. В свою очередь, укоренение рыночных институтов и политическая демократизация также не являются взаимосвязанными переменными общественного развития. Вектор демократизации и качественные характеристики меняющейся институциональной среды задают политическая и правовая культура, комплекс факторов исторического развития страны, ее

---

¹⁰ См. об этом: Shaw M. The Global Transformation of the Social Sciences. / M. Kaldor, H. Anheier and M. Glasius (eds.) *Global Civil Society Yearbook 2003*. Oxford: Oxford University Press. 2003. P. 40.

¹¹ Примером может служить политика памяти, которая становится двигателем политических изменений или, напротив, оказывается препятствием на пути модернизационного развития национальных сообществ. Assmann A. and Shortt L. *Memory and Political Change*. L.: Palgrave Macmillan. 2011.

¹² Bauman Z. Quo vadis, Europe? // *Open Democracy*. 2.06.2014. Доступ: <http://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/zygmunt-bauman/quo-vadis-europe>

¹³ См. Carothers T. The End of the Transition Paradigm. // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. No. 1.

¹⁴ Лапкин В.В., Пантин В.И., Рябов А.В. Новая периферия: трудности посткоммунистического развития. // *Глобальная перестройка (отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова)*. М.: Весь мир. 2014. С. 185-186.

цивилизационные ориентиры, национальная картина мира, экономический уклад, внешние условия. И, что принципиально важно для творческой социальной деятельности – формирование «массового типа личности, испытывающей потребность в свободе (не только политической, но и – а может быть, прежде всего – экономической) и готовой отстаивать ее»¹⁵.

Тенденции происходящих изменений фиксируются в разных измерениях и на разных уровнях общественных процессов. Привычное для социальных (и, в частности, для политических) исследований – это измерение «национальное». Оно предполагает отслеживание тенденций социально-политического и экономического развития в масштабах страны. Такие исследования позволяют выявить особенности развития государств и факторы их успеха / неуспеха¹⁶. Однако «в начале XXI века общество мирового риска бросило политический и теоретический вызов идее, согласно которой тесное переплетение истории и границ является единственным средством социальной и символической интеграции и единственным средством ее анализа»¹⁷. Приравнение «современного общества к обществу, организованному как территориально ограниченное национальное государство» – пресловутый «методологический национализм» – не учитывает трансформации, происходящие вне и помимо национальных границ, в иных измерениях человеческой деятельности, и, по сути, игнорирует их влияние на мотивацию участников политических взаимодействий.

Государство и его структуры не могут быть самодовлеющими единицами исследования общественной динамики: альтернативные ориентиры развития появляются вне и помимо сфер их влияния. Взаимодействия социальных субъектов разной природы формируют социальные пространства. Пространственное измерение анализа позволяет выявить перспективные тренды общественного развития. Как разновидность социального пространства *политические пространства представляют область коммуникации, виртуальной и зачастую – конфликтной, субъектов политического процесса разной природы*. Современное развитие характеризуется множественностью политических пространств различных конфигураций, очертания которых ситуативны и подвижны¹⁸. Политическое пространство формируют представления о политике, отражающие смыслы, ценности, идеи и идентичности, которые воплощаются в политических действиях и могут создавать отвечающие задачам политического целеполагания новые институты и структуры. Так возникают, например, сетевые структуры глобального гражданского общества¹⁹.

---

¹⁵ Баталов Э.Я. *Человек, мир, политика*. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2008. С. 9-10.

¹⁶ *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития*. В 2х т. / редколлегия: И.С. Семенов (отв. ред.), Н.В. Загладин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН. 2014.

¹⁷ Бек У. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 5.

¹⁸ Примеры использования пространственного подхода в политическом анализе см. *Spatial Politics: Essays for Doreen Massey*. / Featherstone D. and Painter J. (eds.) Oxford: Wiley-Blackwell. 2013. См. об этом также главу И.Л. Прохоренко в настоящем издании.

¹⁹ См. *Global Civil Society Yearbooks*. L.: Oxford University Press; Sage; Palgrave Macmillan: 2001-2012. Доступ: <http://www.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/CSHS/civilSociety/yearBook/contentsPages/2001.aspx>

Понятие пространства, пришедшее из географии, имеет широкое хождение в политических и, особенно, в социокультурных исследованиях. Однако, как и многие другие заимствованные из смежных сфер социогуманитарного знания и из естественных наук понятия, в основном – как метафора, а не как научная категория. Базового консенсуса вокруг его использования нет, и ракурс исследования задает параметры его применения, зачастую – волюнтаристского и малосодержательного. На наш взгляд, политическое *пространство* продуктивно рассматривать как *пространство политических взаимодействий*, как утверждающуюся в процессе коммуникации структурную единицу с подвижными контурами, способную к ситуативным изменениям. Уточнение этой процессуально-структурной категории и оценка возможностей ее аналитического использования может качественным образом расширить методологический арсенал наук, изучающих социальные изменения.

Между тем операционализация таких базовых категорий политической науки, как государства, нации, этнические группы, или самой категории «общество», также оказывается в прямой зависимости от исследовательской оптики, несмотря на видимое согласие в научном и политическом сообществах вокруг их использования. В результате социальные практики конструирования реальности и дискурсы об этой реальности заметно расходятся в трактовке приоритетов и ограничений современного развития. Под вопросом оказывается сама роль «общества» как его субъекта.

Разработка аналитических моделей, которые могут «помыслить» общество иначе, указывает на необходимость пересмотра отношения к обществу как «младшему партнеру» государства. Опоры «хорошего общества»²⁰, способного преодолеть процессы распада публичной сферы и обеспечить заинтересованное участие граждан в практиках повседневного общественного контроля за распределением ресурсов, выстраиваются на основе межличностных взаимодействий и их проекции в сферу политического. Действительно, «если мы хотим понять, как работает общество, мы должны заполнить разрывы между индивидами, осмыслить, как связи и взаимодействия между людьми порождают новые области человеческого опыта, которые в личном опыте не присутствуют»²¹.

Методология анализа политических изменений: формирование исследовательской повестки дня

Более адекватно содержание происходящих процессов описывается в терминах изменений / трансформаций / динамики, не фиксирующих их линейные характеристики. Анализ развития в категориях антиномий – глобализация / локализация, архаика / современность, модернизация / архаизация, универсальность / партикулярность и пр. – позволяет осмыслить темпоральную динамику нынешних социальных изменений. В этом контексте упор на *сопряженности антиномичных процессов и явлений* позволяет

---

²⁰ См.: Galbraith K. *The Good Society. The Humane Agenda*. Boston: Houghton Mifflin Co. 1996; Федотова В.Г. *Хорошее общество*. М.: Прогресс-Традиция. 2005.

²¹ Christakis N.A. and Fowler J.H. *Connected: The Surprising Power of Our Social Networks, and How They Shape Our Lives*. New York: Little Brown. 2009. P. 32.

составить более адекватное представление об альтернативах современного общественного развития.

Такой подход предполагает *отказ от сугубо западоцентричного взгляда на развитие и модернизацию*. Пересмотра требует, на наш взгляд, сама область изучения проблем развития (*development studies, political economy of development*). Она сложилась в ходе постколониальных исследований и ориентирована на изучение феномена «отставания» т.н. развивающихся стран и поиски путей его преодоления. Между тем неоднородность «периферии», представляющей «бедный Юг» в противоположность «богатому Северу», появление «новой периферии» и динамика региональной интеграции указывают на необходимость разработки критериев оценки развития, которые учитывали бы качественные изменения в разных регионах мира и возможности их количественной верификации.

Утверждающееся сегодня деление на «развитые», «среднеразвитые» и «слаборазвитые» страны опирается на оценки уровней экономической и социальной динамики и качества жизни. Однако очевидно, что привычные показатели динамики ВВП «были разработаны для экономики, приводимой в движение сталью и зерном, а не информацией... Они не способны измерить вклад инноваций в экономику»²². Тем более не поддается привычному институциональному анализу оценка социальных и политических последствий процессов форсированной модернизации и возможностей их перерастания в органическую модернизацию. Примеры развития ряда стран бывшей «периферии» показывают, что «демократизации препятствует не столько традиция, сколько авторитаризм», а «цивилизационные ценности способны в ходе современного развития компенсировать дефицит различных ресурсов»²³. Цивилизационное измерение политического развития, существующее постольку, «поскольку политический процесс воспринимается через такие когнитивные структуры, как государственный национализм, идеология, этничность или религия»²⁴, может быть осмыслено в категориях национально-цивилизационной, гибридной, многосоставной и других видов политической идентичности²⁵ в контексте анализа *социокультурных оснований политических изменений*.

Следствием глобализации становится возрастание гетерогенности политического пространства, разнородность и неравновесность взаимодействующих в нем акторов. Для описания таких трансформаций в политических исследованиях используются такие характеристики, как комплексность, сложносоставность, мозаичность, фрагментарность. Особого внимания заслуживает феномен «гибридности», характеризующий нынешние политические трансформации. Вероятно, «гибридный характер некоторых

---

²² Мокир Дж. Наука спасет экономику. // *Ведомости*. 14.08.2014,

²³ Кудряшова И.В. Цивилизационное измерение модернизации: Россия в контексте мирового опыта. *Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы*. Доступ: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/civilizacionnoje_izmerenije_modernizacii_rossija_v_kontekste_mirovogo_opyta_2014-06-04.htm

²⁴ Там же.

²⁵ См. *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 тт. Т.1. *Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий (отв. ред. И.С. Семененко)*. М.: РОССПЭН. 2011.

новых политических институтов следует рассматривать не как отклонение от «нормы», а как утверждающуюся в современных условиях модель развития»²⁶.

Одной из ключевых составляющих современной модели развития оказывается политическая субъектность «человека мыслящего» и «человека действующего», которая формируется в новой социальной реальности, в условиях интерактивной подключенности к глобальной информационной среде. Растет рассогласованность между развитием личности и динамикой отчужденных от ее потребностей социальных институтов. Человек приобщается к новым ресурсам, меняющим его психологию, к культурным нормам, вторгающимся в самые интимные сферы личной жизни. По итогам осмысления качественных изменений природы современных социальных взаимодействий мы описываем *новую пространственно-временную реальность, формирующую среду бытования современного человека, как «инфомодернити» (infomodernity)*²⁷. Иными словами – как *реальность включенности и связанности, формирующуюся в процессе обезличенных коммуникаций между людьми* (через сеть, средства массовой информации, повседневность общества массового потребления).

Инфомодернити сопрягает социальное пространство и время, отражая и фиксируя, как на моментальном фотоснимке, текучий характер современного социального бытия. Погруженный в эту среду человек оказывается перед видимостью выбора жизненных стратегий. В информационных потоках они трансформируются в конкурентные жизненные «проекты», подменяющие бытийные смыслы сменой впечатлений, стилей, поведенческих моделей. Фроммовская дилемма «иметь или быть» вытесняется дилеммой «быть или казаться»²⁸. Инфомодернити диктует потребность в быстрой смене идентичностей; такая постоянная смена утверждается в информационном поле как синоним «современности». Сама же «современность» подменяется «актуальностью». «Диктат» идентичностей навязывает потребность в новом выборе, выдавая ее за жизненную необходимость. В результате в политическом пространстве резко возрастают риски манипулирования сознанием и возможности их использования для поддержки и продвижения групповых властных интересов. «Цветные» революции дают тому немало ярких примеров.

Разрывы социальной ткани не компенсируются, а во многом и усугубляются технологическими инновациями. Поиски путей преодоления таких разрывов побуждают к осмыслению феномена «человека политического». Природа «человека политического» как ответственного гражданина указывает на *необходимость включения в политический анализ индивидуального измерения* наряду с привычными групповыми (профессиональными, гендерными, возрастными, идейно-политическими) и макрополитическими (в частности, национальным) уровнями анализа. Оценка влияния личностного

---

²⁶ См.: Морозова Е.В. Гибридные субъекты публичной политики: антиистэблишментские партии. // *Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология*. 2014. № 4.

²⁷ Подробнее см. главу В.В. Лапкина и И.С. Семененко в настоящем издании.

²⁸ Подробнее см.: Семененко И.С., Лапкин В.В., Холодковский К.Г. Заключение. Индивид, гражданин, личность. // *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 тт. Т. 2. *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* (отв. ред. И.С. Семененко). М.: РОССПЭН. 2012. С. 450-463.

фактора на повестку дня, темпы, природу происходящих общественных трансформаций принципиально углубляет наше понимание природы и возможных альтернатив социально-политических изменений.

«Массовый» человек как субъект политического процесса перемещается из сферы политико-философских исследований и предметной области политической антропологии в другие сферы политической науки. Синтез макрополитического (исследования больших пространств и деятельности формирующих их политических акторов – коллективных субъектов политического процесса) и микрополитического (изучение групповых и индивидуальных идентичностей и мотиваций участников политических конфликтов) подходов закладывает основания модели изучения современных общественных трансформаций. *Разработка такой комплексной модели – ключевой методологический вызов для современной политической науки.*

Традиционным для социальных наук является противопоставление методологического индивидуализма, отсылающего исключительно к анализу личного и межличностного опыта – и холизма, отрицающего такой редукционизм и сосредоточенного на институтах и процессах. «Примирение» этих подходов путем взаимного дополнения их методологических оснований²⁹ может дать новое качество социального знания. Один из путей преодоления их жесткого противопоставления – прицельное применение факторного, субъектно ориентированного, социально-психологического анализа. Такой анализ позволяет выявить причинно-следственные связи разного уровня и интенсивности, которые возникают в ходе взаимодействий субъектов политического процесса различной природы. В этом контексте нельзя недооценивать *когнитивные возможности концепта идентичности и самого идентитарного подхода*. Он открывает пути осмысления природы общественных изменений сквозь призму жизненных стратегий и мотиваций индивида, группы, сообщества, позволяет выявить новые тенденции в формировании социального бытия, возникающие в процессе утверждения и смены идентичностей, те смыслы и ценности, которыми руководствуется человек в своем социальном поведении, увидеть потенциал его духовного роста и возможности реализации этого потенциала.

* * *

В ходе реализации исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда № 12-03-00306а «Методология анализа политического и социокультурного развития и прогнозирования социально-политических изменений в контексте модернизации», по итогам которого подготовлена данная монография, его участники сосредоточили внимание на изучении общественного развития через политические изменения и на апробации разработанных в рамках проекта комплексных методологических подходов к их анализу. Обозначившееся в ходе исследования дихотомическое видение альтернатив общественного развития («альтернативного капитализма» или «альтернативы капитализму») опиралось на анализ кризисных трендов политико-институциональных изменений в современном мире. Кризис рассматривался не только и не столько как экономическая рецессия, фаза

---

²⁹ См. об этом: List Ch. and Spiekermann K. Methodological Individualism and Holism in Political Science: A Reconciliation. // *American Political Science Review*. 2013. Vol. 107, № 4, November.

циклического спада, но как долговременные качественные изменения политико-институциональной и духовной среды, ценностных ориентаций и культурной нормы, разлагающие институты современных западных демократий и выявляющие системные ограничения западоцентричной парадигмы развития.

Теме трендов и альтернатив развития посвящен первый раздел монографии. Имея в виду незавершенный характер нынешнего кризисного перехода и неясные контуры альтернативных моделей развития, выявленные противоречивые тенденции общественных трансформаций подводят к необходимости преодоления «методологического национализма» для прогнозирования возможных альтернативных сценариев развития. Это преодоление происходит, как показывает исследование, путем сопряжения национального уровня изменений с другими уровнями и срезами анализа.

Не ограниченные рамками государства взаимодействия формируют социальные пространства и их разновидность – пространства политические. Пространственный анализ, представленный в главах второго раздела монографии, позволяет увидеть новых субъектов современного развития и выявить системные ограничения на путях качественного изменения среды обитания человека.

В результате таких взаимодействий создается институциональная среда, в которой наиболее явно проявляются политические изменения и выдвигаются новые субъекты политики. Примером может служить такая форма «демократии участия», как мониторинговая демократия. Потенциал политических изменений сосредотачивается на разных уровнях осуществления управленческих решений. Формируется сетевой ландшафт публичной политики. Здесь происходит мобилизация протестных сообществ, ищущих эффективные пути влияния на процессы принятия решений. Яркие примеры трансформаций неполитических взаимодействий в политические дает рассмотрение городов и их объединений как политических акторов. Акторам и институтам, взаимодействующим в современном политическом пространстве, посвящен третий раздел монографии.

Анализ отражения социально-политических трансформаций в индивидуальном политическом опыте представлен в заключительном разделе исследования. Для авторского коллектива очевидно, что методологический вызов, связанный с включением в поле общественных наук личностного, индивидуального измерения, воспринят научным сообществом пока лишь частично и очень избирательно. Индивидуальное политическое сознание и поведение изучается на уровне элитных групп (управляющих) и политических лидеров и на уровне коллективных субъектов – социальных групп или страт. Данные социологических опросов экстраполируют обобщенные результаты личностных восприятий на уровень группового. Картина дополняется описанием конкретных человеческих «историй», которые призваны проиллюстрировать тот или иной тип сознания или модель поведения. Но в изучении индивидуального политического сознания и поведения убедительной модели синтеза методологических подходов социологии, психологии, лингвистики, культуральных исследований (*cultural studies*) и экономической науки с подходами политической философии и политической антропологии до сих пор не сложилось. Решение этой комплексной задачи пока находится за пределами современного знания о природе социального. Участники проекта попытались наметить возможные пути продвижения к ее решению.

Исследовательский проект был реализован в течение трех лет. Авторы апробировали изложенные в книге подходы в ходе обсуждений, организованных в рамках постоянно действующего научно-теоретического семинара Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований (ЦЭСПИ) ИМЭМО РАН, и в серии публикаций в журналах «Полис. Политические исследования» и «Мировая экономика и международные отношения» в 2012 – 2013 гг.³⁰, а также в ряде выступлений на научных конференциях и изданных по их итогам сборников трудов. Некоторые из этих публикаций стали основой для глав книги; тексты доработаны с учетом откликов на изложенные в них идеи и подходы и публикуются в авторской редакции. Другие подготовлены по итогам завершения исследовательского проекта.

Выпуская монографию, авторский коллектив надеется привлечь внимание занятых в разных предметных сферах социальных наук исследователей к необходимости комплексной разработки методологических проблем в изучении общественного развития. Многомерность исследовательских ракурсов, синтез разных подходов при большей методологической строгости и большей терминологической определенности будет способствовать, как мы надеемся, выявлению таких «точек роста» в социальных науках, которые смогут заложить основы альтернативного видения развития, созвучного творческому развитию личности и становлению солидарного общества. И, что принципиально важно для социального знания, – это поможет стимулировать публичную дискуссию о смыслах человеческого бытия, о такой форме общественной самоорганизации, которая отвечает предназначению человека в мире.

---

³⁰ См.: «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? (Проблемы концептуализации современного развития). Материалы круглого стола ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. №№ 7, 8; Семенов И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт осмысления индивидуального измерения политики; Пантин В.И. Исследование перспектив мирового развития: проблемы методологического синтеза; Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие»; Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6; Перегудов С.П. «Русский вопрос» в контексте этнонациональных отношений в РФ. // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 2; Лапкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity». // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 6; Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Тренды и альтернативы мирового развития (политико-институциональное измерение). // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 10. Все публикации подготовлены в рамках проекта РГНФ «Методология анализа политического и социокультурного развития и прогнозирования социально-политических изменений в контексте модернизации» № 12-03-00306а). Вне рамок проекта подготовлена публикация Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6.

Раздел первый.**ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

В главах этого раздела поставлены принципиально важные для развития политической науки методологические проблемы, связанные с поисками и утверждением новой исследовательской парадигмы. Авторы аргументированно показывают, что прежняя «линейная» и «западоцентричная» парадигма, рассматривавшая процессы глобализации, модернизации, развитие политических институтов, «демократический транзит» и др. с позиций движения к некоей заранее заданной точке (например, к «концу истории» в духе Фрэнсиса Фукуямы, к демократии американского образца или к «мировому правительству»), в условиях крупных политических потрясений начала XXI века демонстрирует полную несостоятельность. Однако, несмотря на очевидные провалы линейного и западоцентричного взгляда на мир, общество и человека, формирование в политической науке новой нелинейной парадигмы, предполагающей решающий вклад цивилизационного разнообразия современного глобально связанного человечества в диверсификацию развития его политических, социальных и экономических институтов, норм и практик, происходит довольно медленно, не поспевая за реальными общественными трансформациями.

Исчерпание прежней парадигмы проявляется, в частности, как уже отмечалось выше, в попытках использовать понятия и термины с приставкой «пост»: постдемократия, постмодернизм, посткапитализм, постиндустриальное общество и т.п. Представляется, однако, что использование подобных концептов не дает возможности сформироваться действительно новой методологии, новой исследовательской парадигме. Более плодотворным, по-видимому, является подход, ставящий во главу угла исследования сложное взаимодействие различных субъектов и акторов политических изменений – от индивида (личности) до транснациональных и наднациональных образований, включая региональные политические и экономические союзы. Кроме того, чрезвычайно важным является синтез антиномичных, но дополняющих друг друга подходов к исследованию политического и – шире – общественного развития, например, поступательного и циклически-волнового. Только такой синтез может по-настоящему раскрыть значение кризисов и конфликтов в динамике современного глобального общества, их революционизирующую роль и связанные с этим многочисленные угрозы и риски.

Настойчивые и основательно мотивированные попытки ревизии самих критериев «современности» побуждают к переопределению нынешнего этапа развития, к исследованию перспектив социально-политической динамики, прояснение которых имеет принципиально важное значение для принятия адекватных современным рискам политических и управленческих решений. В мировой политике утверждаются новые политико-институциональные конфигурации, формируются разноуровневые «полюсы» анализа политики, трендов современного общественного развития. Стремительно множась вызовы этого развития побуждают к критическому переосмыслению содержания и взаимосвязей фундаментальных концептов, таких, как модернизация и капитализм, демократия и рынок, глобализация и

регионализация, общество и личность, посредством которых современный исследователь постигает происходящие социальные изменения.

Особое внимание в главах данного раздела уделено роли кризиса развития как, во-первых, ключевого фактора, инициирующего изменения и стимулирующего инновации в политической, социальной и экономической сферах, а во-вторых, – как важного условия, благоприятствующего теоретическому и методологическому продвижению современной науки об обществе на основе изучения проявляющихся в кризисную эпоху новых форм и закономерностей общественной жизни.

Глава 1. СИСТЕМНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: К ВОПРОСУ О СМЕНЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ

И.С. Семенов, В.В. Лапкин

Характерное для современного мира сопряжение многомерных политических процессов формирует новые запросы к используемому в общественных науках исследовательскому инструментарию. Для анализа и прогноза явлений столь высокой сложности и изменчивости нужны универсальные исследовательские подходы. Универсальные и по способности охвата разновекторной динамики современных социальных институтов, и по потенциалу междисциплинарности, синтеза методов различных областей социогуманитарного знания о развитии, и по готовности к критической и фундаментальной ревизии широкого круга прежних основополагающих концептов теоретического конструирования миропорядка и описания принципов его организации.

Разработка комплексной модели исследования политических изменений – ключевой методологический вызов для современной политической науки. Теоретическую рамку может, на наш взгляд, задать изучение механизмов взаимодействия современной демократии и капиталистического рынка и переосмысление самого понимания капитализма как типа общественного развития в рамках сформированного ими устойчивого политико-институционального порядка. Речь идет о разработке *новой парадигмы общественного развития*, способной адекватно отразить происходящие трансформации.

Новые контуры современного развития

Мировое развитие подошло к пределам роста. Этот предел обусловлен дефицитом ресурсов, порождаемым теряющей прежнюю эффективность системой их социального перераспределения, а также кризисом форм институционализации современных обществ. Результатом стал пересмотр утвердившейся в общественном сознании в XX веке прогрессистской парадигмы. Однако *альтернативная система координат, отражающая нелинейный характер развития, пока не обрела четких очертаний.* Очевидно, что она должна быть ориентирована на фундаментальные потребности человека, на сохранение дружественной ему природной среды, и предусматривать меры социального регулирования, ограничивающие стихию

частного интереса и отвечающие задачам сохранения внутренней целостности личности, ее духовной природы.

В получившей широкую известность книге «Общество риска» (с подзаголовком «На пути к другому модерну») Ульрих Бек, известнейший публичный интеллеktуал и социальный философ, говорит о вызовах новой фазы развития современного общества, о ее рисках и угрозах для общества и о страхах, перед лицом которых оказывается человек. По мысли Бека, «современность, вносящая неопределенность во все уголки бытия, обретает свой контрпринцип в некоем социальном договоре против порождаемых индустриальной системой опасностей и ущерба... такой “договор” составляет стержневую, внутреннюю “социальную логику общего согласия на прогресс”»³¹.

Продвижение по пути к общественному договору и понижение порога рисков развития – один из ключевых критериев, определяющих общество как «современное». Главное здесь – соответствие общественных структур задачам развития, способность общества управлять рисками, обновляя свои политико-институциональные основания. Вместе с тем, конфликтная природа социально-политических изменений в сложных системах дает основания говорить о недостижимости консенсусной модели социальных отношений и настаивать на состоятельности интересов и децентрализации политического участия как путях управления «обществом риска»: этот «демократический парадокс» подробно описан теоретиками «радикальной демократии» (Ш. Муфф, Э. Лакло и др.)³². Утвердившаяся общественная система не решает задач органичной модернизации и не создает механизмов регулирования растущих социальных дисбалансов.

Критики ее нынешней модели усматривают источники системных изменений в разнородном потенциале социального протеста³³, коммунитаризма и самоорганизации граждан, осваивающих общественные ресурсы³⁴. Многие развитые страны ищут пути передачи на нижние этажи социальной организации решения проблем обустройства повседневной жизни (society empowerment)³⁵. Правда, с ограниченным пока успехом.

Альтернативные стили жизни рождаются и все чаще утверждаются за пределами «развитого мира». Неслучайно еще в середине 2000-х гг. выдающийся ученый-латиноамериканист К.Л. Майданик отмечал, анализируя начало нового цикла в истории стран этого континента, что благодаря

---

³¹ Бек У. От индустриального общества к обществу риска. // *Thesis*. 1994. Вып. 5. С. 164.

³² Laclau E. and Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London – New York: Verso, 1985.

³³ О потенциале социального протеста в условиях глобализации существует обширная литература. См., напр.: *Global Civil Society Yearbooks 2001 – 2012*. L.: Oxford University Press; Sage; Palgrave Macmillan. 2001 – 2012.

³⁴ О коммунитаризме и о проблемах мотивации коллективных действий см.: Etzioni A. *The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society*. New York: Basic Books. 1998; Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.

³⁵ См.: Capable Communities: Towards Citizen-Powered Services. L.: IRRR – PwC, 2011. http://www.ippr.org/images/media/files/publication/2011/05/Capable%20Communities%20Nov2010_1813.pdf

разбуженной энергии социальных низов Латинская Америка “обрела статус главной зоны альтернативного развития современного мира” и стала «главной силой», бросающей изнутри западной цивилизации вызов доминирующим тенденциям ее развития»³⁶.

Перспективы перемен связываются и с альтернативными типами производства и потребления, с новыми стилями жизни, отвергающими и вытесняющими ценности массовой культуры и потребительства. В этом ряду стоят и ответственное индивидуальное потребление, и такие перспективные точки роста, как «зеленая» экономика, альтернативная энергетика, креативная экономика. К ним можно отнести и различные формы реализации социальной ответственности бизнеса, социальное предпринимательство и социальное инвестирование в рамках укоренения модели корпоративного гражданства. Но этот разнородный потенциал не аккумулируется пока в движение за альтернативное развитие – ни в концептуальной форме, ни на практике. Налицо и объективные ограничения: альтернативные практики сравнительно узко распространены, зачастую оказываются затратными и могут расходиться с задачами обеспечения поступательной экономической динамики (или не полностью соответствовать им). Особенно если речь идет о развитии за пределами ареала пресловутого «золотого миллиарда», где в условиях острого дефицита ресурсов нерешенным остается даже вопрос об удовлетворении элементарных жизненных потребностей человека.

Многоликий капитализм

Доминирующая сегодня в мире система общественных отношений по-прежнему наиболее адекватно описывается моделью капитализма, рассматриваемого не на основе прежних марксистских или советских идеологизированных позиций, а с учетом современных политэкономических и социологических теоретико-методологических подходов³⁷. В публичном дискурсе и в экспертной литературе эта модель зачастую упрощенно сводится к «современной рыночной экономике». Гораздо реже представления о капитализме распространяются на совокупный политический и экономический строй современного общества и мира в целом, в основании которого – теснейшая связь между капитализмом и демократией. Так, Френсис Фукуяма подчеркивает: «Капитализм и демократия... тесно связаны друг с другом. Здоровая капиталистическая экономика – это экономика, в рамках которой общество располагает количеством социального капитала, достаточным для того, чтобы позволить самоорганизацию бизнеса, корпораций, сетевых структур и т.п. ...Та же склонность к социализированности, которая имеет ключевое значение для организации устойчивых бизнес-структур, необходима и для создания эффективных политических организаций»³⁸.

³⁶ «Левый поворот» в Латинской Америке: причины, содержание, последствия. Материалы круглого стола. // Латинская Америка. 2006. № 6. С. 5.

³⁷ О дискурсах капитализма и сценариях его трансформации см.: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: «Культурная революция». 2010.

³⁸ См.: Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: Издательство АСТ. 2004. С. 580-581.

Есть ли у этой модели, хотя бы в обозримом будущем, альтернатива, которая имела бы перспективы практического воплощения? Не ставит ли кризисное развитие вопрос о корректировке самих основ капитализма? Можно ли представить себе и предложить в качестве модельных иные, кроме капиталистических, основания интеграции и координации сложного общества? Или же следует признать, что «институциональный каркас» капитализма обладает уникальной способностью вновь и вновь адаптироваться, меняться, наращивая потенциал роста и вбирая под свой контроль изменчивую и конфликтную социальную и экономическую реальность? Стоит вспомнить анализ, представленный Й. Шумпетером в классическом труде 1942 г.: «Капитализм по самой своей сути – это форма или метод экономических изменений, он никогда не бывает и не может быть стационарным состоянием. ...Капиталистический механизм... – все тот же процесс экономической мутации, ...который непрерывно революционизирует экономическую структуру *изнутри*, разрушая старую структуру и создавая новую. Этот процесс 'созидательного разрушения' является самой сущностью капитализма...»³⁹

Если исходить из такой постановки проблемы, то является ли сама возможность адаптации имманентно присущей капитализму способностью, порождающей в качестве ответа на вызовы развития все новые и новые «разновидности капитализма»?⁴⁰ И как такие «разновидности» сопрягаются с множющимися формами «демократии с прилагательными», на которые опирается сегодня научный анализ модернизационных политических изменений?

Избегая соблазна в каждом новом обострении мирового экономического кризиса усматривать «судьбоносный перелом» в эволюции капиталистической системы, правомерно поставить вопросы о критериях и перспективах качественной трансформации сложившегося социального порядка и о методологических принципах осмысления и прогнозирования его динамики. Подчеркнем, что под кризисом мы подразумеваем не только и не столько относительно короткий глобальный экономический кризис 2008 – 2009 гг. и «рецессию» 2011 – 2012 гг., а, прежде всего – гораздо более длительный период социально-политической нестабильности во многих странах и кризисные явления в культурно-цивилизационной сфере, связанные с массовой инокультурной миграцией, разрушением традиционной семьи и демографическими сдвигами.

Уместно в этом контексте оценить перспективы утверждения иной, по сравнению с укорененными в социальных исследованиях подходами, модели

---

³⁹ Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика. 1995. С. 126-127.

⁴⁰ Дискуссия о национальных «разновидностях капитализма» в рамках двух моделей рыночной экономики – либеральной и «координированной» – интегрирована сегодня в мейнстрим современной политической экономии и «проросла» в экономическую социологию, менеджмент и сопряженные сферы исследований. Использующие такой подход авторы работают в поле неоинституционализма и основное внимание сосредотачивают на роли бизнеса в утверждении его национальных вариантов. См., напр.: *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. / P. Hall and D. Soskice eds. Oxford: Oxford University Press. 2001. Обзор позиций и критика «институционального детерминизма» см.: Kang N.A Critique of the «Varieties of Capitalism» Approach / No. 45-2006 ICCSR Research Paper Series. Nottingham: International Centre for Corporate Social Responsibility, Nottingham University Business School. 2006.

концептуализации глобального развития. В частности, принципиально важным представляется вопрос о поступательном характере модернизации, ее рассмотрении как состояния изменений, повышающих адаптивные возможности социума⁴¹, и о внесении соответствующих акцентов в аналитический инструментарий социальных наук.

Кризис 2000-х гг. высветил исходные параметры такой аналитической модели. Речь идет как о введении обоснованного различения развития и роста (их фактическое отождествление стало своего рода априорной догмой обществоведческого мейнстрима), так и об оценке возможностей синергии ресурсов традиции и инноваций в решении проблем развития (вопреки расхожим взглядам на модернизацию как на отрицание традиции). В рамках анализа трендов политических трансформаций остро стоит вопрос о преодолении укоренившейся в научном дискурсе и в обыденном сознании абсолютизации рецептов развития политической системы, выработанных на основе опыта Запада. И, в этом контексте – о выявлении в современной демократии ресурсов, которые могли бы способствовать распространению контроля глобального гражданского общества на процессы макроэкономического регулирования, приведению политических институтов в соответствие с потребностями гражданина и нравственными принципами творческой, социально ответственной личности.

Главный вопрос текущего кризиса – перспективы капитализма как способа самоорганизации сложного общества в том виде, как он сформировался в эпоху зрелого модерна. Капитализм – это, по существу, общепринятое, устоявшееся название системы общественных отношений, постоянно порождающей и воспроизводящей инновационный тип развития, это социальный механизм, обеспечивающий, по выражению классика социологической мысли конца XX – начала XXI вв. Энтони Гидденса, продвижение «колесницы современности», этой «неудержимой машины невероятной силы, которой мы, люди, в определенной степени можем совместно управлять, но которая также угрожает быстро выйти из-под нашего контроля... Проблема заключается в том, что капитализм является иррациональным способом движения к современному миру, поскольку он использует капризы рынка для контролируемого удовлетворения человеческой потребности»⁴².

Но вместе с тем, капитализм выполняет еще одну чрезвычайно важную общественную функцию: он выступает в качестве радикального средства принуждения социализированного индивида к самоизменению, средства дисциплинирования и источника социальной поляризации и атомизации, смягченной по преимуществу лишь корпоративистскими практиками. Капиталистическая социальная система позволяет предельно эффективно производить и накапливать отчужденные формы человеческой деятельности и претворять их в особый, «открытый» порядок общественной жизни, трансформирующий и разлагающий все иные, традиционные порядки. И тем самым – это система, лишаящая и отдельного индивида, и сообщества людей

---

⁴¹ Подробнее об этом см.: Лапкин В.В. *Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений*. М.: ИМЭМО РАН. 2012. С. 76.

⁴² Гидденс Э. *Последствия современности*. М.: Праксис. 2011. С. 279.

каких-либо иллюзий устойчивости и защищенности, кроме тех, что дает им обладание капиталом.

Неслучайно прослеживается теснейшая историческая (генетическая) и сущностная (эпистемологическая) связь капитализма и современности (как процесса последовательной модернизации). Об этой взаимосвязи, сближающей смысловое наполнение двух этих ключевых понятий социальной науки, в свое время, уже более двадцати лет тому назад, писал Гидденс, задаваясь вопросом: «Что есть современность? В качестве первого приближения к ответу скажем лишь следующее: 'современность' означает способы социальной жизни или организации, которые возникли в Европе, начиная примерно с XVII века и далее, и влияние которых в дальнейшем более или менее охватило весь мир. Такое описание привязывает современность к определенному временному периоду и исходному географическому местоположению...»⁴³. По сути, в этой трактовке современность (модернити) синонимична утвердившемуся в «исторических демократиях», или «странах-первопроходцах» (в терминах классика институциональной теории Дугласа Норта и его соавторов), общественному строю, создавшему в результате уникальной эволюционной трансформации прецедент экономических, политических и, шире, социальных порядков открытого (свободного) доступа⁴⁴. Эти порядки обусловили соответствующую модернизационную перспективу для всего остального мира. Такая модернизационная перспектива несет на себе зримую печать вестернизации. Воплощенный в идее Запада уникальный синтез римского права, практик договорных отношений западноевропейского феодального общества и капитальных ресурсов, сконцентрированных и накопленных посредством средиземноморской, а затем и трансатлантической торговли, породил и придал общественную форму западноевропейскому Новому времени. И тем самым сформировал эффективный, но вместе с тем ограничивающий вариативность развития коридор возможностей для обществ «вторичной модернизации», т.е. модернизации, условия, институциональные рамки и образцы которой определены наличием и активной политикой «стран-первопроходцев», лидеров мировой капиталистической системы.

Именно поэтому уже с конца XIX в. наметилось принципиальное различие в характере модернизационных задач, с которыми сталкивались «страны-первопроходцы» (Великобритания, США, Франция) и другие общества, встававшие на путь модернизации (в тот период – Германия, Италия, Россия, Австро-Венгрия). Для этих последних модернизация и путь капиталистического развития изначально стали воплощением конфликта между внешним,

---

⁴³ Цит. по: Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис. 2011. С. 111. См. также: См. Giddens A. *A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 2. The Nation State and Violence*. Cambridge: Polity Press.1985; Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press. 1990.

⁴⁴ См. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара. 2011. С. 326. Характерными чертами таких общественных порядков стали правовой строй, выстроенный на основе принципа безличности, защищенная правом свободная конкуренция в сферах экономики и политики, социальная интеграция на основе корпоративного строя бессрочных организаций. - Там же. С. 53-54, 61, 69-77.

сформированным «первопроходцами» образцом и автохтонными тенденциями политико-культурной и социально-экономической эволюции. Опыт модернизации этих «других» обществ показывает, что «перенесение институтов открытого доступа в естественные государства само по себе не может привести к политическому и экономическому развитию. Если эти институты навязываются обществу под международным или внутренним давлением и если при этом они не соответствуют существующим представлениям об экономических, политических, социальных и культурных системах, то новые институты почти наверняка будут работать куда хуже тех институтов, которые они замещают. Хуже того, если эти институты подрывают политические механизмы, обеспечивающие политическую стабильность, то тогда новые институты будут неминуемо способствовать беспорядку, ввергая общество в еще более плачевное состояние»⁴⁵. В последние десятилетия, после распада СССР, последнего «системного антагониста» капиталистической мир-системы, эта практика навязывания институтов открытого доступа посредством международного или внутреннего (см. «цветные революции») давления стала универсальным политическим методом распространения капиталистических порядков и современного социального обустройства, принося в незападный мир разлад и хаос, консервируя его системное отставание от стран Запада.

Тем не менее, распространение преобразующих и подчиняющих новому порядку практик на иные, внешние сообщества и есть важнейший ресурс развития сложившейся мир-системы. Последовательная и неуклонная глобальная экспансия капитализма закономерно концептуализируется в представлениях о ведущем центре (центрах) накопления капитала и о «периферии» как объекте и пространстве этой преобразующей активности. Ритмические пульсации такой расширяющейся с каждым циклом экспансии, – от голландских и британских берегов Северного моря вглубь европейского континента, а затем еще дальше, через Атлантику и на евразийские просторы, – продвинули современное общество к его нынешнему всепроникающему глобализму.

Но именно глобализация, сделав проблему развития всеобщей, выявила пределы такого роста. А вместе с тем, поставила в повестку дня проблему современных альтернатив западному варианту модерна, его институциональным и нормативным образцам; иными словами, актуализировала задачи, еще недавно казавшиеся архаичными, однозначно «списанными». Незападные общества в условиях глобализационного прессинга обретают решимость отстаивать свое право на вариативность развития, обусловленную социокультурным своеобразием, на расширение «коридора возможностей» продвижения к современности. Это драматическое столкновение глобального экспансионистского тренда западного проекта и получающей новые импульсы решимости незападных обществ отстаивать свое право на собственное культурное и институционально-нормативное лицо придает дополнительную остроту современному кризису.

Постмодернистский вызов и есть, возможно, важнейший симптом критических дисфункций капитализма как способа социального развития. Этот вызов сопряжен с процессами размывания классического образа современности как «стальной клетки рациональности» (по Максус Веберу).

---

⁴⁵ Там же. С. 437-438.

Концепт современности в том виде, в каком он был осмыслен и усвоен современной наукой об обществе (в лице ее экономических, социологических, политологических, культурологических и иных дисциплинарных областей) в начале – середине XX в., все более утрачивает релевантность происходящему. Однако альтернатива разочарования и методологического релятивизма не является единственно возможным подходом к переосмыслению целей и перспектив общественного развития.

Новые дисбалансы развития современного мира

Начавшиеся процессы глобальной социальной трансформации способствуют возвышению наднациональных и транснациональных элит. Доминирующие позиции среди них занимают финансовая олигархия и высшая политическая бюрократия – ключевые составляющие новой, глобальной по своей природе «господствующей коалиции», производящей и контролирующей «мировую ренту» и навязывающей миру новый порядок ограниченного доступа к ресурсам развития. Использование представлений о «господствующей коалиции» («*dominant coalition*»)⁴⁶ релевантно задачам анализа той транснациональной и глобалистской по своей сути реальности, которая проявляется по мере ослабления позиций и авторитета национально-территориальных государств в современном мире. В нынешней реальности именно глобальная элита все явственнее претендует на роль всемирной господствующей коалиции, пытающейся в глобальном формате утвердить за собою контроль над доступом к ресурсам и к организациям финансовой сферы. В этом заключается один из наиболее серьезных вызовов, предъявляемых современным развитием – и в частности трендом глобализации – принципам и идеалам демократии, справедливости и свободы.

Продвижение – в мире модерна и поверх мирового сообщества национально-территориальных государств – нового типа порядка ограниченного доступа (как в экономической, так и в политической сферах) эмпирически фиксируется в дискурсе о «золотом миллиарде». В отличие от представлений 1990-х годов, формирование «золотого миллиарда» сегодня видится, по крайней мере, в интенции, не как разграничение наций и национальных государств на «успешные» (входящие в «золотой миллиард») и «неуспешные» (лишенные такой перспективы), но как распространение поверх государственного разделения, путем формирования особых элитных каналов глобального общения и перемещения с ограничением доступа. Доступ к этим особым возможностям, независимо от гражданства, и будет фиксировать принадлежность к «золотому миллиарду» и гарантировать приобщение к ресурсам современного развития. Равно как и обратное.

В дискурсе о «золотом миллиарде» проявляются плоды конкурентной борьбы национальных и новых глобальных элит за доминирование в процессах

---

⁴⁶ Этим термином Дуглас Норт и его соавторы обозначают констелляцию «индивидов и групп, которые имеют доступ к инструментам социального насилия и предоставляют друг другу особые привилегии», на основе взаимной заинтересованности поддерживают и совершенствуют социальные порядки ограниченного доступа, создающие присваиваемые ими ренты. См.: North D.C., Wallis J.J. and Weingast B.R. Violence and the Rise of Open-Access Orders. // *Journal of Democracy*. Vol. 20, № 1. Jan. 2009. Pp. 55-68.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

управления глобальным развитием. В нем находит свое диалектическое разрешение конфликт между принципами демократии и реальностью социального неравенства. Острая потребность в обеспечении условий устойчивого развития (*sustainable development*) современного сложного общества оказывается оборотной стороной ощущения утраты контроля над происходящим, свойственного прежним, ныне сдающим свои статусные позиции элитам, тем, усилиями которых в свое время в мир продвигались институциональные новации представительной демократии, свободного конкурентного рынка и открытого доступа.

Развитые демократии, прежде «по умолчанию» относимые к «золотому миллиарду», гарантируют своим гражданам порядок открытого доступа. Однако опыт европейской интеграции выявляет серьезные проблемы и конфликты, обусловленные неспособностью ведущих стран Евросоюза обеспечить соответствующие потребности всех его граждан, особенно проживающих на восточных и южных его рубежах. Более того, за пределами и сегодня еще немногочисленных развитых демократий такой порядок не только разлагает традиционные культуры и социальные уклады, но и оказывается дополнительным источником дисфункций общественного развития. Тем самым вдохновляющая задача глобального продвижения демократии и стандартов всеобщего процветания, превращения порядков открытого доступа в глобальную норму, утрачивает актуальность. И тому есть серьезные причины.

Глобализация, повсеместное распространение институтов и практик, социальных норм и технологий современного капитализма зримо показывают завершенность (или состояние, близкое к ней) «первичного» освоения капиталом социальных (людских) ресурсов мирового сообщества. Стремительно сужается социальное пространство, не вовлеченное в процесс такого воспроизводства. Соответственно, исчерпываются и опробованные в рамках нынешней модели развития ресурсы модернизации.

Энергетический кризис 1970-х гг. показал, что ресурсные потребности мировой метрополии превышают мобилизационные возможности периферии. С этого момента и по настоящее время одним из основных генераторов рисков глобального развития становятся растущие макроэкономические дисбалансы. Оценивая последствия этой разбалансированности, можно выявить три основных сценария, каждый из которых реализуется в своем сегменте мировой системы.

Для периферии императивом развития стало всемерное упрощение доступа к ее трудовым и природным ресурсам, предоставляемого импортируемым капиталам центра, создание максимально благоприятных условий для их участия в мобилизации ресурсов для нужд метрополии. Эта стратегия к настоящему времени радикально преобразовала и дифференцировала глобальную периферию. Там выросли новые индустриальные страны, производящие сегодня основную часть материальной продукции, потребляемой миром, возникли мощные центры трудовой иммиграции, снабжающие метрополию дополнительной рабочей силой. При этом обнаружилось, что на значительных пространствах периферии модель национально-территориального государства во многом утратила прежнюю эффективность в вопросах мобилизации ресурсов для внешних рынков. Ей на смену приходит иная модель, предполагающая формирование трансграничных и управляемых транснациональными акторами товарно-сырьевых, финансовых и людских

потоков. Прежде выстроенная в этих регионах система суверенных государств последовательно демонтируется, а соответствующие страны отчуждаются от политических средств решения своих многочисленных социальных проблем.

Особый случай представляют страны, уже к 1980-м годам обозначившие свои притязания на статус мировых центров накопления капитала (речь, прежде всего, идет о России – СССР и Японии). На рубеже 1980-х – 1990-х годов эти державы, не сумевшие подкрепить свои притязания формированием адекватной и кризисоустойчивой финансовой системы, претерпели катастрофическое торможение развития, и его последствия не преодолены и до настоящего времени. По сути, пожертвовав интересами развития этих двух своих второстепенных частей, глобальная метрополия существенно сэкономила столь дефицитные сегодня мировые ресурсы и пустила их на нужды основных, традиционных центров накопления капитала. Быть может, не последнюю роль в том, что две эти державы так и не были признаны «безоговорочно своими» в избранном клубе глобальных лидеров, сыграла их так до конца и не преодоленная культурно-цивилизационная специфика.

Вместе с тем, именно в традиционных, «старых» центрах, интегрированных под эгидой США, и происходило то главное, что оказалось определяющим в мировом развитии последних десятилетий вплоть до настоящего времени. Ответом на растущие ограничения внешней экспансии стало «инерционное» решение, «снимающее» такие ограничения путем перехода к последовательной финансовализации экономики. Распространение и стремительный рост ее наиболее эффективных инструментов – финансовых деривативов – позволили финансовому капиталу «прирастать» автономно, не соотносясь с проблемами и ограничениями в развитии так называемого реального сектора экономики. Новый финансовый механизм перманентного приращения капитала в невиданных прежде масштабах усилил его автономию от «общественного тела». Именно поэтому основной коллизией политики в условиях текущего кризиса стала дилемма: «финансовая олигархия» vs «суверенитет общества». При этом общество имело возможность убедиться в резко обострившемся дефиците возможностей своего влияния на глобальные финансовые рынки.

Тем не менее, продолжающийся все последние годы кризисный период отчетливо демонстрирует неоднозначность найденного в конце прошлого века решения, стратегическую неэффективность финансовализации. В мире усиливаются размежевания и расколы. Формируются финансово-экономические и политические группировки, озабоченные изысканием и апробацией сепаратных средств спасения от кризиса. Вместе с тем, с позиций поиска эффективных стратегических моделей мирового развития ключевым остается вопрос: эффективна ли нынешняя общественная система при сокращении и тем более при отсутствии возможностей внешней экспансии?

Западоцентричный дискурс развития

Нынешний кризис высветил долговременные тренды социально-политической динамики в странах Запада – той части мира, за которой закрепилось название «развитого». Вопрос об адекватности политико-институциональных трансформаций в странах Запада – родине современной демократии – перспективам социальной консолидации обществ, в которых нарастает культурная разнородность и социальное отчуждение, становится

ключевым, задает направление перемен. В научной и экспертной дискуссии проблема качественных изменений политико-институциональных основ современных демократий обсуждается в контексте продвижения к «постдемократии». Этот термин был сформулирован французским философом Жаном Рансьером на рубеже XXI века. Рансьер подчеркивает, что постдемократия – это «не описание качества, а полемическое выражение. Оно обозначает двойную дистанцию; прежде всего, по отношению к выражению «постмодерн», обозначающему конец модернистского «большого повествования», а во-вторых, по отношению к либеральной демократии в том виде, как она сама высказывается о себе: она называет себя концом эпохи революций и разделенности, завершением демократии как политической системы, совпадающей со спонтанным регулированием общества на определенной стадии его развития»⁴⁷. Британский исследователь Колин Крауч в получившей широкую известность полемической работе определяет постдемократию как такое состояние политической системы, когда демократические процедуры, оставаясь неотъемлемой ее частью и продолжая функционировать, постепенно «обескровливаются»⁴⁸. Их место в пространстве политической коммуникации занимают частные экономические интересы и манипулятивные технологии, формирующие политический рынок.

За фасадом отчуждения массовых социальных групп от политики и возвышения самодостаточного политического класса стоит переплетение интересов глобального бизнеса и бюрократии. Характер кризисного управления свидетельствует об углублении таких тенденций: навязанная политическими элитами и международными институтами стратегия спасения финансового сектора усилила тренды неолиберализма и доминирования финансовых групп интересов в публичной политике⁴⁹. В рамках такого подхода траекторию политического развития современных обществ в условиях нынешней волны глобализации и определяет, если пользоваться предложенной британским исследователем терминологией, переход к «постдемократии».

В дискурсе о тенденциях и перспективах политического развития присутствует и другая, по сути – противоположная точка зрения. Появление различных форм альтернативного политического участия осмысливается в контексте «демократии участия» и, в частности, модели «мониторинговой демократии». Автор этого концепта известный австрало-британский исследователь Джон Кин говорит о рождении «нового исторического типа демократии», который отличается «институциональной сложностью», дисперсностью и постоянным генерированием новых форм мониторинга действий власти⁵⁰. Эти возможности связаны с освоением сетевых технологий,

---

⁴⁷ Демократия как политическая форма. Беседа Жака Рансьера, Жана – Франсуа Шеврье и Софи Ваних 6 марта 1997 г. Доступ: <http://www.politizdat.ru/interview/40/> См. также: Рансьер Ж. *На краю политического*. М.: Праксис. 2006.

⁴⁸ См.: Crouch C. *Post – Democracy*. Cambridge: Polity Press. 2004.

⁴⁹ *Five minutes with Colin Crouch: «A post-democratic society is one that continues to have and to use all the institutions of democracy, but in which they increasingly become a formal shell»*. Доступ: <http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/archives/30297>

⁵⁰ См. Keane J. *The Life and Death of Democracy*. L., NY, Sydney, Toronto: Simon & Schuster / W.W. Norton & Company. 2009. Подробнее см.: Перегудов С.П. Концепция мониторинговой

которые открывают гражданам доступ к процессам разработки решений через политический краудсорсинг, потенциал социальных сетей как механизмов политической мобилизации и подобные каналы. Такими возможностями может воспользоваться любой гражданин, не связывая себя обязательствами регулярного и идейно ангажированного политического участия.

Эти по существу полярные взгляды на тенденции политико-институциональных изменений в «развитых» демократиях свидетельствуют о разнонаправленности происходящих в политической сфере процессов. Но за внешней антиномичностью четко просматриваются явления общей кризисной природы в динамике институтов демократического представительства и политического участия. Меняется облик массовых партий, уходит в прошлое партийно-политический активизм. Размывается традиционное для демократических политических систем деление партийно-политической сферы на «правый» и «левый» фланги. В публичной риторике его вытесняет размежевание между «политическим классом» и «простым» народом⁵¹: игра на таком противостоянии стала мощным инструментом электоральной поддержки популистских партий и движений. Современный популизм⁵², подъем которого наблюдается сегодня во многих европейских странах, использует растущее недоверие граждан к традиционным партиям и разочарование в профессиональной политике. Политика ассоциируется с политиканством, с защитой частных и групповых интересов в ущерб общественному благу.

Сегодняшняя актуализация популистской риторики отчетливо диагностирует не только кризис партийно-политической системы Запада, но и кризисный сбой социального регулирования в этих странах, свертывание многочисленных социальных программ, ранее обеспечивающих лояльность массовых групп к сложившимся политическим институтам. Вместе с тем, сегодня, когда потенциал массовых идеологических движений фактически исчерпан, популистские партии остаются – будучи партиями внешнего происхождения по типологии Мориса Дюверже⁵³ – главным каналом обновления партийно-политического спектра в современных демократиях. Противопоставление традиционной политики и «антиполитики» популистского толка выстраивается на лозунгах прямой демократии, на антиглобалистской и евроскептической риторике, на экологической повестке дня и социальном

демократии: к новым отношениям власти и общества. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6. С. 55-67; см. также главу С.П. Перегудова в настоящем издании.

⁵¹ Hartleb F. *After their Establishment: Right-wing Populist Parties in Europe*. Brussels: Centre for European Studies-Konrad Adenauer Foundation. 2011. Pp. 60-61.

⁵² Как политический феномен современный популизм не поддается однозначному определению. Если в качестве системообразующего признака выделить популистский дискурс, характер риторики – отличительную черту политических субъектов этого типа, то популизм можно, по мнению британских исследователей, определить как «идеологию (систему представлений, ценностей идей, разделяемых определенной группой индивидов), сталкивающую добродетельный и единый народ с элитами и враждебными 'другими', которые подаются как лишаящие (или стремящиеся лишить) суверенный народ его прав, ценностей, благосостояния, идентичности и голоса». См.: *Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy* / ed. by D. Albertazzi and D. McDonnell. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. 2007. P. 3.

⁵³ См.: Дюверже М. *Политические партии*. М.: Академический проект. 2000. С. 29.

популизме. На таких требованиях конституировалось, в частности, «Движение пяти звезд» в Италии, получившее сенсационную поддержку избирателей – четверть голосов – на парламентских выборах в феврале 2013 г.⁵⁴

В популистской риторике и электоральных технологиях «пиратских», «пятизвездных» и подобных «непартийных» партий и движений явственно просматриваются архаические и вождистские коннотации. Набирают обороты процессы архаизации политической сферы. Будучи вектором культурной динамики и механизмом адаптации традиционного социального опыта к условиям постоянно усложняющегося общества, сегодня «архаизация переходит из сферы культуры в форму массового социального поведения, массовой деятельности»⁵⁵.

Глубинная архаизация политики свидетельствует о системных проблемах современного развития. Эти процессы оказываются в видимом противоречии с утверждением самых передовых технических форм вовлечения человека в политику. Мобилизация участников «новейших» форм массовой активности – акций «Оссиру», выступлений альтерглобалистов и испанских «возмущенных», экологических перформансов и политических флэшмобов строится на апелляции к эмоциям и «коллективному бессознательному». Социальные требования, которые рождаются в недрах такой активности, нынешние институты представительства и согласования интересов (и, в частности, современный парламентаризм) удовлетворить не могут. Размывается привычная для исторических демократий модель отношений «управляющих» и «управляемых».

Социальные проблемы стали нервом политической повестки дня. И это неудивительно: вступающая сегодня в трудовую жизнь молодежь заведомо не будет иметь тех социальных гарантий, которые получило поколение, выросшее в период становления «государства благосостояния» в послевоенной Европе. Деиндустриализация и структурные изменения на рынке труда, демографический переход, размывание традиционной модели брачных отношений и семейных ценностей обозначили рубежи исчерпания ресурсов, на которых строился его фундамент. Речь идет об исчерпании того общественного договора, который ориентировал на почти всеобщую занятость «в обмен» на гарантированную государством социальную защиту. Нынешний кризис повысил градус дискуссий вокруг перспектив и приоритетов социального государства в современных демократиях. Тупиковой для развития оказалась модель роста благосостояния, который обеспечивался постоянным увеличением объемов потребления за счет долговых обязательств всех участников экономических отношений – от государства и бизнеса до домохозяйств. Под давлением императива бюджетной экономии пересматривается система социального страхования и пенсионного обеспечения, гарантии на рынке образования и труда, участие государства в регулировании социального обеспечения граждан.

---

⁵⁴ Подробнее см.: Мир. Вызовы глобального кризиса. Италия. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 5.

⁵⁵ См. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема. // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 95. Известный российский философ определяет архаизацию как «результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей». Там же. С. 89.

Учреждаются механизмы перераспределения ответственности между участниками социальных отношений. Участие бизнеса и гражданских организаций (наряду и нередко помимо традиционных профсоюзов, сдающих позиции в условиях переформатирования рынка труда) в механизмах «нового социального партнерства», внедрение практик социальной ответственности (КСО) и модели корпоративного гражданства призваны отчасти компенсировать эти дисбалансы в развитии социальной сферы⁵⁶. Но эти практики имеют серьезные системные ограничения, коренящиеся в природе рыночных отношений. Само устойчивое развитие социального государства стало сегодня проблемой: «Европейцы должны понять, что эпоха кончилась. В силу разных причин широкое участие в образовании и в благосостоянии больше не является политическим приоритетом... мы покинули эту тихую гавань... В широком смысле это относится не только к Европе, но и ко всему развитому миру и, отчасти, к миру в целом. Необходим новый наднациональный глобальный «общественный договор», но его параметры пока не ясны⁵⁷.

Эти проблемы усугубляются растущей культурной неоднородностью обществ, столкнувшихся с вызовами политического сепаратизма и инокультурной иммиграции. На волне антииммигрантских настроений растет привлекательность национализма агрессивного, охранительного толка. Критика модели «государственного мультикультурализма» стала неотъемлемой частью риторики участников политического рынка. Но она не отменяет потребности в поиске адекватных механизмов и разработке новых параметров управления разнообразием, адекватных задачам развития обществ, в котором присутствуют различные (и порой несовместимые друг с другом) культурные, религиозные и ценностные ориентиры. Мультикультурализм остается управленческим принципом и практикой интеграции мигрантов, но вопрос о пределах культурной неоднородности и возможностей ее регулирования оказывается своего рода маркером жизнеспособности национально-государственных сообществ, задает направление их трансформации.

Обнаружившиеся системные политико-институциональные вызовы в развитии современных демократий не выявили пока, как показывает опыт социально-политических трансформаций нынешней волны глобализации, таких ответов, которые были бы адекватны задачам их дальнейшей последовательной модернизации, утверждения соответствующих нравственным потребностям личности форм жизнеустройства. Западоцентричный дискурс о современном развитии не только не исчерпывает многообразия происходящих в мире трансформаций, но, главное, не формирует системных альтернатив в ответ на множасьи вызовы.

Проблемы изучения незападного ареала развития

Попытки предложить новую парадигму осмысления трансформаций современного мира предпринимались неоднократно. В ряду получивших широкий

---

⁵⁶ О КСО и корпоративном гражданстве см.: Перегудов С.П., Семененко И.С. *Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии*. М.: Прогресс-Традиция. 2008.

⁵⁷ См.: *The Oxford Handbook of the Welfare State*. / Ed. by F.G. Castles, S. Leibfried, J. Lewis. Oxford: Oxford University Press. 2010. P. 15.

отклик в последние годы публикаций на эту тему можно упомянуть, например, работу американского исследователя Парага Ханны, который предлагает переосмыслить ставшие традиционными для человека XX века водоразделы между «развитым» и остальным миром и по-новому сконфигурировать желательную и спасительную для Запада группу «мировых лидеров». Он причисляет к «новому первому миру» США, Евросоюз и Китай, а другие крупные влиятельные государства, в том числе и Россию, относит ко «второму миру»⁵⁸.

Авторам также уже доводилось аргументировать неадекватность ставшего привычным (и «само собой разумеющимся») в научном и экспертном сообществе деления мира на «развитые» и «развивающиеся» страны и предлагать возможные коррективы для преодоления сложившихся стереотипов⁵⁹. Действительно, дихотомия развитый / развивающийся мир ушла в прошлое: в этом основной пафос работ, посвященных трансформации глобального миропорядка. Термин «развивающиеся государства» обесценивается растущая экономическая и политическая гетерогенность Востока (Юга). Неслучайно и появление уточняющих наименований, таких, как «новые индустриальные страны», «глубокий Юг» или «развивающиеся рынки (экономики)» (*emerging markets*)⁶⁰.

Попытки найти какой-либо один безусловный общий знаменатель для обозначения незападного ареала современного мира сегодня вряд ли продуктивны, и теоретико-методологический вызов заключается в том, чтобы разработать и обосновать критерии классификации, которые могли бы соотноситься с темпами и с качественными характеристиками происходящих изменений, с «текущей современностью» (в терминологии Зигмунта Баумана). В условиях, когда сама дихотомия Запад / Восток (или Север / Юг) утратила былую определенность, концептуализация трендов развития может опираться, например, на новые конфигурации политических пространств, которые позволяют преодолеть привязку сугубо к территории. А категоризация по типам развития – исходить из критериев качества инновационных изменений, имея в виду ориентацию носителей стратегий развития на человека и на повышение качества среды его обитания.

В этом контексте можно говорить о том, что на противоположных полюсах находятся сегодня «развитые» страны, сохранение лидерства которых сопряжено с утверждением инновационной мотивации развития, и «стагнирующие» государственные (или квазигосударственные, имея в виду феномен «несостоятельных государств») образования, не сумевшие сформировать солидарную мотивацию своих граждан к развитию. В перспективе в число «стагнирующих» могут попасть и те страны, которые сегодня считаются «благополучными». В пространстве между этими полюсами

---

⁵⁸ Ханна П. *Второй мир*. М.: Издательство «Европа». 2010.

⁵⁹ См.: «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? Проблемы концептуализации современного развития//*Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 95. В свете аргументируемой нами позиции популярная классификация Парага Ханны представляется недостаточно операциональной: она не дифференцирует многообразие проявившихся в последнее время векторов развития.

⁶⁰ Подробнее см. «Третий мир»: полстолетия спустя. / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН. 2013.

располагается группа «трансформирующихся» национально-государственных сообществ, и именно в этой группе осваиваются новые ресурсы и модели роста. Наиболее динамичный отряд ее лидеров составляют сегодня страны, совершающие модернизационный рывок на основе эффективного использования ресурсов идентичности, выстраивания на этом фундаменте социальной солидарности и мотивации к развитию⁶¹. Конечно, такого рода категоризация ни в коей мере не претендует на безусловность, но она ориентирует на постоянный учет происходящих изменений. На наш взгляд, критериями типологизации должны быть качество и вектор динамики национально-государственных сообществ, измеряемые на основании оценки возможностей безличного доступа его граждан к ресурсам развития⁶².

Долговременные последствия процессов регионализации ведут к изменению соотношения сил не просто в сторону дальнейшего отхода от однополярности, но к возвышению региональных лидеров, которые будут служить центрами притяжения для других стран и территорий региона. Здесь соперничество может развернуться не только между сильнейшими государствами региона (Китаем-Индией, Бразилией-Мексикой и пр.), но и между формирующимися кластерами развития регионами, между глобальными городами. Формирование новых полюсов развития – вероятный сценарий не очень отдаленного будущего, предполагающий реконфигурацию формирующихся сегодня политических пространств. А появление новых узлов политической конфликтности – это перспектива, которая явственно прослеживается и на постсоветском пространстве.

Утверждение за пределами западного ареала развития моделей политического и социально-экономического устройства ставит вопрос о ресурсном потенциале «глобального» (имплицитно – западного) универсализма и цивилизационного разнообразия, о путях сочетания этих антиномий в национальном модернизационном проекте. В этом контексте встает вопрос о контурах «новой парадигмы развития». Найти общий знаменатель для дискурса о развитии крайне затруднительно, и не только ввиду упомянутой гетерогенности так называемой периферии. Для ряда ее бывших субъектов само понятие «периферийности» тоже мало применимо: в условиях регионализации в регионах бывшей периферии появляются свои центры, в то время как объединяющий термин «периферия» фиксирует меняющуюся реальность в рамках привычной западоцентричной оптики. Видимо, пришло время для того, чтобы вынести этот дискурс за пределы бывшего третьего мира, раздвинуть

---

⁶¹ «Альтернативный капитализм» или «альтернатива капитализму? Проблемы концептуализации современного развития / Материалы круглого стола ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Часть 1. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 92-106.

⁶² Получивший широкое признание в экспертном сообществе рейтинг Глобального индекса конкурентоспособности ВЭФ, выстроенный на основе 12 контрольных показателей, в том числе – качества общественных институтов, выделяет группы стран в соответствии с оценкой эффективности использования ресурсов развития и устойчивости экономического роста (см.: <http://www.weforum.org/gcr>). Показатели Индекса развития человеческого потенциала дают несколько иную картину (см.: <http://hdr.undp.org/en/reports/>). При этом очевидно, что скорость изменений и качество оценок делает границы групп стран подвижными, а рейтинговые классификации – во многом условными.

рамки постколониальных исследований и помыслить развитие в первую очередь в категориях глобальных изменений среды обитания человека, в категориях новых качеств его социального и духовного бытия.

Методологические проблемы комплексной концептуализации социально-политической динамики современного мира

Перед изучающими современные социальные процессы исследователями стоят масштабные задачи, непосредственно связанные не только и даже не столько с поисками такого рода адекватных практических решений (это приоритет экспертно-аналитической деятельности), сколько с разработкой соответствующих проблемам сложного общества подходов к концептуализации развития и утверждению его социально приемлемых перспектив. В будущее можно «заглянуть», оценивая вероятность отражения в нем текущих процессов и выявляя развилки и возможные точки роста. Сколь бы заманчивыми ни представлялись попытки предложить универсальную объяснительную модель типа «столкновения цивилизаций» и «конца истории» или когнитивные возможности привязки нынешних трендов к известным процессам, знаменующим переход через сегодняшние рубежи в новую реальность (к «постдемократии», «посткапитализму» или «постсовременности»), такая оптика заведомо оказывается ограниченной. Новые качества социального развития налицо, но как их оценивать с точки зрения перспектив системных трансформаций?

Один из таких рубежей обозначают сегодня институты национального государства. Ульрих Бек неслучайно последовательно и целенаправленно критикует в последние годы так называемый методологический национализм: эта доминирующая в социальных науках парадигма исходит из практически консенсусного для научного сообщества представления о том, что «национальное государство и национальное общество являются естественными социальными и политическими формами современного мира»⁶³. Поэтому концептуализация развития заведомо отстает от реальных изменений: их протагонистами оказываются не только национальные и наднациональные политические элиты, но и транснациональный бизнес, гражданские организации и территориальные акторы разного уровня субъектности – от городов и городских агломераций до регионов и региональных объединений (кластеров), диаспоральных «миров», трансграничных пространств и сетевых сообществ. И вопрос не в том, теряет или сохраняет государство свои позиции, «конкурируя» за влияние с другими субъектами политических изменений, а в качественной трансформации его «национальной» природы и актуализации проблемы дефицита скрепляющих современную государственность оснований.

Заметно расходятся в условиях нынешней волны глобализации и векторы динамики политических пространств и развития территорий. Методологические проблемы концептуализации политических пространств, которые имеют и институциональное, и символическое, и личностное (коммуникативное) измерения⁶⁴, указывают на сложность использования многомерных концептов для анализа современных социальных изменений. Однако именно такие

⁶³ Бек У. Живя в мировом обществе и считаясь с ним. Космополитический поворот. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 5. С. 45.

⁶⁴ Подробнее об этом см. главу И.Л. Прохоренко в настоящем издании.

многомерные концепты отвечают, на наш взгляд, задачам осмысления перспектив развития современных сложных обществ.

Один из ключевых в этом ряду – концепт идентичности⁶⁵. Анализ составляющих идентичности и механизмов самоидентификации позволяет сопрягать политико-институциональное и индивидуальное, личностное измерение развития, преодолевать пресловутый «методологический холизм», ориентированный исключительно (или почти исключительно) на изучение динамики «больших сообществ». Идентичность оказывается емкой для анализа политических изменений категорией при условии методологической строгости ее использования, четкого разведения ее концептуально-аналитических и проективных измерений. Соединяя индивидуальный и надиндивидуальный (групповой, общественный) срезы сознания и поведения человека, концепт идентичности позволяет отразить одновременно и процесс, и состояние, и рефлексию носителей идентичности о себе и о социуме. Многомерность категории социальной идентичности и ее составляющих указывает на потенциал использования идентитарного подхода для прогнозирования альтернатив общественных трансформаций.

С другой стороны, и «методологический индивидуализм», на котором в гуманитарных науках имплицитно строится изучение человека, его ценностного выбора, интересов, мотиваций и поведения, может и должен быть интегрирован как органичный исследовательский метод наук об обществе, применимость которого не ограничивается предметной областью политической психологии или политической антропологии. Поэтому концептуализация «человеческого измерения» современных социально-политических изменений становится не только ключевой составляющей прогнозирования развития, но и основанием для выстраивания общего пространства социогуманитарного знания.

Глава 2. КРИЗИС КАК МОТИВ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

В.В. Лапкин

В последние годы, со вступления мира в период кризисной дестабилизации (его формальной, но конвенционально признанной датой можно считать осень 2008 г.), драматически нарастают трансформации мирового порядка. Эти перемены, а также почти уже самоочевидный факт роста значимости и глобального распространения универсальных и все более безальтернативных и общеобязательных норм современного мира контрастируют с инерцией парадигмальных представлений, которая характеризует сегодня ставшие уже «классическими» принципы и подходы общественных наук эпохи Modernity.

---

⁶⁵ О возможностях использования этого концепта в политическом анализе см.: *Политическая идентичность. // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий (отв. ред. И.С. Семеновко). М.: РОССПЭН. 2011.*

Кризис мировидения?

Разрыв между новыми практиками глобализующегося мира и существующими в рамках инерционных представлений объяснительными моделями происходящего возрастает, что ведет к глубокой эрозии фундаментальных концептов научного знания об этой ключевой и стремительно меняющейся сфере человеческого общежития. В ряду таких подвергающихся эрозии фундаментальных концептов выделим три наиболее важные с нашей точки зрения группы.

Первая выстроена вокруг концептов современного национально-территориального государства и мировой системы межгосударственных отношений. Их эрозия все отчетливее проявляет два полярных – и равно «невозможных» в рамках прежних парадигмальных представлений – тренда современного развития. Перспективу «однополярного мира», выстраиваемого под эгидой «мирового гегемона», монополюбно обеспечивающего прочим «странам и народам» безопасность, институционально-нормативную, правовую и информационно-культурную среду и условия экономического функционирования, с одной стороны. А с другой – движение к хаотическому и анархическому миропорядку, размывание оснований и целей сотрудничества и компромисса между теми или иными социально-политическими образованиями.

Вторая выстраивается на фоне дезактуализации традиционных идентификационных паттернов и разложения фундаментальных укладов семьи, родства и дружества и радикально снижает потенциал интеграции современного общества.

Третья группа «размывающихся концептов» описывает подвергшуюся сегодня глубокой кризисной трансформации систему политического представительства. Порождаемый этой эрозией когнитивный диссонанс гражданского самосознания обуславливает прогрессирующий кризис демократических институтов, политический абсентеизм массовых общественных слоев, растущий разрыв между политическими запросами общества и решениями, принимаемыми на уровне политических элит. А за этим просматривается тревожащая перспектива подъема «антисистемной политики», политического сепаратизма, сетевых протестных движений, акций гражданского неповиновения и т.п. – вплоть до открытого мятежа.

В целом же – налицо очевидный глубинный кризис наших представлений об обществе (прежде всего – современном, глобализирующемся обществе, в котором все мы живем), о принципах, практиках, институциональных основаниях, обеспечивающих его интеграцию, а также его экономическое и политическое бытие. Абстрактная суть этого «кризиса представлений» – в неадекватности подходов, выработанных применительно к изучению устойчивого мира послевоенного западного модерна (с середины XX в., вплоть до развала СССР), – применительно к исследованию сегодняшней «эпохи перемен». Соответствующая методология изучения «устойчивого мира» (включая и многочисленные варианты концепции так называемого *устойчивого развития*) была сориентирована на то, чтобы как можно меньше отягощать лежащие в ее основе теоретические построения «несущественными подробностями», обусловленными динамической, неравновесной, изменчивой

природой любых социальных структур и процессов – в области экономики, политики, общества в целом. Она как бы «абстрагировалась» от них.

Между тем, и социально-политические, и любые другие *динамические неравновесные структуры* поддерживают свое существование посредством управления и «эксплуатации» устойчивых ресурсных потоков. Потеря устойчивости этих потоков, которая концептуализируется с помощью представлений о кризисе, ведет к драматическим переменам. Меняется характер взаимодействия этих структур друг с другом, вплоть до перестройки интегрирующей их системы в целом. Потоки, формирующие эти структуры, реконфигурируются, ресурсы между ними перераспределяются и сами представления о том, что является ресурсом, меняются. Значимость и востребованность одних ресурсов снижается, других – повышается. Наряду с этим стимулируются процессы внутренней оптимизации динамических структур, вплоть до их возможной «элиминации» из системы, и появления новых, более эффективных, претендующих на расширение своей доли в общем объеме поглощаемых в системе ресурсов. Эти абстрактные рассуждения несложным образом могут быть спроецированы и на кризис глобальной системы...

Тем не менее, более важным в русле проблематики настоящей главы представляется когнитивный аспект последствий социального развития в условиях кризиса. Драматизм кризисной эпохи с позиции социального индивида, ощущающего нарастающую неустойчивость своих статусных позиций в обществе, входящем в полосу структурных преобразований, можно, по контрасту, соотнести с привлекательностью такой эпохи для исследователя общества, его социетальных, экономических и политических оснований. В период кризиса они обнажаются до прежде неразличимых глубин. Для исследователя кризис – это тот самый *момент истины*, когда можно осуществить практическую проверку адекватности и эффективности прежде во многом умозрительных моделей, концепций и теорий. Когда можно получить ответы на поставленные ранее вопросы и задать меняющейся социальности новые, самые «неудобные», затрагивающие парадигмальные основания наших представлений о ней и о характере ее сосуществования с интегрированным в нее индивидом.

В ряду таких вопросов, обращенных к социальной и политической теории и заметно актуализировавшихся в последние годы, отметим лишь некоторые, представляющиеся наиболее значимыми. Это (1) проблема осмысления последствий «выхода» современного общества за пределы западноевропейского цивилизационного ареала и связанная с этим проблема реконцептуализации представлений о содержании и целях модернизационных преобразований. Это и (2) возросший интерес к концепту *капитализма*, уже не только в узком экономическом или идейно-марксистском его восприятии, но как к понятию, характеризующему весь совокупный уклад современного общества: его культуру, право, поведенческие нормы, структуру общественных интересов, господствующие формы социализации, политическое целеполагание, рациональное управление жизненными ресурсами общества (сфера экономики), наконец. Это (3) проблема утраты прежде, казалось бы, ясных перспектив общественного развития, – в свете всевозможных «угроз» (экологических, демографических, миграционных, обусловленных растущим дефицитом ресурсов: пищевых, водных, энергетических, минеральных и т.д.). Ответы науки на эти угрозы – преимущественно «технические», жестко привязанные к устоявшимся парадигмам, – с учетом нового

научного знания представляются малоубедительными. Но, может быть, наиболее важная проблема (4) – перспективы личности в грядущем мире. Эта проблема всегда обостряется в эпоху фундаментальных перемен. Но сегодня, может быть, как никогда, силен дисциплинирующий натиск общества на *естественные права личности*. И даже не столько на насыщенное идеологическими коннотациями ее право на свободу, сколько – ее фундаментальное право на *саморазвитие и самоопределение, право на самореализацию*, обеспечившее человечеству львиную долю достигнутого на сегодня (и практически все – в области научного познания). Как важный, пусть и частный аспект этой проблемы отметим, что, исследуя условия и коллизии сегодняшнего «выживания» личности под натиском социальности, мы тем самым приближаемся и к пониманию перспектив собственной исследовательской «корпорации».

Феномен социального отчуждения

Современная социология, по авторитетному мнению Э. Гидденса выстроенная, – и как теоретический концепт, и в качестве исследовательского инструмента, – с ориентацией на углубленное понимание *современного общества*⁶⁶, аксиоматизирует многие проблемные места общественного устройства человеческой жизни, вынося их тем самым «за скобки» теоретического анализа. В частности, она проявляет явно недостаточный интерес к изучению устройства досовременных, так называемых *традиционных обществ*, тех, которые из-за своей достаточно дифференцированной структуры не могут рассматриваться как примордиальные, но в силу присущего им системного отторжения практик коммерциализации, рационализации и индивидуализации социального бытия плохо поддаются изучению методами современной социологии. Долгое время воспринимаемые в качестве «уходящей натуры», что для западного мира таковым и являлось, традиционные общества рассматривались как своего рода безликий фоновый концепт, в сравнении с условной невыразительностью и «неактуальностью» которого ярче и выигрышнее смотрелись достижения общества модерна.

Тем не менее, с более широких позиций такую ситуацию можно понимать и как своего рода *самоограничение* теории *современного общества*: изучение обществ, еще не ставших современными (т.е. несовременных или модернизирующихся), оказывается в определенном смысле за рамками возможностей соответствующих теорий, за пределами их познавательной «чувствительности». Точнее, в поле зрения теории современного общества попадают лишь факты и тренды, в которых улавливается «прорастание» модерна поверх прежних социальных укладов, их институциональной, ценностно-нормативной сфер, выработанных в них обычаев (*рутин* – в терминологии современной социальной теории). Вызовы текущего глобального кризиса, инициированный ими растущий интерес к устройству несовременных, но, скорее, не традиционных, а именно модернизирующихся обществ, более

---

⁶⁶ «...Я осознаю, что «социология» не является «родовой» дисциплиной, занимающейся изучением человеческих сообществ в целом; скорее она представляет собою отрасль социальной науки, которая концентрирует свое исследовательское внимание на «передовых» или современных обществах...» Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005. С. 10.

того, не столько к тем аспектам их устройства, которые можно считать аналогичными устройству западных обществ, а в первую очередь к тем, что характеризуют их ключевые *отличительные особенности*, – принципиально меняют ориентиры развития социальной теории. Для усовершенствования инструментария исследования несовременных обществ и преодоления сформировавшегося *самоограничения* социальной теории требуется осторожное, но принципиальное расширение ее парадигмальных рамок, более внимательное отношение к используемым понятийному аппарату и методологическим подходам...⁶⁷

Варианты концептуализации представлений об обществе как особом феномене, способы и подходы к изучению его природы, его воспроизводства и трансформации, утвердившиеся в современной науке и активно развиваемые в течение всего XX в., чрезвычайно многообразны⁶⁸. Но, вместе с тем, их роднит общность ряда сюжетов, с неизбежностью выходящих на передний план и замыкающихся на проблеме *субъекта социального действия*, а также на стоящей за ней проблеме сопряжения *общества и людей*, его составляющих. При некотором углублении в эти проблемы дополнительно обнаруживаются нетривиальные и не имеющие однозначного решения фундаментальные коллизии «свободы в обществе», «противостояния природы и общества», наконец, «противостояния общества и личности». При таком рассмотрении *общество* оказывается чрезвычайно многомерной и интегрированной во множественные взаимосвязи и взаимозависимости *особой сферой* человеческого бытия, наряду с *природой и внутренним миром человека*, с которыми оно имеет подвижные и чувствительные к любым переменам области перекрывания и находится в постоянном напряженном взаимодействии–противоборстве. Вместе с тем, все три эти сферы представляют собой своего рода «аналитические проекции» деятельностной активности человека, имманентной ему субъектности, способствующие формированию у него дифференцированных представлений о той, словами Х. Ортеги-и-Гассета, «радикальной реальности», в которой он обнаруживает себя по мере обретения сознания.

Анализ устройства общества с необходимостью предполагает и формирование представлений о составляющих его «элементарных частицах»,

---

⁶⁷ Все сказанное выше, безусловно, имеет непосредственное отношение и к проблеме совершенствования теоретического инструментария исследований общественно-политического организма современной России.

⁶⁸ Из наиболее значимых возможных дихотомических градаций, используемых при сопоставлении этих подходов, выделим противопоставление структурно-функционального анализа, как правило, ассоциируемого с именем Т. Парсонса (см. напр. Parsons T. *Societies, Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1966; Parsons T. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1971; Парсонс Т. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс. 1997) и теории структуризации Э. Гидденса (см. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press. 1984; Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005). Важное для последующего изложения различие между ними состоит в том, что первый, скорее, развивает универсальную теорию, теорию социального действия; тогда как второй – частную теорию идеализированного «современного общества».

применительно к современному обществу – социальных индивидах⁶⁹. Индивидуализация (в наиболее злокачественных формах – атомизация⁷⁰) рассматривается как естественная и неотъемлемая характеристика общества, вступившего на путь превращения в современное. Тем самым целостный человек предстает в своем современном общественном бытии как *социальный индивид*, в своей «природной» ипостаси – как представляющая биологический вид *homo sapiens* *человеческая особь*, а в своем «внутреннем мире», генерирующем креативный контент его жизнедеятельности, – как *свободная личность*.

«Конструирование общества» и концептуализация происходящего в ходе социальных трансакций превращения (омассовления) таких сугубо «человеческих» качеств составляющих его социальных индивидов, как воля, действие, интерес, целеполагание, предпочтение, мнение и пр. являются ключевыми проблемами социальной теории⁷¹. С позиции одних исследователей общества эти фундаментальные проявления человеческой индивидуальности более или менее беспрепятственно трансформируются (интегрируются) в соответствующие проявления «общественного бытия» (общественную волю, общественное действие, общественный интерес, общественное мнение и т.д.). Другие – по сути дела отказываются признавать, что в результате интеграции индивидов образуется некая новая сущность – общество, – представляющая самостоятельный объект исследования, обладающая своей особой природой, которую, казалось бы, и призвана исследовать наука об обществе.

Да, действительно, множество человеческих индивидов, рассматриваемое как *объект* исследования, может выглядеть как толпа, а может вести себя как способное к целенаправленной деятельности сообщество. Налицо дуальность нашего *объекта*, побуждающая вспомнить известную марксову метафору о *пчеле и архитекторе*⁷². Имея дело с социальными индивидами и образуемыми ими сообществами, мы вынуждены принимать во внимание дополнительные обстоятельства, существенно усложняющие разрешение нашей проблемы. Дело в том, что индивид, составляющий (и формирующий) общество, наделен субъектностью (свободой воли, личностными качествами и т.д.). Безусловно, соблазны власти (и персонализирующих ее властителей) заключаются в том, чтобы принуждать индивида к участию в жизни общества «по единому плану общественного устройства» (тому самому, наличием которого марксов

⁶⁹ «...Оба эти представления – то, как мы осознаем себя как общество, и то, как мы осознаем себя в качестве индивида, – никогда не соединяются в одно целое...». Элиас Н. *Общество индивидов*. М.: Праксис. 2001. С. 19.

⁷⁰ Об атомизации социальных связей и психологии «атомизированного потребителя» в постсоветской России см., напр. Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность. // *Вестник РОПЦ*, 1996. № 2. С. 32-49; Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества. // *Полис. Политические исследования*, № 4. 1993. С. 41-64.

⁷¹ Понимание особой, сконструированной природы общественного, выраженное, в частности, в представлениях о «воображаемых сообществах» (см. напр. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле. 2001), появляется довольно поздно, уже на этапе углубленной саморефлексии, которой высокоспециализированный социальный индивид, сформировавшийся в ходе длительной социальной дифференциации, подвергает собственные практики и собственное мышление как их составную часть.

⁷² См. Маркс К. *Капитал*. // *К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч.*, т. 23, гл. 5. С. 189.

архитектор отличается от *пчелы*), т.е. подавляя его субъектность, разрушая личность и тем самым упрощая задачи управления. Но имеющийся на сегодня исторический опыт демонстрирует невозможность сколько-либо долгосрочного и устойчивого продвижения к этому «идеалу власти», тем более – его достижения.

Именно индивид, в силу неистребимо (и неустранимо) присущей ему субъектной активности (в ней проступает «внутренний мир» целостного человеческого существа) оказывается постоянно действующим, активным началом общественных изменений. Однако изучение этих изменений зачастую по-прежнему ведется теми же методами, что и изучение «архитектурных строений», исследуются изменения общественно значимых форм, институтов, ценностей, массовых практик, массовой психологии... Между тем, с позиции индивида его социализация и его социальная жизнь, то, что, собственно, и формирует его как такового, предстает всякий раз драматической попыткой самореализации личности в условиях, с одной стороны, дефицита жизненных ресурсов и острой конкуренции за них с другими индивидами, «собратями по обществу», а с другой, – движения в лабиринте ограничивающих (дисциплинирующих и упорядочивающих) социальных установлений, последовательно и принудительно вводящем формирующуюся личность в прокрустово ложе социальности.

Именно поэтому ключевым моментом в понимании диалектики процесса, в ходе которого «отдельные люди образуют общество», оказывается то, что итоговое «общественное строение» формируется не по плану некоего стороннего «архитектора», а в ходе поражающей воображение интеграции взаимодействующих усилий множества «мыслящих индивидов», каждый из которых несет в себе свой план обустройства социального порядка, в интерактивное пространство которого он погружен. Как же осуществляется этот социальный синтез индивидуальных субъектностей, и какими характерными свойствами наделяется его продукт? «...Как возможно, что благодаря одновременному сосуществованию многих людей, благодаря их совместной жизни, их взаимодействию, их общим взаимоотношениям возникает нечто, чего ни один отдельный человек сам по себе не добивался, не задумывал, не творил и частью чего, хочет он того или нет, он является, – словом, возникает соединение взаимозависимых индивидов, общество?»⁷³

Одним из краеугольных принципов социальной интеграции является имманентное человеку стремление к самостоянию, выражающееся в действиях его субъективного «Я». Именно в этой субъектной способности к действию человек всякий раз открывает для себя не очевидные для окружающих возможности самореализации, проявляясь в качестве существа, *способного быть свободным*, в том числе и от всех ограничений существования в качестве социального индивида, члена сообщества.

В конечном счете, мотивы деятельности индивида (если изучать человеческую деятельность, оставаясь в рамках «социологического приближения», т.е. рассматривая человека как рефлексивно «включенного» в свое социальное окружение) могут формироваться двояким образом. Либо индивид самостоятельно и оригинально осмысляет ситуацию (самореализуясь в этом акте как личность), либо же прибегает к помощи уже готовых, сформированных структурами социальной системы решений, полагаясь на

---

⁷³ Элиас Н. *Общество индивидов*. М.: Праксис. 2001. С. 24.

существенные для него социальные авторитеты. В этом обращении к авторитету, выступающему здесь *формой власти*, реализуется процесс *самоотчуждения*. Это и есть основа и первичный шаг, элементарный акт социальной интеграции, сплоченности, солидарности, самоидентификации; личность, «принуждаемая обстоятельствами», доверяет свое *право выбора и решения* некоему «сокровенному правилу», скрывающему собственные глубинные смыслы. Эти смыслы человек должен был бы попытаться выявить самостоятельно, но ни времени, ни сил на это у него, как правило, нет.

Поэтому он предпочитает (и вынужден) идти по пути социализации, уступая авторитету и соглашаясь на «условно осмысленные» решения и поступки, т.е. действия, смысл которых он полагает известным и установленным, но не им самим, а авторитетными членами или институционально-правовыми структурами того сообщества, к которому он себя причисляет. Это последнее, к тому же, делает с его точки зрения излишними – до поры до времени – самостоятельные усилия по их переосмыслению.

Онтологически обусловленной потребностью, побуждающей человека идти по пути самоотчуждения и принимать правила, предлагаемые ему обществом, вопреки естественному неприятию *бессмысленного*, является потребность в общении, в коммуникации с окружающими его *другими*. Изначально (в том числе и с ранних, ювенальных этапов человеческой социализации) такая потребность конфликтно состыкована со столь же онтологическим стремлением личности к автономии, «из себя существу бытию». Здесь необходимо наметить еще одну дуальность современных трендов. С одной стороны, именно потребность коммуникации в рамках современного глобального сообщества обуславливает стремительную экспансию глобальных информационных сетей, подчиняющих, поглощающих или даже радикально упраздняющих всякого рода локальные информационные структуры. Но вместе с тем, существует область человеческих взаимоотношений, относительно автономная и позволяющая человеку уклоняться от универсально-обязательного соответствия внешнему социальному окружению. Это – область человеческой интимности, семьи, личной жизни, внутреннего мира человека – мир личности. В этой сфере межличностного общения⁷⁴ детальной коррелированности вступающих в общение не требуется. Здесь многое (и прежде всего – сокровенные смыслы) понимается без слов... Эта сфера и есть последний (и подвергающийся сегодня систематическим атакам со стороны общественного мнения и структур социального государства) оплот автономии и свободы личности в социальном мире отчуждения.

Здесь хотелось бы зафиксировать принципиальный момент *онтологического расхождения личности и социализированного индивида*, момент порождения феномена самоотчуждения и авторитарных форм координации социальной деятельности⁷⁵. Это – проявление глубинной борьбы

---

⁷⁴ «...Межличностное отношение – типичная реальность человеческой жизни, ее сопереживание... *Социальное обнаруживает себя только по контрасту с межличностным...*». Ортега-и-Гассет Х. *Избранные труды*. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир». 2000. С. 616.

⁷⁵ Более подробно эти и ряд других важных сюжетов обсуждаются в (Лапкин В.В. *Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений*. М.: ИМЭМО РАН. 2012. Гл. 1).

за смыслы: личность порождает смыслы, путем *межличностного общения* они получают распространение. Но интегрируемые в структуры социальности и *отчуждаемые* от их естественного порождающего начала – личности, смыслы становятся основой власти и властного принуждения, низводящего личность до роли индивида, автономия которого ограничена его социальным статусом. Здесь впервые из тени отчуждающих социальных практик начинает проступать реальность политической организации современного общества, *современное государство*, в котором приобщение к благам цивилизации оборачивается для человека императивом самодисциплинирования и самоотчуждения. И по мере совершенствования этого государства все более изоцированные безличные формы социальной организации индивидов приобретают власть и контроль над ними; объективированное становится субъектом (вернее было бы сказать, «псевдосубъектом»), превращающим реального субъекта (личность) в объект социального контроля и навязанного ему дисциплинирующего самоконтроля⁷⁶.

Именно в принуждающей силе государства цивилизованное общество находит дополнительный ресурс собственного устойчивого воспроизводства, теперь уже – политическими методами, методами принуждающего регулирования конфликтов как между своими дифференцирующимися частями, так и – с другими сопредельными обществами, также облекшимися в государственную форму (мир наций-государств). Однако сегодня государство в его ипостаси блюстителя социальных норм и институтов все больше теснится иными «социальными субъектами», резко усилившими потенциал своего надгосударственного могущества, – *рынком и капиталом*.

Капитализм и модернизация

Мир капитализма не расположен к последовательной и углубленной саморефлексии. Принято полагать, что классические черты капитализма как почти исключительно *экономической системы*, такие как эксплуатация человека человеком, экономическое принуждение, разрушение среды человеческого обитания и самой человеческой личности, рост неравенства и прочие так называемые «язвы», – все это сегодня успешно преодолевается, с одной стороны, в рамках последовательно распространяющихся практик *социального государства*, а с другой – путем повсеместной «рационализации» поведения социального индивида и процедуры принятия им практических решений (*rational choice*). Что же касается прочих сфер общественной жизни, – политики, права, культуры и пр., – то они, де, описываются в логике совершенно иных концептуальных схем, которые, как зачастую полагается, не имеют никакого отношения к «капиталистическому чудовищу», этому реликту прежней эпохи человеческой нужды и бедствий. Вместе с тем углубленные социальные исследования без особых затруднений обнаруживают фундаментальную для современного общества *взаимозависимость* (1) изменений в его политико-

---

⁷⁶ Это обстоятельство, в частности, нашло отражение в концепции «социального действия» Т. Парсонса, в которой, как это сформулировал Э. Гидденс, «объект (общество) преобладает над субъектом (разумным человеческим существом)». Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структурации*. 2-е изд. М.: Академический Проект. 2005. С. 15.

государственной, частноправовой и социокультурной сферах и (2) всепроникающего распространения в обществе коммерциализированных, рыночных отношений между индивидами («все на продажу»). «Дух капитализма» ощутим не только в деятельности уже необратимо трансформировавшихся протестантских общин Новой Англии, но и в решениях Еврокомиссии, практиках мультикультурализма и толерантности, вердиктах Гаагского трибунала и коллизиях современных «информационных войн». Этот «дух» в его универсально-революционирующей весь спектр социальных отношений ипостаси блестяще описан и проанализирован еще «классиками марксизма» в сер. XIX в. И даже ранее – в немецкой классической философии – мы можем обнаружить поразительные прозрения⁷⁷, смысл которых в том, что речь идет не о частностях «рационализации экономических механизмов», а именно о «духе эпохи», о главном содержании перемен, которые в конечном счете (и достаточно быстро, по историческим меркам) революционируют, т.е. переделают на новый, капиталистический лад всю человеческую жизнь, переделают *повсеместно и необратимо*. О том, что *мир миров*, мир множественных сосуществующих социальных и культурных форм будет преобразован, путем распространения этого нового «духа», в мир, организованный на принципах глобальной связности и универсализма, *мир капитализма*⁷⁸.

Представление об имманентной капитализму способности к саморасширению предполагает двоякую интерпретацию: как количественного роста капитала и соответствующего расширения сферы его социального влияния и контроля; и как пространственной экспансии, распространения своего поначалу внешнего влияния и диктата на не- и докапиталистические сообщества. Особый интерес вызывает эта уникальная способность капитала к самопроизвольному возрастанию (имеющая, по сути, характер внутреннего императива, устремленности так или иначе накопленного *богатства* к вхождению в систему воспроизводственных отношений *капитализма*). Эта способность возникает исторически и обусловлена формированием уникального типа западноевропейских городских сообществ XV-XVI вв.

Охват товарными отношениями все большего числа процессов общественного воспроизводства (рутин), безусловно, повышал масштабы накопления капитала, поскольку накладывал своеобразную «дань накопления» на все больший массив социальных трансакций. Прежний «процент» (лихва) имел неизмеримо более узкое пространство циркуляции, да и легитимность такой практики в глазах общества была весьма сомнительной. Напротив, в капиталистическом обществе, приходящем на смену традиционным, доход и

⁷⁷ См. напр. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи. // *Фихте И.Г. Сочинения в двух томах*. Т. 2. СПб.: Мифрил. 1993. С. 359-617.

⁷⁸ «...Капитализм – это прежде всего и главным образом историческая социальная система... В этой системе прошлые накопления были “капиталом” лишь в той степени, в какой они использовались для большего их накопления... Главной целью или главным намерением его использования стало саморасширение (selfexpansion)... Именно эту неумолимую и самонаведенную цель владельца капитала – накопление еще большего капитала и отношения, которые капиталовладелец должен был установить с другими личностями, чтобы достичь этой цели, – мы называем капиталистической...». Валлерстайн И. *Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация*. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2008. С. 76.

прибыль вполне легитимны и даже респектабельны, а пространство циркуляции соответствующих отношений практически безгранично⁷⁹.

Одна из наиболее глубоких и последовательных альтернатив логике безудержной и беспредельной экспансии капитализма была предложена в свое время К. Поланьи⁸⁰, обосновавшим понятие «фиктивных товаров», в качестве которых он выделил землю, рабочую силу и деньги. «Фиктивность» трех этих важнейших составляющих капиталистического рынка обусловлена их природой, нуждающейся в социально-институциональном, а не в рыночном регулировании, поскольку их вовлечение в товарное обращение (товаризация) создает неустранимые и разрушающие общество противоречия, прежде всего, – псевдоэквивалентность обмена на капиталистическом рынке. Не менее разрушительной по своим последствиям оказывается, по Поланьи, еще одна фикция капитализма – саморегулирующийся рынок⁸¹. Единственным способом, по мнению Поланьи, предотвратить «крушение цивилизации», неизбежное на пути такой капиталистической экспансии, является, в тактическом плане, замедление темпа изменений, навязываемых обществу капиталом, что могло бы дать общественному организму дополнительное время для адаптации. В стратегическом же отношении ситуация представляется существенно более драматичной: «...именно подчинение экономической системы рынку влечет за собой колоссальные последствия для социальной организации: ни более ни менее как превращение общества в придаток рынка. Теперь уже не экономика “встраивается” в систему социальных связей, а социальные связи – в экономическую систему... Рыночная экономика может функционировать только в рыночном обществе...»⁸². Вытекающие из этого положения угрозы могут быть отведены, по мнению Поланьи, лишь по мере возврата к нормальному состоянию контроля общества над рыночной экономикой. Однако возможен ли такой возврат при столь далеко зашедшем процессе коммерциализации? Возможно ли само существование современного общества вне капиталистической системы мобилизации необходимых для его жизнедеятельности ресурсов, тем более в условиях их растущего дефицита? И, главное, способно ли «рыночное общество», общество капитализма выступить субъектом такой трансформации, т.е. преобразовать не столько капитал как *собственное порождение*, отчужденное и получившее всепроникающую власть над породившим его, сколько самое себя, т.е. общество, утратившее представление о своих

---

⁷⁹ «Поскольку капитализм – это процесс, целью которого является он сам (*self-regarding process*), ни одно социальное взаимодействие не могло избежать включения в него...» (там же. С. 78).

⁸⁰ Поланьи К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Издательство «Алетейя». 2002.

⁸¹ И в частности: «...труд и земля – это не что иное, как сами человеческие существа, из которых состоит всякое общество, и естественная среда, в которой они живут. Включить их в рыночный механизм значит подчинить законам рынка саму субстанцию общества...» (там же. С. 86); «...позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или хотя бы даже единственным судьей надлежащего объема и методов использования покупательной способности значило бы в конечном счете уничтожить человеческое общество...» (там же. С. 87).

⁸² Там же. С. 70.

истинных целях, интересах и потребностях, равно как и способность такое представление формулировать и отстаивать?

Преодоление затруднений, возникающих при поиске ответов на эти вопросы, побуждает включить в сферу анализа проблемы внутренней организации и эволюционной динамики исторических систем накопления, капиталистической – в первую очередь. Изучение эволюции досовременных форм политического господства и структур ресурсной мобилизации⁸³ обнаруживает последовательный переход посредством продолжительных эволюционных циклов и пространственного смещения центров политического господства – от доминирования производящих и накапливающих (тезаврирующих) империй (деспотий) – к торговым империям (с ослабленным интересом к производству и потому ориентированных на перманентное расширение сферы господства) и от них – к существенно более динамичным, все более стремительно эволюционирующим системам, непосредственно подготавливающим становление капиталистической. А именно – к торгово-производительным империям (производство в которых организуется в качестве вспомогательной функции торговли) и от них – к производительно-торговым империям⁸⁴ (в которых уже торговля выступает средством стимулирования развития производства). Именно в форме производительно-торговых империй реализуется заключительный этап «вызревания» и само «порождение» капитализма. При этом каждый эволюционный этап сопрягается с более или менее значительным смещением ведущего центра всей совокупной системы накопления (от «старого» центра – к «новому»).

Введение представлений о мировых центрах и интегрированных псевдосубъектах накопления, образующих самосогласованную систему центров политической и экономической силы, позволяет вовлечь в исследовательский процесс дополнительные когнитивные ресурсы, обнаружить принципиально значимое движущее противоречие развития современной мировой системы, чувствительное к симптомам собственной критической внутренней трансформации перед перерождением в нечто принципиально иное. Возникновение мировых центров политической и экономической силы (центров глобального миропорядка, в свою очередь подразделяемых на центр-лидер и противочентр) синхронизировано во времени и функционально сопряжено с *процессом модернизации*. Именно формирование этими центрами эффективных глобальных механизмов, с помощью которых мобилизуются ресурсы роста капитала, превращает их из локальных в мировые, резко расширяет границы их политического и

---

⁸³ Наряду с классическими исследованиями Ф. Броделя здесь следует упомянуть А.Г. Франка (см. напр. Frank A.G. *Theoretical Introduction to 5000 Years of World System History*. // Review. Binghamton, N.Y. Vol. 13, No. 2. 1990. P. 155-248), многочисленные работы Р. Коллинза (Collins R.), Н.С. Розова, Дж. Модельски (Modelski G.), М. Мелко (Melko M.) и др.

⁸⁴ В последних двух случаях термин «империя» используется в расширительном смысле; решающим представляется критерий широкого распространения во всем пространстве, охваченном взаимодействием имперского центра, как правило, великого торгового града или даже сети таких городов, его (их) цивилизующих импульсов, дисциплинирующих «варварскую периферию» и вовлекающих ее в отношения товарного обмена.

экономического влияния, обеспечивает мировой системе стимулы дальнейшего эволюционного усложнения⁸⁵.

В рамках данного подхода процесс накопления предстает системным механизмом «понуждения к развитию», способным обеспечить повсеместно – для всех сообществ, вовлекаемых в глобальный обмен путем продвижения, а порою и насаждения соответствующих институтов, – резкое ускорение социальной динамики. Территориальное расширение капиталистической системы, активное освоение ею «мировой периферии» не только решительным образом трансформирует соответствующие сообщества и локальные экономические системы, принуждая их к внутренней дифференциации и внешней интеграции, но и способствует глубоким эволюционным изменениям глобальной структуры капитализма. В ряде случаев (Россия, Китай, Индия) это приводит к формированию новых субъектов «внутренней» эволюции самой капиталистической системы, способных «бросить вызов» ее прежней, исторически сложившейся иерархии, ее классическим «центрам».

Экспансия капитала направлена как на породившую его социальную систему, так и на другие сообщества, в той мере, в которой они оказываются *практически* привлекательными для него. Эти два основных тренда экспансии концептуализируются *принципиально* различным образом. Экспансия вовнутрь, ведущая к проникновению капиталистических порядков во все более фундаментальные пласты общественных отношений, перестраивающая общество, его институты, его культуру, поведенческие нормы, потребительские стереотипы, систему социальных коммуникаций и пр., – находит адекватное отражение в концепте *модернизации*. В нем воплощается единство процессов рационализации, коммерциализации, урбанизации; им описывается, в классической интерпретации, переход от традиционного общества к современному. Внешняя экспансия, направленная на освоение новых пространств, их интеграцию в единое, уже сформированное капиталом пространство мирового рынка, – концептуализируется в рамках представлений о глобализации (или, ранее, интернационализации).

Политическим и социальным инструментом, материализовавшим способность капитализма к такой двуединой экспансии, стал возникший в XVII в. исторически уникальный тип государственности: государство-нация. Такое государство являлось воплощением императивов капиталистического накопления благодаря возникновению, во-первых, *внутреннего рынка*, им организуемого и институционально обустройстваемого, а во-вторых, *международной системы суверенных государств*, обеспечивающей взаимную легитимацию и международно-правовой порядок в отношениях между ее членами, а также утверждающей принцип однозначной территориальной юрисдикции. С этой поры обеспечение контроля капитала над государственной властью (путем политической борьбы, нацеленной на завоевание власти) становится важнейшей стратегической целью его агентов. А распространение этого контроля на общество в целом оказывается главным мотивом и целью *модернизации*.

---

⁸⁵ Подробнее, см. Лапкин В.В., Пантин В.И. *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история*. М.: Издательство «Олита». 2004; Лапкин В.В., Пантин В.И. *Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы)*. // *Полис. Политические исследования*. № 4. 1999. С. 42-59.

К ключевым характеристикам этого сформировавшегося и повсеместно распространившегося идеального типа национального государства Э. Гидденс относит четыре основных институциональных кластера современности: капитализм, индустриализм, монополию государства на легитимное применение насилия и эффективные практики контроля над людскими массами, составляющими национальное сообщество.⁸⁶ Обратим внимание, что в этом наборе все четыре институциональных кластера олицетворяют собою средства экономического и политического контроля и дисциплинирования общества соответствующими субъектами рынка и капиталистического государства, направления принудительной трансформации «классического западноевропейского общества модерна» XVII-XVIII вв. Притом институциональные и акторные возможности демократического контроля общества за деятельностью рыночных и государственных структур в этом наборе не представлены вовсе. Итоговый эффект продвижения по четырем данным направлениям выразился в последовательно осуществляемой задаче отчуждения от общества всех доступных ему прежде форм самозащиты от натиска тотальной рыночной коммерциализации.

Перспективы и стратегические альтернативы развития

Поразительная согласованность движения современного мира, погруженного в глобальные информационные сети, по пути социальной трансформации и нормативно-ценностной унификации побуждает к поиску более адекватной (в сравнении с традиционной, ставящей во главу угла национальное государство) «оптики» рассмотрения существа и причин столь согласованной и стремительной мировой динамики.

Одной из возможных интерпретаций современного глобального кризиса развития может стать предположение о нарастающем *несоответствии Запада своему историческому предназначению*, рассматриваемому с глобальных и универсалистских позиций. Причина такого несоответствия коренится не столько в дефектах капиталистической экономики (кризисах, социальных дисфункциях и т.п.), сколько – в глубоко двойственной природе западной цивилизации Нового времени, традиционалистской и рыночно-универсалистской одновременно. В свое время именно благодаря этому «локальная» западноевропейская цивилизация обнаружила черты цивилизации «универсальной», эволюционно более приспособленной к капитализму и получающей за счет этого решающие конкурентные преимущества в борьбе за глобальное культурное пространство. Иными словами, в основе успеха ее мировой экспансии оказался уникальный и весьма успешный опыт ее «адаптации к капитализму».

В основе выработанных ею универсальных механизмов преодоления межконфессиональных, межкультурных, межцивилизационных противоречий – способность (выработанная в условиях всепроникающей коммерциализации) редуцировать содержательную составляющую конфликтующих позиций к простейшей и в этом смысле универсальной основе. Продвигаемые ею новые формы и принципы общения, в том числе и с цивилизационно чужеродной внешней средой, утверждали и развивали прежде всего «абстрактные» и «формальные» (и потому универсальные) институты, такие как частное право,

---

⁸⁶ Giddens A. 1985. *The Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity Press. 1985.

рынок, всеобщее избирательное право, разделение властей и т.п. Подобные «абстрактные», «формальные» институты в наибольшей мере способствуют универсальному и в этом смысле максимально «упрощенному» общению; оборотной стороной этой универсализации является неизбежное упрощение и нивелировка личности, ее культурных предпочтений и идентификационных паттернов. В этом во многом и состоит «секрет» эффективности и универсальности механизмов, сформировавшихся в рамках западноевропейской – и шире – западной цивилизации, единство и целостность которой в конечном счете неразрывно связаны с ее интегральностью, структурным динамизмом и сложностью, многомерной внутренней дифференциацией. Новая глобальная *цивилизация капитализма* возникает как бы «поверх» старой, как своеобразная «надстройка» над ней, прорастая сквозь нее и не уничтожая, а лишь оттесняя ее на периферию социальной жизни. Модернизация, собственно, и есть другое наименование для процесса этой цивилизационной «мутации», преобразования традиционной цивилизации в форму цивилизации «универсальной».

Процесс глобальной экспансии этой универсальной цивилизации отнюдь не линеен. Ее становление сопровождалось целой чередой глубочайших кризисов, когда многим весьма проницательным исследователям (таким, например, как О. Шпенглер или К. Поланьи) казалось, что она терпит крах, и ей на смену приходит нечто принципиально иное. Социальное государство второй половины XX в. стало той эволюционной инновацией, которая помогла ей выйти на новый уровень глобального могущества. В последнее десятилетие (и особенно ощутимо с 2008 г.) мир универсальной цивилизации вступил в очередной кризис; призрак ее «крушения» вновь зримо явился взору исследователей. Тем не менее, потенциал ее жизнеспособности еще далеко не исчерпан. Более того, в духе метафоры В.Б. Пастухова, она все основательнее «садится на собственную почву»⁸⁷, что означает окончательное становление коммерциализированного общества, успешно завершающего вытеснение всякого рода нетоварных практик взаимности и перераспределения из сферы отношений между социализированными индивидами. Перераспределение при этом обретает характер политического и становится исключительно функцией соответствующих структур социального государства, а общество принуждается к самоотчуждению своих естественных, сущностных функций интеграции и консолидации людей – капиталистическому государству.

Неотвратимым представляется и преодоление капитализмом эпохи потрясений текущего глобального кризиса. Его восстановление в обновленном формате видится неизбежным. Более того, в известном смысле все последние четыре века – лишь *переходная эпоха* к зрелой фазе капиталистической цивилизации. Тем не менее, ее посткризисные перспективы драматичны, поскольку обусловлены в первую очередь тем, насколько она окажется успешной в преодолении своей нынешней внутренней ограниченности, неполноты универсализма, сохраняющихся в ее «генофонде» реликтов не до конца редуцированной западноевропейской культуры. Речь, по существу, идет о том, способна ли она будет полностью эмансипироваться от своей

---

⁸⁷ Пастухов В.Б. 2011. «Перестройка» – второе издание. Революция и контрреволюция в России. // *Полис. Политические исследования*. № 1. 2011. С. 8.

цивилизационной природы, той, на основе которой в свое время сформировался исторический капитализм. По внутреннему драматизму это требование равносильно предъявлению человеку требования эмансипации от собственной биологической природы.

В отличие от прежних (XIX – XX вв.) вызовов *национализма* и *социализма*, являвшихся историческими формами реакции на мировую экспансию капитализма, сегодня универсальная цивилизация (или проект Модерна) имеет дело не с собственным порождением (каковыми были и европейский национализм, и социализм), а с неискоренимым и неодолимым «цивилизационным фактором». Как продукт социокультурной эволюции он, безусловно, более фундаментален, нежели сам Модерн, являясь его неотъемлемой, по меньшей мере, неискоренимой составляющей. Это обстоятельство радикально проблематизирует перспективы и капитализма, и самого Модерна, в современных его вариациях представляющего всякий раз уникальным «историческим компромиссом» между универсалиями капитализма с его императивами коммерциализации и «самовозрастания», с одной стороны, и ценностно-культурной самобытностью воспринимающего его общества – с другой. И все же...

Капитализм как несовершенное, но тем не менее – средство обеспечения прав, провозглашаемое демократией, сохраняет свою актуальность и безальтернативность, хотя и требует за это у общества непомерную цену...

«Незавершенный проект» Модерна продолжается...

Глава 3. ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

В.И. Пантин

Современная международная ситуация характеризуется ярко выраженной турбулентностью, конфликтностью и динамичностью. Казалось бы, в столь сложных и неоднозначных обстоятельствах трудно говорить об исследовании перспектив мирового политического развития и давать научно обоснованные прогнозы. Однако положение дел в области прогнозирования мировой политической динамики резко изменится, если мы используем другую оптику и применим не отдельные, относительно односторонние методологические подходы, а более целостное их сочетание во взаимодействии. Если рассматривать мировую политику как сложную неравновесную систему, для которой характерны нелинейность, точки перелома, периодическая смена фаз развития и наличие заметных колебаний (волн), накладывающихся на более или менее поступательное движение, то резкие изменения в мировой политике, начавшиеся в 2012 – 2013 гг. и явно проявившиеся в 2014 г., окажутся не случайными, а закономерными. Более того, выяснится, что наступление очередного «периода турбулентности» (или периода великих потрясений)

связано с назревшими сдвигами в мировой политической и экономической системе, а сами эти сдвиги и периоды, когда они происходят, можно и нужно прогнозировать на основании выявленных нелинейных тенденций. Но для этого необходима новая методология, опирающаяся на синтез известных, хотя иногда подзабытых или игнорируемых подходов к исследованию мировой политической динамики. Некоторые проблемы развития и результаты применения такой методологии рассмотрены ниже.

Зачем нужен методологический синтез?

Перспективы мирового политического развития и методология исследования политических изменений в научной литературе чаще всего рассматриваются отдельно, изолированно друг от друга. Между тем очевидно, что без глубокой и содержательной разработки методологии исследования политической динамики вряд ли возможно верно определить ее внутренние механизмы и перспективы. В то же время и сама разработка методологии исследования существенных политических изменений и сдвигов во многом стимулируется и определяется задачами выяснения тенденций и перспектив мировой политической динамики, задачами политического прогнозирования и предвидения. В качестве одного из примеров можно привести работы С. Хантингтона, который развил методологию цивилизационного подхода и применил ее к анализу и прогнозу мировой политики и международных отношений⁸⁸. При этом обращение Хантингтона к методологии (которое подчас носило не явный, а скрытый характер) во многом было вызвано потребностью понять будущее Запада в его взаимодействии с Китаем, исламским миром и другими цивилизациями. Еще одним примером могут служить работы Дж. Модельски с соавторами, в которых исследуются тенденции и закономерности мирового политического развития с помощью новой методологии, восходящей к мир-системному подходу, но в некоторых важных отношениях отличающейся от него⁸⁹.

К числу наиболее известных современных подходов к исследованию мирового политического развития и его перспектив: относятся различные концепции политической глобализации и регионализации, цивилизационный, социокультурный подходы, мир-системный подход и др. Отнюдь не канули в лету формационный подход и неомарксизм, которые раскрывают старые и новые противоречия глобального финансового капитализма, а также причины порождаемых им социально-политических конфликтов. Каждый из этих подходов, с точки зрения методологии и исследовательских возможностей, имеет свои сильные и слабые стороны, адекватно описывая отдельные стороны современных и предстоящих политических изменений. В то же время целостной, синтетической картины современности и формирующегося на наших глазах будущего, как правило, не возникает. Налицо отдельные, нередко важные

---

⁸⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // *Полис. Политические исследования*. 1994. № 1; Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 1996.

⁸⁹ Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. London: Macmillan.1987; Modelski G., Thompson W.R. *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press. 1996; Модельски Дж. Эволюция глобальной политики. // *Полис. Политические исследования*. 2005. №№ 3, 4.

фрагменты, но эти фрагменты, как правило, не складываются в единое целое. В результате, обрисовка перспектив мирового политического развития также имеет односторонний, фрагментарный и потому в целом искаженный характер. Достаточно вспомнить концепцию «конца истории» и «окончательного» торжества либеральной демократии Ф. Фукуямы⁹⁰ или весьма популярные в 1980-е и 1990-е гг. концепции «демократического транзита», см., например⁹¹.

Напрашивается предположение, что для более глубокого и целостного понимания происходящего необходимо не выборочное использование упомянутых выше подходов и не их отбрасывание, а их соединение, методологический синтез. При этом, в отличие от заведомо неплодотворного эклектического смешения разных, с точки зрения методологии, исследовательских подходов, требуется именно синтез, органичное соединение дополняющих друг друга подходов, что предполагает не простое суммирование различных, подчас противоречащих друг другу исследовательских стратегий, а рождение новой методологии анализа и прогноза. Разумеется, решение подобной задачи под силу лишь многим исследовательским коллективам, поэтому в данной главе намечены только некоторые, но, как представляется, весьма важные и перспективные направления возможного методологического синтеза.

Однако, прежде чем обрисовать некоторые направления методологического синтеза, следует ответить на вопрос: а возможен ли такой синтез в принципе и что нового он может дать, насколько он креативен? Существует точка зрения, что время широких обобщений, основанных на синтезе различных концепций и подходов, прошло (напомним, что в свое время такими синтезирующими обобщениями были марксизм, культурно-цивилизационный подход в трактовке О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби, мир-системный подход, разработанный Ф. Броделем, И. Валлерстайном и другими авторами). Согласно этой точке зрения, отвергающей возможность концептуального и методологического синтеза, дело современной политической науки должно ограничиваться кропотливым сбором фактов, их анализом и выявлением тех или иных тенденций политического развития. Однако вспомним, что все упомянутые выше синтетические концепции и подходы были разработаны вовсе неслучайно: они возникали как ответ на тот или иной глубокий социальный и политический кризис в западном обществе и предлагали различные варианты выхода из этого кризиса, обрисовывая определенные перспективы мирового политического развития. Есть все основания полагать, что сейчас весь мир вновь находится в тисках углубляющегося глобального экономического и социально-политического кризиса, чреватого самыми серьезными конфликтами, потрясениями и геополитическими сдвигами. Многие из этих конфликтов (например, конфликты на Ближнем Востоке или украинский кризис) разворачиваются на наших глазах, и их последствия для внутри- и внешнеполитического развития США, стран ЕС, России и других

---

⁹⁰ Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопросы философии*. 1990. № 3; Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press. 1992.

⁹¹ O'Donnell G., Schmitter Ph., Whitehead L. *Transition from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy*. Baltimore, L.: The Johns Hopkins University Press. 1986; Markoff J. *The Great Wave of Democracy in Historical Perspective*. Ithaca: Cornell University. 1994; Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 1996.

государств будут ощущаться еще очень долго. И потому объективно снова возникает острая потребность в разработке синтетических теорий и подходов, призванных найти выходы из тупиков, которые вряд ли помогут найти «узкоспециализированные» и односторонние концепции политических изменений.

Тем не менее, это еще не ответ на вопрос о возможности разработки синтетических подходов и концепций: потребность в них есть, но есть ли возможность их создать? Нужно сказать, что вопрос этот весьма серьезный: учитывая тенденцию к узкой специализации, существующую во всех современных науках, осуществить синтез хотя бы некоторых концепций и подходов довольно трудно. Несмотря на то, что современная действительность ежедневно демонстрирует тесную связь политики и экономики, политических и социальных процессов, внутренней и внешней политики, специалисты продолжают рассматривать эти процессы и явления отдельно, изолированно друг от друга. В результате экономисты нередко не понимают политологов, политологи – социологов, специалисты по международным отношениям – специалистов по внутренней политике и т.п. И все же весьма интересные точки синтеза постепенно намечаются: так, в рамках мир-системного подхода политические, экономические и культурные процессы рассматриваются как тесно взаимодействующие и интенсивно влияющие друг на друга. Более того, изучение процессов экономической, информационной, политической, культурной глобализации и регионализации ориентирует на синтетическое, а не на изолированное исследование разных сфер жизни общества и разных аспектов развития внутри данной сферы. Иными словами, возможности для концептуального и методологического синтеза существуют и сейчас, если только мы сами изначально не уничтожаем такие возможности. Поэтому вопросы типа: цивилизационный подход или формационный? глобализация или регионализация? экономика или политика? политические или социокультурные процессы? – все больше становятся архаичными и бессмысленными, они все больше нуждаются в переосмыслении и в переформулировании. На деле, все более актуальной становится не постановка вопросов типа «или – или», а формулирование иной проблемы: в чем конкретно состоит «и – и» и какова результирующая рассматриваемого взаимодействия разных сфер и сторон жизни общества.

Что же нового может дать концептуальный и методологический синтез, о котором идет речь? Прежде всего он может дать не плоское и линейное, а объемное и богатое переходами понимание динамики общества, протекания многообразных политических процессов, исследование конкретных связей между внутренней и внешней политикой, политикой и экономикой, политикой и культурой, политикой и социальными процессами. Он способен также помочь выявить переломные, критические точки и периоды в развитии общества. Но самое главное состоит в новых возможностях прогнозирования, в новых средствах определения перспектив внутривнутриполитического развития и перспектив изменения мирового порядка, которое происходит на наших глазах. И если политическая наука не хочет тащиться в хвосте событий и объяснять постфактум только то, что уже произошло, если она стремится понимать настоящее и в определенной мере прогнозировать будущее, ей поневоле придется исследовать политическую динамику комплексно и с разных сторон, обобщая, синтезируя разные тенденции и определяя их сложную

результатирующую. И здесь без методологического синтеза различных, дополняющих друг друга подходов не обойтись.

Синтез мир-системного и цивилизационного подходов

Еще раз подчеркнем, что адекватное понимание перспектив мирового, регионального или национального политического развития вряд ли возможно без многостороннего исследования исторической динамики соответствующей политической системы, включая ее прошлое и настоящее. Но адекватно понять мировую политическую динамику – это значит обобщить и синтезировать наиболее значимые ее составляющие. Необходимо подчеркнуть, что сама эта динамика, как показывают, в частности, события XX и начала XXI вв. (Первая и Вторая мировые войны, крах колониальных империй, «холодная война» между США и СССР, распад Советского Союза и возвышение Китая, образование и кризис Европейского союза и др.) имеет ярко выраженный нелинейный характер, который политическая теория обязана учитывать. Важным и недостаточно оцененным следствием нелинейности мировой политической динамики является, например, тот факт, что утвердившиеся представления о непрерывном линейно-поступательном движении глобализации являются неверными, поскольку глобализация имеет свои приливы и отливы и в целом развивается волнообразно⁹².

Одно из направлений методологического синтеза, которое, как представляется, способно учитывать нелинейный, волнообразный характер мирового политического развития, состоит в соединении мир-системного и цивилизационного подходов, а также исследований политической и экономической регионализации. Собственно говоря, основы такого синтеза были заложены уже в работах одного из основоположников мир-системного подхода крупнейшего французского историка Ф. Броделя. В своих работах, например, в фундаментальной работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.» Бродель писал о различных «мир-экономиках» – Западной Европе, Америке, России, Ближнем и Среднем Востоке, Индии, Китае⁹³. Согласно Броделю, каждый «мир-экономика» представляет собой самостоятельный в экономическом и политическом отношении регион со своей собственной сетью социальных, культурных, экономических и политических связей, со своей формой государственного устройства. Нетрудно видеть, что «мир-экономика» Броделя во многом соответствует локальной цивилизации в понимании А.Дж. Тойнби и С. Хантингтона. Но какая же здесь связь с политикой и с политической наукой? Самая непосредственная, поскольку, экономика и политика теснейшим образом взаимосвязаны: «мир-экономика» Ф. Броделя – это не что иное, как и «мир-политика».

По существу, «мир-политика» представляет собой аналог региональной политической системы, в основе которой лежит культурно-цивилизационная

---

⁹² Пантин В.И., Лапкин В.В. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+. 2006. С. 242-279; Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. *Глобальный капитализм: три великие трансформации*. М.: Культурная революция. 2008. С. 228-274.

⁹³ Бродель Ф. 1992. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв.* Т. 3. М.: Прогресс. 1992.

общность, своя особая система стихийно сформировавшихся социально-политических и экономических связей. Иными словами, «мир-политика» - это сложная и вместе с тем устойчивая, самовоспроизводящаяся система политических связей, институтов, традиций, формальных и неформальных норм политической жизни, которая базируется на определенном социокультурном и экономическом фундаменте. Отсюда, в частности, следует, что заимствованные данным миром-политикой институты и нормы, благодаря существующей системе культурных, социальных, политических связей, неизбежно трансформируются и приспособляются к этой системе. Наглядным воплощением «мир-экономики» и «мир-политики» является современный региональный экономический и/или политический союз, например, Европейский Союз, НАТО, НАФТА, МЕРКОСУР, ЕврАзЭС, ШОС и др.

К сожалению, эти идеи Ф. Броделя не были развиты его последователями, и в рамках мир-системного подхода утвердилась более простая и удобная (но и более бедная) схема И. Валлерстайна «центр» – «полупериферия» – «периферия». Произошло это в немалой мере благодаря «европоцентризму» и «западоцентризму», присущему многим представителям мир-системного подхода. Западная Европа и США были отождествлены с «центром», а все остальное было отнесено к «периферии» или к «полупериферии». Понятно также, почему представления о «мир-экономике» прошли мимо политологов: ведь у Броделя речь, казалось бы, шла исключительно об экономике, а не о политике. Но сейчас, в эпоху, когда политика в явном виде продолжает экономику, а экономика – политику, когда центр тяжести мирового экономического и политического развития перемещается с Запада на Восток, когда становятся очевидными культурно-цивилизационные основания политики и экономики, – самое время вспомнить об идеях Ф. Броделя и развить их в рамках политической науки.

Итак, «мир-политика», или региональный политический союз, существующий на основе культурно-цивилизационных и экономических связей, является одним из важнейших субъектов сегодняшней мировой политики и одновременно объектом исследования политической науки. Рассуждая в терминах субъектной методологии, которая является принципиально важной для политической науки, можно увидеть, что, с одной стороны, субъектом и актором политики в современную эпоху все больше становится личность (см. раздел IV), а с другой стороны, в мировой политике таким субъектом становится региональный политический и экономический союз, который представляет собой сложное макрополитическое образование. Таким образом, формируются два своеобразных субъектных «полюса» современной политики – личность и региональный союз, являющиеся принципиально важными субъектами политических изменений. И тот, и другой субъект развивается нелинейно, переживая волны и циклы своего усложнения или, напротив, деградации.

Итак, одно из направлений методологического синтеза – это синтез мир-системного и цивилизационного подходов, а также исследований политической и экономической регионализации. Подчеркнем, что речь идет именно об исследованиях регионализации как оборотной стороны процессов глобализации, а не о классической регионалистике, в которой мировые регионы, как правило, исследуются более или менее изолированно друг от друга. На деле мировые регионы в условиях глобализации интенсивно взаимодействуют друг с другом и влияют друг на друга, причем важными субъектами этого взаимодействия

являются региональные союзы. Современные региональные политические и экономические союзы чаще всего строятся именно на общей культурно-цивилизационной основе, поэтому цивилизационный подход приобретает новое содержание и новый смысл. Если мир-систему дифференцировать не только на «центр», «полупериферию» и «периферию», но и на регионально-цивилизационные союзы, находящиеся в динамическом взаимодействии, то получится гораздо более адекватная современной реальности картина. Тогда вопрос о том, к «центру» или к «периферии» относить Японию, Южную Корею, Китай, во многом потеряет свое значение. Зато более важным станет вопрос, кто и на какой основе формирует региональные политические и экономические союзы, кто является лидером в этих союзах. И тогда окажется, что Япония и Южная Корея преимущественно тяготеют к западным региональным союзам, лидером в которых является США, хотя и не входят в эти союзы. В то же время Китай сам формирует региональные экономические и политические союзы, играя роль своеобразного «противоцентра» по отношению к США.

С точки зрения рассматриваемой методологии, очевидно также, что для России вопрос о формировании региональных политических, военных и экономических союзов является вопросом первостепенной важности. Если Россия не сможет сформировать реально работающие региональные политические и экономические союзы типа ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС, Таможенного союза и др., то она из субъекта мировой политики окончательно превратится в объект экспансии со стороны других региональных союзов, например, со стороны НАТО, ЕС, Китая с партнерами. Кроме того, понятно, что Россия сможет создать прочные и эффективные региональные союзы лишь со странами, близкими ей в культурно-цивилизационном плане, т.е. со странами СНГ.

Что касается таких объединений, как «двадцатка» или БРИКС, то они пока что играют главным образом консультативную роль или же роль противовеса по отношению к гегемонии одной сверхдержавы. Конечно, под влиянием глобального кризиса и геополитических сдвигов ситуация здесь может существенно измениться, и БРИКС или «двадцатка» в будущем могут стать более интегрированными и сплоченными международными организациями, способными играть действительно важную роль в мировой политике и экономике. Поэтому России следует не гнаться за всеми зайцами сразу, а последовательно укреплять свои региональные союзы, преодолевая сопротивление влиятельных антироссийски настроенных кругов в западных странах, трубящих об опасности возрождении «советской империи». На деле никакого возрождения империи, тем более в ее советском варианте, нет и в обозримом будущем не предвидится в силу истощения материальных и человеческих ресурсов России. В то же время формирование и развитие региональных политических, экономических и военно-оборонительных союзов на постсоветском и, шире, евроазиатском пространстве является для сегодняшней России вопросом ее выживания как субъекта мировой политики, поскольку все остальные крупные державы активно формируют подобные региональные союзы и получают от них немалые преимущества.

Синтез поступательного и циклически-волнообразного подходов

Ф. Бродель, а вслед за ним И. Валлерстайн в рамках мир-системного подхода успели заложить основы понимания регионального и мирового

(глобального) развития как нелинейного, циклически-волнообразного. при этом особое значение и Бродель, и Валлерстайн придавали циклам Кондратьева («длинным волнам»), которые описывают не только экономическую, но и политическую динамику. Политические (в частности, геополитические) аспекты циклов Кондратьева в современную эпоху приобретают особенно важное значение в связи с тем, что в настоящее время мир переживает понижительную волну кондратьевского цикла, соответствующую фазе «великих потрясений» в мировой политике и экономике. Эта фаза эволюционного цикла мировой системы, во многом аналогичная фазе великих потрясений 1920-х – середины 1940-х гг., сопровождается не только глубокими экономическими и социальными кризисами, но и другими крупными потрясениями, внутривнутриполитическими конфликтами и геополитическими сдвигами⁹⁴. В связи с этим всерьез прогнозировать внутри- и внешнеполитические сдвиги без учета нелинейного, циклически-волнообразного характера динамики политических систем, без учета характера фазы цикла, которую в данный период проходит международная система, практически невозможно.

Вместе с тем, с точки зрения методологии, необходимо уяснить, в чем именно состоит синтез поступательного и циклически-волнового подходов к изучению политической динамики. Дело в том, что поступательный и циклически-волновой подходы к исследованию развития общества нередко противопоставляют друг другу, в то время как на деле поступательное и циклически-волнообразное («колебательное») развитие теснейшим образом взаимосвязаны. Наличие циклов и волн, приливов и отливов, подъемов и откатов не отменяет, а напротив, предполагает поступательный ход социально-политического развития и эволюционное усложнение глобальной, региональной или национально-государственной политической системы. По сути дела, речь идет об *эволюционных циклах* глобальной, региональной или страновой политической динамики. В ходе этих эволюционных циклов происходит возникновение, отбор и распространение наиболее эффективных и соответствующих новым условиям политических институтов и практик. Более того, поступательные сдвиги в обществе во многих случаях происходят именно *через эволюционные циклы и волны*, или, другими словами, циклы и волны представляют собой один из важных механизмов осуществления поступательного («прогрессивного») развития в политической и экономической сферах жизни общества. Продемонстрируем это на ряде характерных примеров.

В свое время один из классиков американской политической науки А.М. Шлезингер-младший, опираясь на целую традицию в американской политической науке, описал «циклы американской истории», которые обеспечивают политической системе США динамизм и вместе с тем прочность, устойчивость. Эти циклы, согласно Шлезингеру, включают фазу важных общественных преобразований (фазу преобладания «общественного интереса») и фазу консервативной реакции на эти преобразования (фазу

---

⁹⁴ Пантин В.И., Лапкин В.В. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Цит. соч. С. 280-332; Акаев А.А., Пантин В.И. *Финансово-экономические кризисы и геополитические сдвиги: анализ и прогноз. // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2012. С. 68-108.

преобладания «частного интереса»)⁹⁵. В фазе «общественного интереса» происходят важные политические и экономические реформы, от которых, однако, американское общество через некоторое время устает. Наступает фаза «частного интереса», в ходе которой усваиваются и узакониваются нововведения предыдущего периода. Но и эта фаза через определенное время постепенно преодолевается: «Эпохи господства частных интересов также порождают противоречия. Такие периоды характеризуются скрытыми под поверхностью течениями неудовлетворенности, критики, брожения, протеста. Целые группы населения оказываются позади в гонке приобретательства. Интеллектуалы отчуждаются. Загнанные внутрь проблемы обостряются, грозят стать неразрешимыми и требуют вмешательства. Людям надоедают эгоистические мотивы и перспективы, они устают от погони за материальными благами в качестве наивысшей цели. Период отдыха от бремени общественных забот восполняет национальную энергию, подзаряжает батареи нации»⁹⁶. При этом очевидно, что в результате каждого цикла американское общество отнюдь не возвращается в исходное состояние; напротив, именно прохождение через очередной цикл ведет к возникновению и закреплению важных политических и экономических изменений, т.е. к поступательному движению. Так, радикальные реформы Ф.Д. Рузвельта и последовавшая за ними консервативная реакция в 1950-е гг. в итоге существенно изменили Соединенные Штаты и их политическую систему, сделали США мировым лидером. Важно также отметить, что выделенные Шлезингером циклы были использованы им и его предшественниками для весьма точного предсказания характера политического развития США на протяжении 1920-х – 1990-х гг.

Другой важный пример относится к динамике российской политической и экономической системы, для которой характерны эволюционные циклы реформ – контрреформ. Поскольку эти циклы неоднократно описывались ранее⁹⁷, кратко остановимся лишь на некоторых ключевых моментах. Во-первых, российские циклы реформ – контрреформ, вопреки суждениям некоторых отечественных либеральных публицистов и теоретиков, не являются замкнутыми, каждый такой цикл приводит российское общество и государство в новое, более современное и модернизированное состояние. Так, цикл реформ Александра I и контрреформ Николая I подготовил российское общество и государство к отмене крепостного права и к началу индустриализации огромной страны, а цикл реформ Хрущева – Косыгина и контрреформ Брежнева – Суллова сделал советское и российское общество урбанизированным, восприимчивым к достижениям научно-технической революции, к современным политическим, социальным и экономическим институтам. Другое дело – как эти заимствованные у западных стран институты «внедрились» в ткань российского общества, насколько эффективно они работали и работают, не нуждаются ли они в существенных изменениях для лучшей адаптации к российским условиям.

---

⁹⁵ Шлезингер А.М. 1992. *Циклы американской истории*. М.: Прогресс. 1992. С. 43-70.

⁹⁶ Там же. С. 49.

⁹⁷ Пантин В.И., Лапкин В.В. *Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности*. М.: Русское слово. 2007; Пантин В.И. Циклы реформ – контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития. // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 6.

Во-вторых, катастрофизм и исключительность российских циклов реформ – контрреформ по сравнению с другими странами заметно преувеличены. Если обратиться к истории Великобритании, Испании, Италии, Франции, Германии, Японии, США, Китая и других крупных государств, то можно без труда увидеть и тяжелые социально-политические кризисы, и кровопролитные гражданские войны, и революции, и множество войн с другими странами, и распад государств, и потерю колоний. Пожалуй, главными особенностями российских циклов модернизации через реформы – контрреформы является постепенное расшатывание не слишком устойчивой социокультурной и цивилизационной основы общества, а также периодически вспыхивающие конфликты между европейски ориентированной интеллигенцией и опирающейся на большинство российского населения более традиционной властью, конфликты, которые чреваты развалом государства. Однако эти особенности во многом являются следствием промежуточного, пограничного положения России между Востоком и Западом, между Севером и Югом, о чем писали многие авторы, см., например⁹⁸.

В-третьих, контрреформы являются естественной и необходимой реакцией не только государства, но и большинства российского общества на чересчур односторонние либеральные реформы, проводимые, как правило, в интересах подавляющего меньшинства. Даже отмена крепостного права в России в 1861 г., которая, казалось бы, проводилась в интересах крестьянства, на деле, за счет огромных и растянувшихся на многие десятилетия выкупных платежей обеспечила помещиков, составлявших подавляющее меньшинство населения, огромными денежными средствами и обрекла на нищенское, полуголодное существование большинство крестьян. Кроме того, значительная часть земли осталась за помещиками и государством, а крестьяне вынуждены были страдать от малоземелья. В результате предпосылки для революции 1917 г. были заложены уже в 1861 г. Не составляют исключения, разумеется, и либеральные реформы Горбачева – Ельцина, проведенные в интересах подавляющего меньшинства населения страны и способствовавшие возникновению неслыханного, нестерпимого социального и имущественного расслоения в сегодняшнем российском обществе. Поэтому современным российским «ультралибералам» и нынешней внесистемной оппозиции стоило бы хоть немного посмотреть, как живет большинство населения в России, и подумать, почему это большинство озабочено не правами сексуальных меньшинств или «свободой» кощунствовать в храмах, а проблемами физического и духовного выживания. Если же радикальные «ультралибералы» в очередной раз не захотят считаться с российскими реалиями, они снова проложат дорогу не менее радикальным фундаменталистам того или иного толка.

Как бы то ни было, российские циклы реформ – контрреформ представляют собой важный механизм поступательного развития России, ее политической, социальной и экономической модернизации. Конечно, каждый такой цикл требует значительных человеческих и материальных ресурсов, но

---

⁹⁸ Тойнби А.Дж. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Прогресс – Культура. 1996. С 157-158; Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв.* Т. 3. М.: Прогресс. 1992. С. 455; Панарин А.С. *Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)*. М.: Институт философии РАН. 1995. С. 27-28.

модернизация нигде и никогда не была гладким, благостным процессом. Циклы модернизации британского, американского, французского, немецкого, китайского обществ также сопровождались острыми социальными и политическими конфликтами, которые не могли смягчить даже обладание богатыми колониальными ресурсами или опытность западных политических элит. Более того, Первая и Вторая мировые войны – это прежде всего результат неорганичной модернизации западных обществ. В этой связи одна из основных проблем российского общества, состоит, как представляется, в том, чтобы в процессе модернизации сохранить свою самобытную и многообразную культурно-цивилизационную основу, свою политическую и экономическую самостоятельность, не питая излишних иллюзий по поводу эффективности копирования западных институтов и норм.

Наконец, еще один важный, но отнюдь не последний из тех, что можно было бы привести, пример осуществления поступательного политического развития через циклы и волны – это длительные, растянутые во времени и в истории процессы европейской интеграции. Начались эти интеграционные процессы отнюдь не после Второй мировой войны, не после образования Общего рынка, а гораздо раньше. Поскольку эти циклы европейской интеграции – дезинтеграции (политической дифференциации) до сих пор не были описаны, приведем их примерную датировку.

Первый цикл (цикл раннего Средневековья) – образование и распад империи франков (VII – X вв.).

Второй цикл (цикл позднего Средневековья) – подъем и упадок папской власти, стремившейся под своим началом объединить Европу, а также «Священной Римской империи германской нации» (XI – XVII вв.).

Третий цикл (цикл Французской империи) – возвышение Франции при Бурбонах и Наполеоне I (XVII – начало XIX вв.).

Четвертый цикл (цикл Британской и Германской империй) – доминирование в Европе одновременно Британской и Германской (после разгрома империи Наполеона III) империй вплоть до объединения континентальной Европы в рамках «Третьего рейха» (вторая половина XIX в. – первая половина XX в.).

Пятый цикл (цикл ЕЭС и Европейского союза) – экономическое и политическое объединение европейских государств в условиях доминирования ФРГ, Франции и Соединенного Королевства в рамках ЕС (вторая половина XX в. – первая половина XXI в.).

Следует отметить, что в каждом из названных циклов достигалась наивысшая точка объединения и интеграции, после которой, однако, неизбежно следовали распад и дезинтеграция. В первом цикле такой наивысшей точкой было образование империи Карла Великого, которая фактически объединила территорию бывшей Западной Римской империи. Во втором цикле такой точкой стало образование империи Карла V в XVI в., ненадолго объединившей почти всю Западную и Центральную Европу. В третьем цикле «точкой зенита» явилось также весьма недолгое объединение всей континентальной Европы в рамках империи Наполеона I. В четвертом цикле наивысшей точкой стало завоевание всей континентальной Европы Германией при Гитлере и создание «тысячелетнего Третьего рейха». Наконец, в пятом цикле вершиной интеграции

стал период после 2000 г., когда в Европейский союз вошли почти все страны Западной, Центральной и Восточной Европы. Однако в настоящее время Европейский союз, который из-за доминирования в нем Германии иногда называют «Четвертым рейхом», несомненно переживает период кризиса, разброда и шатаний. Думается, что это далеко не случайно, учитывая разнородность входящих в ЕС государств и тот факт, что во всех предшествующих циклах период наивысшего объединения и интеграции продолжался весьма недолго. Отсюда, в частности, вытекает вывод-прогноз, состоящий в том, что проблемы и противоречия Европейского союза будут иметь долговременный характер, а их решение потребует экстраординарных мер, к которым большинство стран ЕС пока что не готовы. Тем не менее, очевидно, что несмотря на описанные циклы интеграции – дезинтеграции (а точнее, благодаря им), процессы объединения Европы, если рассматривать их на протяжении последнего тысячелетия, в целом идут поступательно.

Таким образом, синтез, сочетание поступательного и циклически-волнового подходов к исследованию национально-государственного, регионального и мирового политического развития дает возможность не только глубже понять механизмы политических сдвигов, но и в определенной мере прогнозировать наиболее вероятные политические изменения. В настоящее время весь мир переживает кризисную, богатую потрясениями фазу политического и экономического развития, которая оказывает существенное воздействие на динамику различных политических систем. Фактически мир, как и в 1930-е гг., снова балансирует на грани масштабных политических и военных конфликтов, причем многие политики и государственные деятели не дают себе отчета в том, к каким разрушительным последствиям могут привести эти конфликты. В такие периоды особенно важно предвидеть и прогнозировать общий ход событий, чтобы минимизировать разрушения, обеспечить более эффективное и вместе с тем более стабильное развитие общества.

Итак, циклы и волны политического и экономического развития – это не какое-то исключительное явление, не отклонение от «нормы», не забавный казус, а один из важных механизмов реализации поступательного движения мировой системы, а также региональных и национально-государственных систем. В то же время на определенных временных отрезках политического и экономического развития наблюдается преимущественно поступательная и даже линейно-поступательная динамика, которая, тем не менее подготавливает очередные масштабные сдвиги, которые реализуются через циклы и волны. В этом прослеживается вполне реальная, а не выдуманная диалектика поступательного и циклически-волнового развития сложных социальных систем. Игнорирование этой диалектики, пренебрежение синтезом поступательного и циклически-волнового подходов к исследованию политической динамики ведет не только к непониманию действительной сложности развития общества, к вольному или невольному сглаживанию противоречий современного глобального капитализма, но и к серьезным просчетам в прогнозировании.

Альтернативные формы капитализма

Еще одним важным вопросом, непосредственно связанным с проблемами методологического синтеза, является вопрос об альтернативных формах капитализма (сразу же отметим, что термин «капитализм» в данной главе не

имеет никаких оценочных коннотаций и рассматривается исключительно как политическое и экономическое явление). Дело в том, что в классическом марксизме и в других теориях капитализма (например, в социологии Макса Вебера) эта проблема практически не изучалась, так как капитализм изначально рассматривался как западноевропейский феномен, но имеющий при этом глобальное, всемирно-историческое значение. Более того, в социологии М. Вебера фактически обосновывается вывод о том, что к капиталистическому развитию способны только Западная Европа и США благодаря «протестантской этике», но никак не Индия со своей религией индуизма и не Китай с присущей ему конфуцианской этикой и традициями функционирования китайской бюрократии⁹⁹. Иными словами, в XIX – XX вв. предполагалось, что капитализму нет другой альтернативы кроме социализма и коммунизма, а «внутри себя» капитализм относительно однороден, несмотря на все локальные, в том числе культурно-цивилизационные различия.

Однако действительность конца XX в. и начала XXI в. во многом опровергла эти представления об «однородности» капитализма. Оказалось, что капитализм внутренне глубоко дифференцирован, и по мере того, как капитализм становится по-настоящему глобальным, эта внутренняя дифференциация существенно нарастает. При этом речь не столько о крупных исторических трансформациях капитализма (см. замечательную работу В.Г. Федотовой с соавторами¹⁰⁰), сколько о наличии альтернативных форм внутри современного глобального капитализма. Важной особенностью развития «новых индустриальных стран» (например, Японии, Южной Кореи, Сингапура, Китая, Индии, Бразилии) стало успешное соединение институтов капитализма (например, рынка) с традиционными социальными и политическими институтами, специфика которых определяется прежде всего культурно-цивилизационными и историческими факторами. В результате оказывается возможным рассматривать и анализировать особенности и характерные черты японского, китайского, индийского, исламского, латиноамериканского капитализма, которые в некоторых отношениях делают их альтернативными по отношению к западноевропейскому и североамериканскому капитализму.

Значимость наличия альтернативных форм капитализма все больше усиливается по мере того, как центр мирового экономического и отчасти политического развития постепенно перемещается с Запада на Восток, а сами западные общества трансформируются под влиянием массовой инокультурной иммиграции. Однако определить характер и основные направления глобальной трансформации капитализма без методологического синтеза цивилизационного, мир-системного, социокультурного и других подходов, а также исследований глобализации и регионализации практически невозможно. Чисто экономический подход, к примеру, не улавливает многих важных изменений капитализма, в частности, появления и конкуренции его различных, альтернативных форм как внутри одного общества, так и в глобальных масштабах. С точки зрения чисто экономического подхода «все кошки

---

⁹⁹ Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 1990. С. 70-96, 307-344; Вебер М. *Избранное. Образ общества*. М.: Юрист. 1994. С. 145-146, 211-214.

¹⁰⁰ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. *Глобальный капитализм: три великие трансформации*. М.: Культурная революция. 2008.

оказываются серы», всюду предприниматели гонятся за прибылью, всюду действуют одни и те же транснациональные корпорации, а наемные работники борются за улучшение своего материального положения. Получается, что между США и Китаем, ФРГ и Россией, Бразилией и Индией особой разницы нет. Точно так же современная «финансомика», для которой характерно господство спекулятивного финансового капитала над реальным производством будто бы принципиально ничем не отличается от экономики, в которой доминирует торговый или промышленный капитал. Однако это только видимость, навязываемая абстрактными, не имеющими никакого отношения к реальности схемами в духе «экономикс».

Уловить существенные различия между различными формами, моделями капитализма может лишь синтетический подход, учитывающий не только экономические, но и исторические, социокультурные, политические особенности развития данной формы капиталистического общества. Так, отличия китайской модели капитализма от его западной модели подробно охарактеризованы в работе¹⁰¹. Среди этих отличий следует упомянуть особую роль и природу государства в Китае; специфические формы взаимодействия между государством и обществом, а также между государством и бизнесом; особый тип «авторитаризма развития», который допускает известный плюрализм в политике, но при этом достаточно жестко контролирует политическую сферу; однопартийную политическую систему; своеобразный идеологический сплав из марксизма, консерватизма и либерализма на основе конфуцианских традиций. Точно так же принципиальные отличия от западной (западноевропейской и североамериканской) модели капитализма присутствуют в индийской, исламской, латиноамериканской моделях.

Наиболее важный вопрос состоит в том, к чему в итоге приведет взаимодействие альтернативных форм капитализма – к их конвергенции или к столкновению? Представляется, что однозначно ответить на этот вопрос невозможно: скорее всего, будут наблюдаться и столкновение, и конвергенция. Если различия между германской и англо-саксонской моделями капитализма в итоге привели к Первой и Второй мировым войнам, то различия между западной и китайской формами капитализма (или же, например, между китайской и индийской его формами) могут привести к не менее сильным потрясениям, хотя и не в виде мировой войны. Вместе с тем конвергенция также отчетливо просматривается: так, американские корпорации в свое время немало позаимствовали у японских корпораций, а Китай немало позаимствовал и продолжает заимствовать из опыта США. Но конвергенция вовсе не исключает серьезных политических и экономических конфликтов между США и Китаем, между Китаем и Индией, между США и исламским миром, а также между различными исламскими странами. В итоге формируются различные, альтернативные пути развития глобального и регионального капитализма, которые необходимо принять во внимание как в теоретическом, так и в практически-политическом плане. В связи с этим российское общество и государство также должны учитывать наличие этих разных, альтернативных форм и путей развития капитализма, а не ориентироваться только на одну из этих форм

---

¹⁰¹ Tselichtchev I. *China versus the West. The Global Power Shift of the 21st Century*. Singapore: John Wiley & Sons. 2012.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

или только на один путь. Соответственно, и субъекты российского политического развития (включая государственных деятелей, политические партии, аналитические и экспертные центры, связанные с политикой структуры гражданского общества, политологическое сообщество) должны исходить из альтернативности мировой и российской динамики, из наличия разных путей решения острых и актуальных проблем, стоящих сегодня перед российским и другими обществами. В противном случае Россия испытает все негативные последствия кризиса или крушения данной (например, неолиберальной западной) модели капитализма, которая еще вчера казалась единственно возможной и абсолютно верной, а сегодня испытывает масштабные кризисные потрясения.

Раздел второй. ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Выявление новой парадигмы общественного развития и формулирование аналитических подходов, адекватно трактующих происходящие изменения, ставит вопрос о конкретных путях преодоления «методологического национализма». Представить развитие за пределами государства и его институтов и выявить перспективные тенденции социально-политических изменений за счет иных ракурсов видения социальных процессов позволяет пространственное измерение политического анализа. Концептуализация пространственного измерения политики оказывается одним из приоритетных путей выхода из методологических тупиков в осмыслении природы современных общественных трансформаций. Такой подход позволяет «раздвинуть» границы политического, увидеть политический процесс вне привычных координат территории.

Понятие «политического пространства» как разновидности пространства социального широко используется в научном дискурсе и публицистике. Однако более или менее сложившегося консенсуса вокруг его содержательных характеристик не сложилось, и использование пространственного подхода методологически опирается на инструментарий смежных наук – политической, социальной и культурной географии и культуральных исследований (*cultural studies*). Между тем в ходе происходящих радикальных социально-политических изменений формируются специфические политические пространства различной конфигурации, которые можно определить как области коммуникации, виртуальной и зачастую – конфликтной, субъектов политического процесса различной природы. Политические пространства можно рассматривать и как пространства воображения, отражающие смыслы, ценности, идеи и идентичности взаимодействующих в них политических акторов. В ходе таких взаимодействий могут формироваться новые и корректироваться сложившиеся нормы и институциональные практики. Контуров пространств политических взаимодействий многомерны и неоднородны по структуре, ситуативны и подвижны.

Рассматривая проблемы концептуализации политического пространства, сложности его научной идентификации в связи с различием теоретических подходов исследователей к его рассмотрению, *И.Л. Прохоренко* ставит вопрос о когнитивном потенциале этого концепта и возможностях его применения в политическом анализе. В этом контексте рассматриваются методологические проблемы выявления качественных характеристик политического пространства, его различных уровней и форм, их взаимовлиянии. Особое внимание уделяется транснациональному политическому пространству и международному региону как его разновидности.

Представления о времени и пространстве в современной политической науке страдают рядом методологических изъянов, в числе которых натурализм и редукционизм, не позволяющие адекватно интерпретировать современную политическую динамику. Отмечая переходный характер нынешнего научного дискурса, трактующего политические трансформации, *Х.Г. Тхагалосоев* отмечает смену «языка структурности» на «язык процессности». В условиях, когда

радикальный и стремительный характер изменений делает проблематичным выявление их сущностных характеристик, категории «социального времени» и «социального пространства» (и его разновидности – политического пространства) должны быть дополнены категорией идентичности, позволяющей отразить динамику социального бытия и перспективные направления его структурирования, способствовать преодолению разрывов между отражающимися в динамике идентичности социокультурными трансформациями и общественным запросом к политике и политическому управлению.

Системообразующим фактором, выстраивающим пространство политических взаимодействий, является сетевые коммуникации, в ходе которых утверждаются новые идентичности, формируется «сетевой ландшафт публичной политики». Это концепт, предложенный и обоснованный *И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозовой*, рассматривает сетевой ландшафт как гетерогенную и динамическую структуру, интегрирующую все многообразие сетей в публичной политике. Являясь проекцией политического пространства, сетевой ландшафт отражает институциональные (формальные и неформальные) и коммуникативные (публичные и латентные) характеристики сетевых конфигураций из разных сфер публичной политики. Опыт переживающих трансформации своей «национальной» природы современных государств показывает, что сетевые акторы в публичной политике актуализируют старые (традиционные кланово-родовые, местнические, патрон-клиентские) и новые (сети солидарностей, дискурсивные сети, сети протестных движений) сетевые социальные отношения. Наблюдаются различные формы их конвергенции, в результате которых в пространстве политических взаимодействий появляются гибридные акторы. В зависимости от доминирования тех или иных сетевых акторов или их конфигураций формируются модели сетевого ландшафта современных обществ, переосмысливается содержание политики и политического.

Глава 4. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

И.Л. Прохоренко

Качественной особенностью современных мира и общества является то, что изменения в них происходят стремительно и научное сообщество не успевает их осмыслить в устоявшихся привычных категориях. В поисках новой исследовательской парадигмы и в стремлении преодолеть исключительно макросубъектный подход политологи обратили пристальное внимание на неинституциональные факторы, определяющие специфику и динамику политических процессов (демографические, этно- и социокультурные изменения, перемены в ценностных предпочтениях), которые играют не меньшую роль, чем факторы институциональные, традиционно находящиеся в поле зрения политических исследований¹⁰².

---

¹⁰² См., напр.: Семененко И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6. С 9-26.

Одновременно политологи стали все больше интересоваться экономикой, социологией, демографией, этикой и другими областями социогуманитарного знания, стремясь расширить границы знания политического и придавая все более подвижный характер объекту политической науки. Возникли новые, смежные дисциплины, такие, как политическая экономика (*political economy*), экономическое управление (*economic governance*), социологический институционализм (*sociological institutionalism*) и другие, позволяющие описывать макроэкономические, социологические и иные общественные процессы и явления социальной жизни с учетом политических механизмов принятия решений и деятельности политических институтов.

Потребность внести изменения в понятийный аппарат политической науки поставила перед исследователями задачу, с одной стороны, пересмотреть с целью уточнения многие основополагающие понятия, категории и термины, с другой, – ввести в научный оборот и концептуализировать новые, которые позволили бы проводить системный анализ политических процессов и выявлять политико-институциональные основания происходящих социальных изменений. К таким новым понятиям относится понятие «пространства», достаточно активно используемое сегодня не только социологами, но и экономистами и географами. Так, экономисты считают его весьма полезным в теоретическом объяснении многообразных вариантов социально-экономического развития в различной географической среде и в конкретных исторических обстоятельствах, а также при анализе факторов эффективности экономики в разнообразных организационных моделях¹⁰³.

Сложности концептуализации политического пространства

Истоки концепции политического пространства лежат в социологической науке. Французский социолог П. Бурдьё предложил «социальное пространство» в качестве базового абстрактного понятия, что дало возможность выстраивать модели для описания и анализа отношений участников социального взаимодействия (агентов – в терминологии Бурдьё), это пространство структурирующих¹⁰⁴.

Ученый описал социальное пространство как многомерное (с многомерной системой координат), построенное по принципам дифференциации и распределения, в котором агенты и группы агентов определяются по их относительным позициям в этом пространстве. Он постулировал отличие виртуального (воображаемого) социального пространства от пространства физического. Первое можно определить по взаимоисключению (или

---

¹⁰³ См.: Charnock G. The Space of International Political Economy: On Scale and its Limits. // *Politics*. 2010. Vol. 30. N 2. P. 79-90; Garofoli G. 2002. Local development in Europe: theoretical models and international comparisons. // *European urban and regional studies*. Vol. 9. N 3. P. 225-239; *Globalization and urban development (Advances in spatial science)*/Ed. by Richardson Harry W., Bae Chang-Hee C. Berlin and New York: Springer.2005; Krugman P. Geography and trade. Cambridge (Mass.): MIT Press / Leuven UP. 1991; *The Global Economy as Political Space*. London: Lynne Rienner. 1994.

¹⁰⁴ См., напр.: Бурдьё П. *Социология политики*. М.: Socio-Logos. 1993; Он же. *Социальное пространство: поля и практики*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2005.

различению) позиций, которые его образуют, т.е. как структуру расположенности социальных позиций. Физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства.

Бурдые обосновал конструирование социального пространства на основе множества сравнительно автономных подпространств или полей, складывающихся в результате человеческой деятельности (поле экономики, науки, литературы, интеллектуальное поле и т.д.)¹⁰⁵. В рамках широкого социального пространства можно выявить и особое политическое поле («поле политики»), складывающееся в процессе политического взаимодействия акторов.

Возникая в поле политики как особой сфере коммуникации индивидов и коллективных участников политического процесса, политическое пространство не тождественно ему. Выделяет политическое пространство его относительная устойчивость во времени, основанная на довольно прочных взаимодействиях различных политических акторов. Этот признак отличает, помимо прочего, пространство политическое и от пространства социального, которое, будучи родовым понятием, более изменчиво и нестабильно.

Понятие политического пространства как разновидности (или подпространства) пространства социального оказалось в центре внимания исследователей сравнительно недавно. Чрезмерно широкие, иногда расплывчатые трактовки нового концепта затрудняют его интерпретацию и дефиницию, несут в себе угрозу превращения его в расхожую фигуру речи. В свою очередь, плюрализм интерпретаций политического пространства объясняется как различиями в методологических подходах исследователей (системный подход, неинституционализм, конструктивизм, коммуникативный подход и т.д.), так и многообразием объектов исследования, будь то политические и партийно-политические системы, политические режимы, микро- и макрорегионы, региональные интеграционные проекты, международная миграция, трансграничное сотрудничество, деятельность международных организаций или международные отношения.

Несмотря на то, что в рамках политического анализа все более существенное внимание уделяется пространственным отношениям (феноменам глобализации, регионализации, транснационализации, диаспоральным «мирам», многоуровневому управлению), концепту пространства вплоть до последнего времени не уделяли должного внимания в анализе политико-институциональных изменений, в результате чего оно оказалось неотрефлексированным. Это признавали сами ученые-политологи¹⁰⁶. Природа пространства в политической науке чаще осмысливалась в терминах материальных представлений и местоположения и ассоциировалось с территорией, т.е. пространством физическим. На сегодняшний день достигнуты несомненные успехи в концептуализации политического пространства: оно все менее жестко привязывается к территории, трактуется почти исключительно как «виртуальное», хотя иногда и продолжает оставаться синонимом «территории»

---

¹⁰⁵ Lewin K. *Field Theory in social science.* / ed. by D. Cartwright. New York: Harper. 1951; Martin J.L. What is field theory? // *American Journal of Sociology.* 2003. Vol. 109, No. 1. P. 1-49.

¹⁰⁶ Bates S.R. Smith N.J. Understanding change in political science: On the need to bring space into theoretical positions and empirical analysis. // *Political Studies Review.* 2008. Vol. 6. No. 2. P. 191-204.

и «места», то есть излишне локализуется, сохраняя дуализм материального и воображаемого. При этом главными остаются вопросы, почему и каким образом социальное пространство становится пространством политическим, кто делает его таковым, насколько оно постоянно во времени.

В рамках системного анализа в исследовании международных отношений пространством становится организованная территория (геотерия) (термин предложен Н.А.Косолаповым), приспособленная для жизни и деятельности человека¹⁰⁷. Таким образом, мы живем на территории и в пространстве. Пространство в этом случае можно рассматривать как «часть организационной «надстройки» над данной территорией, в которой данные пространственные формы и отношения не просто присутствуют время от времени, но утвердились на повседневной основе»¹⁰⁸. Оно объективно (в том числе посредством связи с территорией) и целенаправленно конструируется как субъективное.

Именно пространственные (организационные) структуры социума обеспечивают выполнение необходимых жизненных функций на конкретной территории: «В основе деятельности социума лежит необходимость воспроизводства его существования, жизни. Деятельность неизбежно привязана к определенному времени и пространству, а значит, и сама организация социума для такой деятельности, и формы, структуры этой организации также связаны с данной территорией и ее особенностями»¹⁰⁹. То есть «только в пространстве становится возможно формирование, долговременное поддержание, институциональное закрепление социальных отношений любого рода»¹¹⁰. Более того, территория социума способна вмещать множество пространств.

Приверженцы идеи социального конструктивизма используют понятие пространства, проявляя интерес к личности и проблеме идентичности и считая, что, «как социальная сущность, пространство образуется моделями обмена в социальной жизни, устройством гражданского общества и моделями социальной солидарности. Чувство идентичности – вот тот фактор, который основывается на этих процессах и, в свою очередь, упрочивает их территориальную привязку»¹¹¹. Отсюда становится понятной одна из важнейших функций политического пространства – создание (закрепление) и поддержание (сохранение) целостности субъекта политики при объективно обусловленном разнообразии. Это также позволяет сделать вывод об идентичности как факторе и параметре политического пространства и о существовании обратной связи между политической идентичностью и политическим пространством.

---

¹⁰⁷ Транснациональные политические пространства: явление и практика. / Отв. ред. М.В. Стрежнева. М.: Издательство «Весь мир». 2011. С. 15-33.

¹⁰⁸ Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 6. С. 8.

¹⁰⁹ Косолапов Н.А. *Политико-психологический анализ социально-территориальных систем: основы теории и методологии (на примере России)*. М.: Аспект Пресс. 1994. С. 29.

¹¹⁰ Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 6. С. 9.

¹¹¹ Китинг М. Новый регионализм в Европе. // *Логос*. 2003. № 6 (40). С. 73.

Коммуникативный подход, по-видимому, наиболее близкий идеям Бурдые о социальном пространстве, базируется на представлениях о первостепенной значимости социальных различиях в обществе, формирующих социальные дистанции, а не территории в локализации политических действий. Политическое пространство «фиксирует дистанции и различия в области формирования, функционирования и развития политических властных отношений, т.е. охватывает не все многообразие социальных различий, а лишь те из них, которые связаны с политикой как особой системой взаимосвязей и взаимодействий в обществе»¹¹².

Подобный теоретический подход позволяет считать политическое пространство не объективным и/или субъективным, а интерсубъективным, поскольку оно «существует в сознании людей, усвоивших в ходе социализации нормы и правила политического поведения, способы ментальной реконструкции властных отношений, понимание иерархичности общества и умение адекватно интерпретировать ожидания других людей, выражающие в том числе, требования соблюдения дистанций в общении. [...] Способом существования интерсубъективного по своей природе политического пространства является коммуникация»¹¹³. Различия в положениях индивида в системе политических отношений придает политическому пространству многомерность: политическая стратификация определяет его вертикальный срез, дифференциация политических позиций – горизонтальный¹¹⁴.

Говоря о пространстве применительно к общественным наукам, сторонники неоинституционального подхода (к ним относится и автор) имеют в виду пространственную конфигурацию социальной жизни, в первую очередь символическую и институциональную (во взаимосвязи со временем). Территориальные/ географические параметры пространства в некоторых случаях ими полностью не отрицаются, поскольку политическое пространство оказывается полезным концептом при изучении изменений в политической жизни в компаративных исследованиях политики государств, малых (внутригосударственных, в том числе и не имеющих политико-административных границ) регионов и макрорегионов наднационального и транснационального характера. Природные и политические границы при этом ни в коем случае не локализуют действия политических акторов и не выступают детерминантами политического пространства, а являются, скорее, рамками проведения прикладного анализа.

По мнению М.В. Стрежневой, понятие политического пространства подразумевает рефлексивное, синтетическое описание политической организации и помогает выявить важнейшие связи между людьми и политическими институтами, установить сферу деятельности политического субъекта: «...В каждом реально существующем политическом пространстве где-то непременно содержится власть, которую оно ограничивает, формирует и локализует. Там же должны проходить публичное рассмотрение вопросы особой общественной значимости. Наконец, политическое пространство – это

---

¹¹² Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы концептуализации. // *Полит. Политические исследования*. 2012. № 2. С. 167.

¹¹³ Там же. С. 169.

¹¹⁴ Там же.

пространство политических смыслов, значений и пониманий, которые обычно представляют, отражают, но также и выстраивают общие цели протекающей в его рамках человеческой деятельности»¹¹⁵.

Политическое пространство представляет собой пространственную конфигурацию политической жизни, форму, выражающую определенные устойчивые отношения между людьми и политическими институтами, между индивидуальными и коллективными субъектами и акторами политического процесса в процессе организации и осуществления власти и управления. Подобная институциональная опора политического пространства дополняется еще и символической – это может быть пространство политических символов, идеологий, политических и/или ценностных предпочтений. Топология политического пространства не имеет географическую основу, хотя способ представления политики через привязку ее элементов к территории может являться одним из значимых его параметров. В каждом конкретном случае политическое пространство может быть и одномерным, и многомерным с любым числом измерений, поскольку используется для описания взаимосвязей различной природы при исследовании явлений политической жизни и политического процесса.

Использование понятия пространства позволяет выстроить модель социальных изменений с учетом как институциональных, так и субъективных неинституциональных факторов, в том числе знаково-символического наполнения политики, формальных и неформальных практик поведения и взаимодействия. Это важно для выявления закономерностей динамики политических процессов. Если подходить к феномену политико-институциональных изменений как динамическому, подвижному и многомерному явлению, то его можно и нужно осмысливать в категориях политического пространства, многомерного и многоуровневого по своей сути. Применение концепта пространства предоставляет уникальные возможности чрезвычайно широкого и многостороннего изучения явлений политической жизни.

Именно политическая идентификация сообществ разного характера (политическая, национальная) и уровня (региональная, локальная)¹¹⁶ содействует выстраиванию различных уровней политического пространства – локального, регионального, национального, наднационального, трансграничного, транснационального. Политическая идентичность, множественная по своей природе, выступает одним из значимых параметров образования политического пространства. С другой стороны, нельзя не признать и наличие обратной связи – политическое пространство, в свою очередь, оказывается одним из факторов, которые видоизменяют существующие идентичности и способствуют формированию новых. Ключевым для исследователей поля остается вопрос о том, что первично – идентичность, которая является предпосылкой и основанием возникновения политического пространства, или политическое

---

¹¹⁵ Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе. (Многоуровневое управление). // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 12. С. 38.

¹¹⁶ См.: *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2-х тт. (отв. ред. И.С. Семененко). Т. 1. *Словарь терминов и понятий*. М.: РОССПЭН. 2011. Т. 2. *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. М.: РОССПЭН. 2012.

пространство, формирование и институализация которого создает условия для зарождения новой коллективной идентичности.

Вероятно, речь может идти и о политическом пространстве индивида (индивидуальном политическом пространстве), которое формируют самоощущение и самоопределение человека в одном конкретном или нескольких политических пространствах. Несмотря на стремление к максимальной объективности, сам исследователь политических процессов как индивид обладает субъективным представлением о собственном положении в том или ином политическом пространстве, исходит из выстраиваемых им самим мыслительным конструкциям, определяет и дифференцирует такие пространства, по-своему оценивает роль в них различных политических акторов. При этом неоднозначным представляется ответ на вопрос о том, является ли изучение природы политического пространства субъективным анализом объективно существующих взаимодействий между участниками политического процесса или оно все же интересобъектно по своей сути.

В итоге политическое пространство предстает как синтетический концепт. С одной стороны, он сочетает в себе микро- и макроуровни анализа, исходя из представлений об индивидуальной и коллективной идентичности, которые выступают как его системообразующие параметры. С другой стороны, в процессе распознавания политического пространства и выявления его признаков и отличий исследователь проводит синтез как территориального уровня политического пространства, так и других уровней, никоим образом не привязанных к территории.

Конфигурация транснационального политического пространства: мирполитический аспект

При анализе территории использование категории политического пространства выходит далеко за рамки территориального аспекта, дает осуществимость когнитивного приращения.

Существование одного политического пространства не отрицает наличия в рамках тех же образований (территориальных и не только) другого или других: они могут пересекаться или вбираться одно в другое. В свою очередь, конструирование политического пространства оказывает влияние на повестку дня и формирование политической идентичности участников взаимодействия в рамках такого пространства.

Начатое социологами изучение феномена транснациональных пространств было продолжено экономистами и теоретиками международных отношений¹¹⁷. В условиях глобализации политическая наука проявляет интерес к явлению транснационализации, когда поверх национальных границ создаются

¹¹⁷ См., напр.: Cox R.W. Social forces, states and world orders: beyond international relations theory. // *Approaches to world order*. / Eds.: R.W. Cox and T.J. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. P. 85-123; Idem. "Globalisation", the "regulation approach", and the politics of scale. // *Geographies of power: placing scale*. / A. Herod and M.W. Wright (eds.). Oxford: Blackwell, 2002. P. 85-114; Rosenau J. *Along the domestic-foreign frontier: exploring governance in a turbulent world*. Cambridge: Cambridge University Press. 1997; Idem. Emergent spaces, new places, and old faces: proliferating identities in a globalizing world. // *Worlds on the move: globalization, migration, and cultural security* / ed. by J. Friedman and Sh. Randeria. London: I.B. Tauris. 2004.

центры и уровни принятия и исполнения решений по вопросам миграции, трансграничной торговли, финансового регулирования, транспортной, экологической, энергетической политики. Негосударственные акторы становятся все более заметными, получая возможность представительства своих интересов за пределами государства; особую роль приобретают международные организации и институты. Транснациональное политическое пространство можно изучать как сложившуюся форму или модель устойчивых транснациональных связей, в рамках которой негосударственные акторы взаимодействуют поверх национальных границ; в результате получают распространение общие ценности, складываются политические институты и механизмы и упорядочивается совокупность принципов, норм и правил, направляющих поведение участников политического процесса.

Критерий пространственной насыщенности отношений внутри территории и в ее внешних связях, а также институционализация этих отношений подводят к определению транснационального политического пространства как сложившейся формы (модели) устойчивых транснациональных связей, в рамках которой негосударственные акторы взаимодействуют поверх национальных границ; на основе общих интересов и ценностей упорядочивается совокупность принципов, норм и правил, направляющих поведение участников политического процесса. Последнее открывает перспективы создания общих политических институтов и формирования системы многоуровневого управления, предполагающей в том или ином виде наднациональное регулирование. Структурирование транснационального политического пространства по горизонтали подразумевает не только территориальное расширение пространства, но и регулярный повседневный характер горизонтальных транснациональных связей, а также управление по типу горизонтальных неиерархичных политических сетей¹¹⁸. Не исключается возможность выстраивания и диагональных связей между субъектами и акторами такого пространства. Качественными характеристиками транснационального политического пространства являются плотность и степень однородности взаимосвязей между его субъектами.

Одной из форм транснационального политического пространства является международный регион. Н.А. Косолапов определяет его как «комплекс устойчивых транснациональных хозяйственных и/или иных связей, в котором регулярность и плотность этих связей достигла величины, когда существование комплекса уже требует регулирования этих отношений как самих по себе, так и его связей с непосредственно затрагиваемыми государствами, а также его взаимосвязей с международными и/или глобальными институтами»¹¹⁹.

Подобное понимание международного региона кардинальным образом отличается от того, который используют специалисты по экономической

---

¹¹⁸ См., напр.: Marsh D., Smith M. Understanding Policy Networks: towards a Dialectical Approach. // *Political Studies*. 2000. Vol. 48. No1. Pp. 4-21; Idem. There is more than one way to do political science: on different ways to study policy networks. // *Political Studies*. 2001. Vol. 49. No. 3. Pp. 528-541.

¹¹⁹ *Транснациональные политические пространства: явление и практика (отв. ред. М.В. Стрежнева)*. М.: Весь мир. 2011. С. 44. См. также: *Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития* / под ред. М.В. Стрежневой. М.: ИМЭМО РАН. 2010. С. 23-36.

географии или исследователи международных отношений, рассматривающие макрорегины с точки зрения международной безопасности¹²⁰. В данном случае главное внимание обращено к институционализации устойчивых транснациональных связей различного характера и ее символической опоре в виде политических, идеологических и ценностных предпочтений. С этой точки зрения исследователей транснационального политического пространства интересует феномен региональной интеграции. Именно анализ явления и практики региональной интеграции позволяет выявить специфику регулирования сложившихся транснациональных связей, в том числе и на наднациональном уровне.

Примером такого международного региона является Европейский союз, другие региональные интеграционные проекты (в Северной, Центральной и Южной Америке, в Юго-Восточной Азии). Впрочем, некоторые исследователи политического пространства выражают опасение в связи с подобным пониманием международного региона. По их мнению, некоторые из предложенных предпосылок конструирования транснационального политического пространства (например, интенсивность трансграничных связей) выглядят трудноизмеримыми и расплывчатыми, что создает почву для весьма субъективных и противоречащих друг другу интерпретаций и даже манипулирования критериями эффективности транснационального политического пространства в политических целях¹²¹. Преодолеть эти сомнения, безусловно, поможет фокусирование внимания не на диверсификации этих связей, а на институциональном оформлении потребности их регулировать на транс- или наднациональном уровне.

Формами транснационального политического пространства выступают, к примеру, европейское, трансатлантическое и постсоветское пространства, а также ибероамериканское сообщество наций, глобальное сообщество франкоговорящих государств и народов, сообщество португалоязычных стран, в которых особую роль играют транснациональные диаспоры – диаспоральные «миры», опирающиеся на общую культурную память их «граждан». Роль скрепы таких «миров» играет воспроизводство элементов имперской и постимперской идентичности.

Главным является взаимодействие различных политических акторов поверх национальных границ, которое приобретает устойчивый регулярный повседневный характер. Общий язык может являться фактором, который содействует складыванию прочных транснациональных пространственных связей, хотя более важным представляется вопрос о необходимости выбора языка межнационального общения (при этом вряд ли можно говорить об объективном характере подобного политизированного выбора). На сложное переплетение политических пространств различного уровня указывают динамические изменения в сфере языковой коммуникации в современном мире. Так, в Испании присутствует намерение региональных властей придать местным языкам статус всеобъемлющих в конкретных автономных

---

¹²⁰ См.: Buzan B., Waever O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.

¹²¹ Голунов С. Транснациональные политические пространства: факторы и уроки развития. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 5. С. 113-121.

сообществах, а также официальных языков ЕС¹²². В свою очередь, основанием для идей ибероамериканского единства стали представления о лингвистической, культурно-исторической и конфессиональной общности народов бывшей испанской империи (достаточно вспомнить мессианскую доктрину «испанидад», или «испанской идеи»).

Региональная интеграция как процесс формирования транснациональных политических пространств

Естественным образом возникает вопрос о том, как сложилось, организовано и функционирует управление на других пространственных уровнях, помимо государственного/национального. Ведь пространственная реструктуризация на глобальном или макрорегиональном уровне является контекстом политических процессов на уровне субнациональном – региональном или локальном.

В образовании транснациональных политических пространств наблюдается тесное переплетение внутренних и внешних факторов. Например, многообразие интеграционных группировок в Латинской Америке свидетельствует о том, что поиск моделей интеграционного строительства, а значит, и формирования транснациональных пространств, далек от завершения¹²³. Несмотря на признание некоторыми исследователями субрегиональных экономических пространств в Латинской Америке устоявшимися, существующие в регионе транснациональные политические пространства переменчивы и крайне неустойчивы. Территориальные споры и другие конфликты в отношениях государств региона, инертность одних, соперничество других, излишняя подозрительность третьих к тем, кто стремится играть роль «локомотива» или «ядра» интеграционных процессов, обилие экономических и социальных проблем, неустойчивая внутривнутриполитическая обстановка – все это ослабляет формирование устойчивых транснациональных взаимодействий.

Этому в известной степени способствует и деятельность внешних акторов по включению Латинской Америки (полностью или частично) в формирующиеся транснациональные политические пространства (панамериканское, ибероамериканское и так далее). Однако их деятельность, усложняя международную среду Латинской Америки и Карибского бассейна, одновременно предоставляет новые возможности расположенным здесь государствам для более активных действий в региональном и мировом масштабах.

Стратегия интеграции в Латинской Америке является слишком политизированной, даже идеологизированной, и чрезмерно амбициозной, оставаясь при этом во многом имитационной, копируя опыт европейской интеграции. Рассуждая в категориях политического пространства, следует признать, что, несмотря на идущие процессы регионализации, Латинская

---

¹²² См. подробнее: Прохоренко И.Л. Регионы Испании: четверть века в европейском пространстве. // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях*. Материалы 4-го Конвента РАМИ. Том 7. Испания и Латинская Америка в мировой политике. М.: МГИМО-Университет. 2007. С. 35-40.

¹²³ Прохоренко И.Л. Латинская Америка: опыт структурирования транснациональных политических пространств. // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2012. № 1. С. 121-151.

Америка не представляет собой международного региона, подобно Европейскому союзу. По всей вероятности, в перспективе может сложиться транснациональное политическое пространство на южноамериканском континенте. На возможность формирования в будущем единого транснационального региона Латинской Америки и Карибского бассейна будут влиять, прежде всего, интеграционные процессы в Северной Америке. Скорее всего, малые государства Карибского бассейна с преобладанием английского языка в качестве официального, а также Мексика останутся за его пределами.

Европейская интеграция создала совершенно новый – наднациональный – уровень управления. Тем самым она не только придала институциональную динамику политической деятельности на различных территориальных уровнях внутри государства, но и обеспечила новым политическим акторам – регионам и местным сообществам, крупным городам – структурную возможность в поисках политической силы и представительства интересов за пределами государства.

Авторы концепции многоуровневого управления в Европейском союзе утверждают, что подобная модель политического управления не противостоит и не угрожает суверенитету государств-членов напрямую: вместо того, чтобы оказаться в жесткой ситуации недвусмысленного вызова, они достаточно мягко вовлекаются в процесс многоуровневого управления как своими политическими лидерами, так и действиями многочисленных субнациональных и наднациональных акторов¹²⁴. Нынешний финансово-экономический кризис, впрочем, актуализировал противоположную точку зрения о необходимости более жесткой координации и регулирования национальной экономической политики и укрепления властной вертикали в государствах-членах для более эффективного исполнения решений как европейского, так и национального уровней управления в поисках макроэкономической и финансовой стабильности. Это меняет прежние формальные и неформальные практики взаимодействия властей в системе многоуровневого управления ЕС, которые формируют транснациональное, по мнению одних, или наднациональное, по мнению других, европейское политическое пространство.

Использование категории политического пространства позволило исследователям европейской интеграции выйти из очевидного теоретического затруднения, рассматривая уникальный в своем роде и фактически необъяснимый с точки зрения традиционных представлений политический процесс в Европейском союзе. Возможности именно пространственного анализа при выделении и описании особого политического поля ЕС как среды политических властных отношений, коммуникаций, действий и взаимодействия позволяет изучить пространственно-организационные связи в европейском интеграционном проекте и их конфигурацию, выявить их субъектов, акторов и агентов различной природы, проследить, понять и спрогнозировать политические изменения в развитии Союза.

Несмотря на то, что многие ученые оценивают политическое пространство Евросоюза как несоразмерно узкое и недостаточно развитое, по сравнению с экономическим, это не совсем так. Оно ставится все более насыщенным и постоянно увеличивается с расширением пространства политики, сферы

---

¹²⁴ См.: Marks G., Hooghe L., Blank K. European integration from 1980s: state-centric v. multi-level governance. // *Journal of common market studies*. 1996. Vol. 34. No 3. P. 371.

политического в рамках ЕС. Эта сфера не ограничивается политикой Европейского союза на таких традиционно «политических» направлениях, как иностранная политика, политика безопасности (внутренней и внешней). Она включает в себя и политику территориального сплочения, пространственное планирование, затрагивает так или иначе другие области деятельности Союза – в сфере образования, международной миграции и т.д. В сущности, сфера политического распространяется на весь процесс функционирования ЕС в самом широком смысле и, прежде всего, процесс разработки, принятия и введения в действия европейских (наднациональных) решений. При этом европейское политическое пространство не ограничивается пределами политической организации и политико-институциональных аспектов системы управления в Евросоюзе.

Европейское пространство неоднородно. Отдельные его точки неравноправны, относительно некоторых из них присутствует особая относительная симметрия (в особенности это касается взаимодействия европейских институтов и национальных правительств). В этом пространстве обнаруживаются сегменты различной плотности и однородности, центр-периферийные отношения, которые наиболее ярко проявляют себя по линии Север – Юг, «новая» и «старая» Европа. Наблюдается феномен дифференциации пространства, что нашло свое выражение в идеях «Европы двух скоростей», «Европы концентрических кругов», «ядра и периферии» и получило формальное оформление в процедуре так называемого продвинутого сотрудничества. Неоднородность европейскому пространству придает и тот факт, что многоуровневое управление в ЕС носит децентрализованный характер, присутствуют различные сетевые структуры управления.

Европейское политическое пространство можно считать неизотропным. В нем направления пространственных связей неравноправны, некоторые занимают относительно привилегированное положение, одни имеют центростремительный, другие – центробежный характер.

Ответ на вопрос о субъектах европейского политического пространства не столь однозначен. В результате длительного исторического опыта коммуникаций самого различного свойства, в основу которых легли территориальное соседство, миграции, торговые связи, конфессиональная общность, культурный обмен и политические альянсы, к представителям европейских элит пришло осознание поистине огромного потенциала общих смыслов, символов, пониманий, ценностных представлений и убеждений, во многом общего стиля политического поведения. Безусловно, импульсами интеграции выступали также мотивы экономического и даже политико-психологического свойства (например, страх перед новой войной в Европе). Но именно осознание этого накопленного веками потенциала общности и ощущение себя неким (воображаемым) политическим сообществом позволили европейским элитам разработать и начать реализацию проекта европейской интеграции – элитистского по своей сути.

Национальные политические элиты Европы, ощущая себя новым политическим сообществом и обосновывая идеи территориального и цивилизационного единства Европы, которое складывалось веками в ходе коммуникаций самого различного свойства, приняли решение сознательно и добровольно учредить и развивать под своим контролем региональный интеграционный проект. Качественно индивидуальных субъектов обладали и те

выдающиеся представители сообщества европейских элит, которые сумели придать импульс и новое направление процессу европейской интеграции и по-настоящему изменили ход европейской и мировой истории. Но является ли европейское пространство исключительно моносубъектным? Для некоторых исследователей роль европейского транснационального бизнеса оказывается не менее важной¹²⁵. Не следует недооценивать также значение субнациональных элит в формировании и трансформации европейского пространства¹²⁶.

Особый интерес к субгосударственным (субнациональным) территориальным образованиям (сообществам) – регионам, провинциям и городам возникает в политической науке после Второй мировой войны. До этого времени изначально присутствующее во всех европейских языках понятие «регион» как территория в пределах одного государства входит в политический лексикон лишь в конце XIX столетия в связи с появлением неологизма «регионализм» как культурного и общественно-политического движения за автономию от центра. Исторически региону предшествовало понятие «провинция» (административно-территориальной единицы в большинстве европейских стран).

Экономический рост послевоенной Западной Европы, усиливший неравенство в уровне жизни «передовых» и «депрессивных» регионов, тенденция к культурной однородности с изобретением и распространением средств массовой коммуникации (телевидения, прежде всего), развитие интеграционных процессов обусловили подъем регионального самосознания. В условиях «холодной войны» и блокового противостояния в контексте защиты интересов не конкретного национального государства, а западного «свободного мира» идеи регионализма в большинстве случаев перестают оценивать исключительно негативно – как попятное движение против государственного единства¹²⁷. Интеграция и регионализм явились родственными друг другу вызовами национальному государству¹²⁸].

Строительство единой Европы, процессы глобализации в современном мире полностью изменили представление о пространстве и территории. Оказалось, что на одной территории могут функционировать различные уровни управления. Исследователи европейской интеграции насчитывают несколько таковых в рамках ЕС, вокруг которых формируются политические пространства различных уровней¹²⁹.

Конечно, и в прежние периоды истории европейским (и не только) государствам (даже абсолютным монархиям) не удавалось добиться полной монополии на легитимное насилие, стать единственным центром принятия

---

¹²⁵ *The History of the European Union: Origins of a trans- and supranational polity 1950–72.* / Kaiser W., Leucht B., Rasmussen M. (eds.). Abingdon: Routledge. 2009.

¹²⁶ См.: Прохоренко И.Л. Субнациональные элиты как субъекты трансформации политического пространства Европейского союза. // *Политическая наука*. 2014. № 2. С. 108-126.

¹²⁷ См.: Anderson P. The invention of the region 1945-1990. *EUI Working Paper EUIF № 94/2. Florence*, 1994. С. 5-13.

¹²⁸ См.: Keating M. Europeanism and regionalism. // *The European Union and the Regions.* / ed. by B.Jones and M.Keating. Oxford. Oxford University Press.1995. P. 1-22.

¹²⁹ Hooghe L., Marks G. Does efficiency shape the territorial structure of government? // *Annual Review of Political Science*. 2009. No. 12. P. 228.

решений, полностью устранить влияние церкви, феодальной аристократии, городов, таких представительных институтов, как, скажем, кортесы в средневековой Испании, других корпоративных совещательных органов. Однако в сегодняшнем мире, в политическом пространстве единой Европы произошли е кардинальные перемены, и главная из них – подход к выбору или изменению модели многоуровневого управления в рамках государства или макрорегиона, прежде всего, с точки зрения эффективности процесса управления в различном плане – экономическом, политическом, социальном¹³⁰.

Регион как пространственная категория

Перемены в мировой политике и экономике предопределили и новый взгляд на понятие «регион». Представление о регионе как некоем однородном пространстве, достаточно стабильном во времени, которое невозможно рассматривать в отрыве от коллективной территориальной идентичности, также имеющей пространственную конфигурацию и сравнительно инертной во времени, дает энциклопедия «Британника». Регион предстает как образующее единое целое пространство, однородное по определенным выбранным критериям и отличающееся от соседних пространств или регионов по этим критериям, а также как мыслительную конструкцию, созданную путем отбора характерных черт, значимых для конкретной проблемы и игнорирования других особенностей, которыми будут считаться не относящимися к делу¹³¹. Как уже отмечалось выше, подобное осмысление региона в категориях политического пространства заставляет по-иному взглянуть на коллективную территориальную идентичность, наполнив ее новым «пространственным» содержанием, не связанным исключительно с территориальным фактором.

Для конструктивистов понятие региона представляет собой соединение различных концепций пространства. Рассуждая о регионе в условиях европейской интеграции и считая регион продуктом изменений в структурах общественной жизни, в природе государства, перемен в рыночной конъюнктуре и международном контексте, М. Китинг, например, подразумевает под этим понятием территориальное, функциональное и политическое пространство и предлагает модель анализа степень влияния регионов Евросоюза по следующим параметрам: региональные институты; правовая способность принятия политических решений; полномочия региональных властей; интеграционная способность региона; его финансовые ресурсы; взаимоотношения с центральными властями, институтами и органами ЕС; взаимоотношения с рыночными структурами, степень вовлеченности региона в национальную, европейскую и мировую экономику¹³².

Пространственный подход можно распространить и на другие субнациональные территориальные сообщества, в первую очередь, на крупные

---

¹³⁰ См.: Прохоренко И.Л. Регионы Испании в политическом пространстве Европейского союза. // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 1. С. 32-48.

¹³¹ См.: *Region. Encyclopedia Britannica*. Доступ: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/496048/region>.

¹³² Keating M. Is there a regional level of government in Europe? // *Regions in Europe* / ed. by P. Le Galés and C. Lequesne. London, New York: Routledge. 1998. Pp. 12, 18-24, 26-28.

города – мегаполисы. Подобно городам-полисам в античном мире и итальянским городам в средние века мегаполисы предстают в современном мире в роли акторов не только национальной, но и макрорегиональной, и мировой политики¹³³. В этом своем качестве такие города способны выступить в роли своеобразных «территорий-ворот» в глобальный полицентричный мир (как национального, так и мегарегионального масштаба), межсетевых узлов, где происходит сосредоточение/пересечение производственных, финансовых, научно-исследовательских, образовательных и так далее структур¹³⁴.

Несмотря на появление широкого круга транснациональных негосударственных акторов, государство не теряет своей главенствующей роли в структурировании национального и транснационального политических пространств: именно межгосударственные и межправительственные соглашения и иные правовые акты закрепляют, оформляют юридически наличие сложившегося пространства. Их оформление закладывает основы для создания международных режимов регулирования для решения глобальных проблем (иммиграции, экологии, ядерной безопасности и др.) и урегулирования территориальных споров. В свою очередь, формирующиеся транснациональные политические пространства создают для игроков субнационального уровня возможность одновременно действовать и на национальном, и на наднациональном уровнях, конструируя политические сообщества.

Исследовательский интерес вызывает проблема взаимодействия политических пространств различного уровня¹³⁵. Что касается примера Европейского союза, речь, прежде всего, идет о европеизации – многомерном феномене, выходящем далеко за рамки процесса создания, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур и норм, которые согласуются и утверждаются в ходе политического процесса на наднациональном уровне в Евросоюзе, а потом закрепляются в национальном законодательстве государств-членов¹³⁶. Европеизация по сути дела представляет собой взаимовлияние, а возможно, и конфликт национального и транснационального политического пространств, а еще точнее – множества политических пространств, исходя из той точки политического пространства, где находится человек. Более того, европеизацию следует рассматривать и как процесс формирования европейской идентичности.

Будучи частью глобального мира, транснациональные политические пространства в то же время отличаются известной самодостаточностью, независимостью в своем функционировании, в некоторых случаях –

---

¹³³ См.: Brenner N. Urban governance and the production of new state spaces in western Europe, 1960-2000. // *Review of International Political Economy*. 2004. Vol. 11. No. 3. P. 447-488; Idem. *New State Spaces: Urban Governance and the Rescaling of Statehood*. London and New York: Oxford University Press. 2004.

¹³⁴ Лебедева М.М. *Мировая политика*. 2-е изд. испр. и доп. М.: Аспект Пресс. 2007. С. 103-104.

¹³⁵ См.: Kriesi H., Grande E., Lachat R., Dolezal M., Bornschieer S., Frey T. Globalization and the transformation of the national political space: Six European countries compared. // *European Journal of Political Research*. 2006. Vol. 45. No. 6. P. 921-956.

¹³⁶ Radaelli C.M. The Europeanization of Public Policy. // *The Politics of Europeanization* / K. Featherstone and C.M. Radaelli (eds.) Oxford: Oxford University Press. 2003.

стремлением к расширению и так называемой экстернализации, а иногда и тенденцией к определенной закрытости (в большей степени этот относится к международному региону). Такие пространства обозначают не только явление, но и процесс, в том числе регионализации и транснациональной социализации – формирования нового типа сообщества, а значит, и новой макрорегиональной идентичности (европейской, ибероамериканской, панамериканской, панарабской и т.д.).

Глава 5. К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА «ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА» И «ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ»

Х.Г. Тхагапсоев

Методологические дискурсы в предметных науках не пользуются особой популярностью, в том числе и по той причине, что они лишены захватывающей увлекательности и яркой, «осязаемой» проблемности. Однако любые недоработки в методологии, так или иначе, влекут когнитивно-эпистемологические издержки, порой серьезные. Это просматривается и на примерах из области политических наук, в частности, в практике интерпретации таких ключевых аналитических категорий, как «политическое пространство» и «политическое время». При этом наиболее характерны такие методологические огрехи, как натурализм и редукционизм, в логике которых политическое пространство и время предстают и интерпретируются как некие самостоятельные онтологические сущности¹³⁷. Даже в широко известном российском академическом издании политическое пространство определяется как «реальная протяженность территории, на которую распространяется исторически обусловленная политическая система, ее влияние». Утверждается также, что политическое пространство выполняет якобы три функции, формируя предпосылки политической жизни, цели политической деятельности государств (геополитика), экологическую среду существования и развития разнообразных форм политической жизни¹³⁸.

Очевидно, что приведенное определение сводит политическое пространство к природно-физическому, к протяженности территории дислокации политической системы и к физико-географическому контуру некоей геополитической единицы. Подобное, явно натуралистическое понимание политического пространства, без

---

¹³⁷ Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство. // *Социально-политический журнал*. 1993. № 6. С. 29. Лукина Ю.А. Сущность политического времени. // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки*. 2007. № 24 (96). С. 78-86.

¹³⁸ Семигин Г.Ю. Пространство политическое. // *Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль. 2001. Т 3. С. 374.

учета роли и значимости идеального, проявляется и в известных попытках «трехмерного» представления политического пространства, в расхожей интерпретации мирового политического пространства в геометрической модели «центр-периферия». Имеет место и явное преувеличение роли географического измерения в структуре политического пространства, вплоть до попыток превратить структуру географического пространства, а также стереотипические образы географии в принцип и фактор моделирования политического пространства. И это при том, что едва ли ни главным последствием современной глобализации мира является крушение/демонтаж пространственных обособлений и границ – территориальных, экономических, культурных, коммуникативных, с вытекающими отсюда последствиями, в числе которых активная трансфузия политических идей, форм политического отношения, поведения и действия.

Разумеется, такой сложный феномен, как политика, может иметь различные варианты определения. Однако очевидно, что *политика является собой, прежде всего, одну из форм социального бытия и вид социальной практики – совокупность отношений и действий людей по воспроизводству и трансформации социального бытия, а значит, здесь далеко не последнюю роль играют потенции человека – культурные, интеллектуальные, моральные (как и во всех процессах социального бытия)*. В этом контексте и «политическое пространство» является (и может быть) лишь одной из форм, а также неким аспектом социального пространства. Это относится и к категории «политическое время» – оно не может быть ничем иным, кроме как аспектом и частью социального времени. Но здесь-то и начинаются нюансы, которыми, увы, частенько пренебрегают в дискурсах политической науки, с вытекающими отсюда последствиями. О чем идет речь?

Дело в том, что если в процессах анализа мы имеем дело с соотнесенными понятиями, различающимися по уровню общности, методология научного познания обязывает (и требует) следовать определенным правилам отражения их сопряженности, будь то в типологиях, классификациях или же через специально вводимые, т.е. эксплицирующие определения. Например, категория «социальное пространство» (в паре с категорией «социальное время») относится к числу предельно общих, охватывая все грани социального бытия. Соответственно, когда речь идет о соотнесении политического с пространством «социального целого» (социального бытия), необходимо использовать «соотносящие предикаты» ограничения, разграничения, локализации и демаркации типа: «сфера», «отрасль», «предметно-сферное пространство социального бытия». Таковыми могут быть, например, «сфера экономики», «пространство культуры», «сфера образования», «пространство политических связей – отношений» и т.д. В этом контексте правомерно говорить о «пространстве политического», но не о политическом пространстве, как и о «пространстве культуры», но не о культурном пространстве; о «пространстве психического, психологического, ментального», но не о психическом пространстве.

Однако в политических исследованиях, как уже подчеркивалось, без обиняков используются категориальные обороты «политическое время» и «политическое пространство». Это создает иллюзию, будто бы мы имеем дело с самостоятельными, обособляемыми и вычленяемыми онтологическими сущностями, а не с некими не поддающимися вычленению аспектами социального пространства – времени (СПВ).

Разумеется, политическое пространство и время обладают некоей относительной самостоятельностью (на чем, впрочем, негласно базируется вся методология политических наук). Однако «пространство политического», будучи одним из аспектов социального пространства, неизбежно детерминировано особенностями последнего, в частности, трендами и динамикой развития и трансформации социального бытия. Соответственно, и методология политических наук не может быть свободна от когнитивно-эпистемологических принципов и подходов анализа и осмысления социального бытия (пространства- времени) в современной философии.

Важно подчеркнуть еще одно обстоятельство. *Ситуация в мире ныне такова, что логика и инструментарий политической регуляции явно не поспевают за динамикой социального и культурного бытия. Иначе говоря, политика отстает от процессов развития цивилизации и социальных отношений, что придает особую актуальность методологической проблематике политической науки.* И здесь в пору перейти от предварительных замечаний к анализу затрагиваемой проблемы.

Интерпретация социального пространства – времени: от классической к неклассической науке

Закономерности познания таковы, что его интенции и актуальная проблематика определяются социально-культурным контекстом, в предельно широком понимании – доминирующими трендами цивилизационного развития, складывающимися формами социальности, деятельности и коммуникации, которые в своем единстве и целостности выражаются в категориях «социальное время» и «социальное пространство». В то же время, смысловое содержание этих категорий и их операциональность детерминированы достигнутым уровнем познания и наличным набором объяснительных механизмов науки. Фактически получается «замкнутый методологический круг», который размыкается периодически, по мере развития познавательной практики, означая каждый раз некий новый шаг (этап) в социальном познании и в смысловом наполнении категорий социальное пространство и социальное время. Так, в рамках античной цивилизации и ее созерцательной философии время и пространство понимались натуралистично: пространство суть протяженность, время – длительность, что лишало эти категории операциональности и объяснительного потенциала. Мистицизм, ставший доминантой познания в Средние века, трактовал время и пространство иначе – как творение Бога (часть его творений). В этом контексте время и пространство обретают двоякий смысл и двойное измерение: земное (бренное, недолгое) и небесное (вечное и совершенное). В общем контексте парадигмальных принципов науки Галилея – Ньютона (классической науки) время и пространство становятся операциональными элементами научно-философской онтологии и процессов познания. В XX веке в объяснении сути и смысла пространства и времени доминирующие позиции отводятся принципам и идеям синергетики и глобального эволюционизма¹³⁹.

Что касается проблемы СПВ, она заявляет о себе относительно поздно, в эпоху Просвещения – в контексте идей Вико, поскольку прежде в познавательной практике не было различения механизмов причинности в мире природных

---

¹³⁹ Пригожин И., Стенгерс И. *Время. Хаос. Квант.* М.: Прогресс. 1994.

процессов и социума. Именно Вико первым стал настаивать на том, что формы и механизмы детерминации социальных процессов отличаются от таковых в природном мире¹⁴⁰. В последующем Г. Зиммель непосредственно ставит вопрос социального пространства – времени¹⁴¹, что получает разновариантное развитие в учениях Риккерта¹⁴² и Парсонса¹⁴³. При этом если у Зиммеля СПВ предстают как «чистые формы» (в духе кантовских априорий), на основе которых возможно (и достигается) осмысление и описание реальной действительности, то у Риккерта речь идет о пространстве культуры и динамике культурных смыслов. Парсонс же интерпретирует СПВ как систему стратификаций и меру их динамики, т.е. как формы и меры социальной эволюции, подчеркивая тем самым их взаимную обусловленность. Впрочем, и учение Маркса содержит собственную интерпретацию СПВ как выражения классовой структуры и суммы общественных отношений, которые обретают целостность и типологические формы в общественно-экономических формациях.

Изложенные концепции, при всех различиях, общи и едины в том, что они *вписываются в парадигмальные принципы и в логику классической науки и философии*. Иначе говоря, эти концепции интерпретируют СПВ в качестве неких онтологических констант социума, который может быть описан и описывается как набор структур и процесс их линейного развития «по пути прогресса», что, как известно, плохо согласуется (или вовсе не согласуется) с реальной действительностью. *У этих концепций есть еще один серьезный недостаток: человек в них представлен лишь опосредованно* (через структуры, нормы, правила и прочие институции), а значит, в рамках этих концепций социальное время и пространство оказываются внеположными по отношению к человеку

Новый этап в интерпретации СПВ задают идеи А. Бергсона, у которого социальное время и пространство оказываются функциями жизни и сознания человека¹⁴⁴. С подобным пониманием СПВ смыкаются и представления П. Бурдьё, трактующего социальное пространство как некое «поле напряжений», создаваемых габитусом, т.е. нормативной системой социальных действий, детерминированных культурой и транслирующих социальный опыт от предшествующих поколений к последующим¹⁴⁵. Таким образом, у Бурдьё социальное пространство представляет собой некую «функцию жизни» (в духе Бергсона), а точнее – рационально сконструированное поле взаимодействия и культурного обмена, людей, членов социума. В развитие этих идей П. Штомпка выделяет четыре уровня этого «поля напряжений» (т.е. социального пространства):

- поле идей, верований и дефиниций;
- поле норм, предписаний, запретов и ограничений;
- поле коммуникаций и интеракций;

¹⁴⁰ Огурцов А.П. Вико Джамбаттиста. // *Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль. 2000. Т 1. С. 399-400.

¹⁴¹ Зиммель Г. *Философия культуры*. М.: Юрист. 1996.

¹⁴² Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре*. М.: Республика. 1998.

¹⁴³ Парсонс Т. *Система современных обществ*. М.: Академический проект. 2000.

¹⁴⁴ Блауберг И. *Анри Бергсон*. М.: Прогресс- Традиция. 2003.

¹⁴⁵ Бурдьё П. *Социология социального пространства*. М.: «Алетейя». 2007.

– поле ресурсов – возможностей, которые находятся в сложных взаимодействиях¹⁴⁶.

Концепции СПВ Бергсона, Бурдьё и Штомпки являют собой новый этап в осмыслении СПВ и в том смысле, что они соответствуют логике неклассической науки, в рамках которой природа и социум интерпретируются как сложные системы, подверженные многообразным закономерным процессам. Однако и в этих концепциях социальное время и пространство по-прежнему остаются внеположными по отношению к человеку, ведь габитус — это система обезличенных норм, правил, предписаний, процедур.

Когнитивный потенциал категории «идентичность» в методологии социального пространства - времени

Современная цивилизационная ситуация такова, что требует выработки новых взглядов на СПВ в условиях тотальной глобализации мира и непрерывной трансформации всех аспектов социального бытия. Методология анализа социального пространства и времени на основе структурно-онтологических категорий, таких, как географическое пространство, тип цивилизации и культуры, политический строй, и категорий социально-институциональных отношений (социально-классовая структура, институты права, власти и управления, габитус) утрачивает эффективность, требуя разработки принципиально новых подходов в социальном познании в целом и в осмыслении СПВ, в частности. Ведь ныне состояние цивилизации осознается не иначе, как «пороговое», как преддверие смены всех форм жизнедеятельности человека- экономических и технологических до социально-культурных, экзистенциальных и антропологических. Соответственно, в роли главных мер бытия социума выступают масштабы, темпы и многообразие перемен, коими охвачены практически все сферы жизни человека – культура, технология, познавательная практика, социальная организация, политические процессы, коммуникативные формы и отношения.

Динамика и радикальность изменений таковы, что проблематичной становится сама возможность выразить их суть. На это претендует целая вереница определений: постиндустриальное, информационное, креативное общество; «эпоха постэкономики», «общество знаний» и даже «эпоха постчеловека». Однако очевидно, что этот «ускользающий от познания» процесс тектонических сдвигов и перемен в бытии предстоит преломить, прежде всего, через категории «социальное пространство» и «социальное время», их смысловое содержание. На это направлены известные идеи и подходы У. Бека¹⁴⁷ и М. Кастельса.

Так, Кастельс¹⁴⁸ полагает, что, когда речь идет о современном обществе, которое он определяет как информационное (информациональное), СПВ не могут больше рассматриваться лишь как внешние формы существования общества, поскольку теперь «социальное время – пространство есть само общество». При этом формой социального пространства у Кастельса является не геометрическая

¹⁴⁶ Штомпка П. *Социология: анализ современного общества*. М.: Логос. 2005.

¹⁴⁷ Бек У. *Что такое глобализация?* М.: Прогресс-Традиция. 2001.

¹⁴⁸ Кастельс М. *Информационная эпоха. Экономика, общество, культура*. М.: ГУ ВШЭ. 2005.

метрика и не социально-институциональная структура, а потоки и структура потоков товаров, денег, сырья, труда, информации. Кастельс фактически фиксирует новую архитектуру и динамику, новые тренды СПВ. Если до недавних пор главная тенденция социального пространства усматривалась в нарастании структурного многообразия, а социального времени – в ускорении «хода», то в условиях современной сверхдинамичной глобализации мира мерой социального времени становится мощность потоков движения в пространстве товаров, услуг и информации, порождающих новые формы социального бытия – глобальный рынок, ТНК, электронные биржи и деньги, Интернет и др. Особое место в теории СПВ Кастельса занимают социальные сети. Именно здесь, в сетях, пространство утрачивает физико-геометрические измерения, а время становится абсолютной мерой пространства. Однако такое пространство соотносимо разве что с идеальным, т.е. с продуктами мысли. Социальные сети и в самом деле являют собой механизм продуцирования смыслов и пространство обмена ими, а значит – и механизм порождения форм социальности¹⁴⁹.

К этому надо добавить еще одно обстоятельство: в контексте современных глобализационных процессов социальное бытие обретает спонтанно-изменчивый, «текущий» характер, а все традиционные меры социума и СПВ, в частности, формы экономических отношений (рынок, частная собственность, биржа, электронные деньги) и потребления (консюмеризм), механизмы социально-культурной коммуникации и способы интеракции (маскультура, электронные массмедиа, Интернет, социальные сети) становятся «транспространственными», вездесущими. В этих условиях СПВ выражают не только и не столько наборы структур или временных темпоральностей, не только поток материального (товаров, энергии, услуг), сколько изменчивый и многообразный поток смыслов, информации и ситуаций, требующих идентификации, верификации, легитимации.

В этом контексте операциональность СПВ оказывается под вопросом, не будучи дополнена категорией «идентичность», маркерный и интерпретационный арсенал которой позволяет дифференцированно отражать особенности и нюансы «текущего» социального времени – пространства нашей эпохи, соотносить СПВ с человеком.

Поясним это на примерах. Особенности социального бытия эпохи (текущего момента времени) так или иначе находят преломление в типе личности, в персональной идентичности социальных акторов. Ведь идентичность человека есть ни что иное, как некий вариант агрегации и констелляции индивидом (и в индивиде) смыслов бытия, форм культуры и социальности, мотиваций к действиям, ценностных позиций и поведенческих схем в условиях коммуникации и деятельности «здесь и сейчас», в данную историческую эпоху. Но поскольку персоналистические формы культуры и культурного бытия стали возможны и стали санкционироваться социумом лишь с выходом на историческую арену ранних форм европейского капитализма, на предшествующих этапах истории человек остается (ему надлежит оставаться) в рамках социально-культурной идентичности, данной ему от рождения с учетом его сословно-классовой принадлежности, исповедуемой религии,

---

¹⁴⁹ Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества. // *Вопросы философии*. № 9. 2012. С. 56-67.

этнического происхождения и пр. В этом контексте поддержание и воспроизводство предзаданной («сакрально-вмененной») социальной идентичности человека составляет смысл социального бытия (СПВ) в доиндустриальных обществах. Соответственно, социально-пространственная специфика конкретных обществ в доиндустриальную эпоху определяется главным образом географическим фактором в широком понимании и маркерами локальных культур – ценностями и регулятивными механизмами той локальной цивилизации, к которой данное конкретное общество принадлежит.

Однако по мере развития капитализма, дифференциации социума и форм деятельности складывается новый, «трансформативный» тип социальной идентичности, отражающий появление социальных лифтов, вариантов культурного выбора и самоопределения индивида. Соответственно, развитие социального бытия и структурирование СПВ теперь обеспечивается не только за счет индустриальных технологий и продуцируемых ими материальных артефактов, но и за счет эволюции социальной идентичности, роста ее многообразия (пролиферации). Эта динамика продемонстрирована в ряде работ российских авторов¹⁵⁰.

К середине XX века цивилизационная ситуация вновь радикально меняется. В контексте глобализации мира и развития новых средств коммуникации формируется современный модус социальной идентичности, который может быть определен как «коммуникативно-спектральный», поскольку выражает универсальную, т.е. ментальную, ценностно-ориентационную, профессиональную, поведенческую и пространственную мобильность человека, а также решающую роль информационных потоков и коммуникативного давления в его жизни. Дело в том, что ныне против устойчивого существования структуры персональной идентичности работают едва ли ни все формы и механизмы информационного бытия человека – рынок, Интернет, массовая культура, агрессивный напор политических и рекламных технологий. Они предлагают множество заранее выстроенных и подаваемых в красочной форме комбинаций смыслов, ценностей, жизненных ориентиров и поведенческих стратегий, т.е. проектов персональной идентичности, жизненной стратегии и жизненных стилей. В итоге социальная идентичность обретает не только множественный (вариативный), но и абберирующий, мерцательный и крайне неустойчивый характер, внушаемый действием привходящих факторов – малой социальной группой, модой, СМИ, политическими и культурными технологиями. Соответственно, формы социального бытия человека и их пространственно-временные измерения обретают изменчивый характер, *требуя введения в методологию СПВ, подчеркнем еще раз, конкретизирующей категориальной меры «идентичность».*

Проектирование идентичности как способ структурирования социального пространства – времени

Вновь обратимся к примерам. Если социальную трансформацию понимать как системные изменения социального бытия и форму адаптации общества к

---

¹⁵⁰ Крылов А.Н. *Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида*. М.: Издательство НИБ. 2010; Федотова Н.Н. *Изучение идентичности и контексты ее формирования*. М.: «Культурная революция». 2012.

изменениям через «активизацию субъективного фактора», т.е. на основе формирования проектов и технологий разрешения противоречий среды и социума¹⁵¹, то *виртуализация бытия в тех масштабах и формах, что сегодня имеет место, является собой ни что иное, как масштабную социальную трансформацию*. Ведь ныне успешная работа человека на фирме или обучение в университете не обязательно предполагает физические контакты с этими структурами, да и сами такие структуры могут успешно функционировать в виртуальном пространстве. При этом виртуальная сфера, роль и значимость которой в современных условиях неуклонно возрастает для всех аспектов социального бытия – экономики, политики, культуры, образования, коммуникации, будучи лишена субстанционально-структурных форм, может быть описана и осмыслена лишь на основе категории «идентичность», в частности, на основе типов/форм идентичности акторов виртуального пространства (блогер, постер, модератор, медиум, провайдер и др.) или же идентичности практикуемых ими виртуальных технологий (чат, форум, флэш-моб, электронный платеж, фондовая биржа, электронная библиотека, социальные сети).

И еще: на фоне неуклонного снижения влияния традиционных институтов власти, таких, как национальное государство, политические партии, выборы, значимость сетевой самоорганизации в политической жизни социума становится едва ли ни доминирующей. И, что принципиально важно, ориентиром самоорганизации людей и их действий, т.е. фактором структурирования социального пространства и социального времени, все чаще становятся идеи и проекты, выдвигаемые в социальных сетях, прежде всего, проекты идентичностей личности, стилей жизни, коммуникации, выбора, публичного поведения.

Получается так: если в традиционных обществах в роли «структуратора» социального бытия (СПВ) выступали географическое пространство и специфика некоей локальной культуры, а демиургом бытия общества (СПВ) модерна – индустриальная технология, артефакты индустриальной культуры, императивное социальное регулирование и эволюционирующее многообразие социальных идентичностей, то в *современных условиях проектирование и тиражирование идентичностей становится едва ли ни главным механизмом структурирования социального бытия*. Именно продуцируемые креативными людьми (или группами) типы идентичности (людей, вещей, отношений, процессов, форм потребления, стилей жизни) и образы горизонтов перспективного развития социума определяют практически все происходящее в обществе, а значит, – и его социальную пространственно-временную структуру.

Иначе говоря, квази-природные механизмы, изначально и длительное время доминировавшие в формировании социального пространства-времени, теперь все активнее замещается субъективно-личностным фактором – креативной экономикой, виртуальным конструктивизмом и виртуальной социальной трансформацией. При этом типичным предметом конструирования являются идентичности (личности и ее выбора, потребления, поведения, форм интеракции и коммуникации), которые, в свою очередь, обеспечивают структурирование СПВ. Это подтверждается самой социальной практикой.

---

¹⁵¹ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов. // *СоцИс. Социологические исследования*. 2008. № 7.

Так, любой, кто ознакомится с решением Совета Европы (1996 г.) «Ключевые компетенции для Европы», без труда обнаружит, что эти компетенции представляют собой ни что иное, как «описание» типа социальной идентичности европейца нашего времени, эпохи информационного общества. Личность, как выясняется, должна знать, понимать и уметь многое, а в связи с этим – аккумулировать в себе целый ряд компетенций (компетентностей), в том числе:

- уметь жить в современном обществе демократии участия, развивать его институты;

- уметь принимать культурные различия, жить с людьми других культур, языков и религий;

- обладать широкими коммуникативными компетенциями, владеть более чем одним языком.

- уметь строить свою жизнь и деятельность в современной информационной среде, осознавать и учитывать ее плюсы и минусы, владеть информационными и массмедийными технологиями;

- обладать способностью учиться на протяжении всей жизни, видя (усматривая) в этом главную основу своего социального бытия и меру его успешности¹⁵².

«Портрет (идентичность) типа личности эпохи» предстает еще рельефнее, если обратиться к идеям Дж. Равена, который соотносит компетентности именно с типами социальности и с мотивациями социального действия человека¹⁵³. Равен адресует современному человеку 39 (!) видов компетенций, в их числе

- готовность и способность обучаться самостоятельно;
- поиск и использование обратной связи;
- уверенность в себе;
- самоконтроль;
- адаптивность: отсутствие чувства беспомощности;
- склонность к размышлениям о будущем, привычка к абстрагированию;
- внимание к проблемам, связанным с достижением поставленных целей;
- самостоятельность мышления, оригинальность;
- критическое мышление;
- готовность решать сложные вопросы;
- готовность работать над чем-либо спорным и вызывающим беспокойство в обществе;
- исследование, окружающей среды для выявления ее возможностей и ресурсов (как материальных, так и человеческих);
- отсутствие фатализма;
- готовность использовать новые идеи и инновации для достижения цели;
- знание того, как использовать инновации;

¹⁵² Ключевые компетенции для Европы. // Интернет-ресурс «Letopisi.Ru». Доступ: www.letopisi/index.php/

¹⁵³ Равен Дж. *Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация*. М.: «Когито-Центр». 2002.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ПРОСТРАНСТВА,...: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

- уверенность в благожелательном отношении общества к инновациям;
- установка на взаимный выигрыш и широта перспектив;
- настойчивость;
- доверие;
- отношение к правилам как указателям желательных способов поведения;
- способность принимать решения;
- персональная ответственность;
- способность к совместной работе ради достижения цели;
- способность побуждать других людей работать сообща ради достижения поставленной цели;
- способность слушать других людей и принимать во внимание то, что они говорят;
- готовность разрешать другим людям принимать самостоятельные решения;
- способность разрешать конфликты и смягчать разногласия;
- способность эффективно работать в качестве подчиненного;
- терпимость по отношению к различным стилям жизни окружающих;
- понимание плюралистической политики¹⁵⁴.

Характерно, что упор в данном случае делается на умениях, формирующих личностные качества «готовности», «способности», «ответственности» и «уверенности» в действиях и социальном поведении. В этот перечень входит и *приверженность инновациям и вера в их эффективность*, что, пожалуй, более всего востребовано в современном сложном, динамично изменчивом и остро конкурентном мире.

Понятно, что в формировании компетентностей человека образование играет важную роль. В этом плане закономерна переориентация современной системы образования, от школьного до университетского, на принципы компетентностного подхода. Однако очевидно и другое: для становления человека как действенного субъекта современной социальной системы (с демократией участия, инновационно ориентированной экономикой, культуризмом, морально-этическим плюрализмом) рамок и методов образования явно недостаточно. В этом же направлении должны работать и прочие факторы социализации человека и детерминации его поведения (система права, законность, рынок, институты гражданского общества). В этом контексте представляется ошибочным распространенное в нашей стране представление, будто в рамках сферы образования могут и даже должны быть сформированы в россиянах актуальные ныне компетентности, «умения XXI века»¹⁵⁵

Но самое главное для поисков ответа на поставленные нами вопросы заключается в том, что понятия «компетенция» и «компетентность» в европейских теоретических и политических дискурсах становятся актуальными

¹⁵⁴ Там же. С. 281-296.

¹⁵⁵ Зимняя И.А. Ключевые компетенции- новая парадигма результата образования. // *Интернет- журнал «Эйдос»*. 2006. № 5. Доступ: www.eidos.ru/journal/; Хуторский А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования. // *Народное образование*. 2003. № 2. С. 58-64.

именно в плане репрезентации идентичности современного человека в качестве субъекта современных процессов развития социального бытия, а значит, – в роли структуратора социального пространства и времени.

Штрихи к методологическим горизонтам политической науки – от парадигмы структур и связей к парадигме идентичности и процессности

Охарактеризованные нами далеко не в исчерпывающей форме особенности «СПВ наших дней» и механизмов его формирования так или иначе определяют и современные особенности политической сферы, «политическое пространство» и «политическое время», формы их соотносительности с социумом и человеком. В этом контексте возрастающее дискурсивное внимание к тематике человеческого измерения политики¹⁵⁶ можно понимать и как отражение возрастающей роли индивидуального субъекта (малых групп), его (их) проектно-конструктивистского и виртуально-трансформационного потенциала в современном пространстве и времени политического.

Итак, политическое и мера политического («политическое время», «политическое пространство») определяются общими трендами трансформации СПВ. А тренды и динамика социального бытия ныне таковы, что *былой «язык структур и структурности»* (общество, государство, капитализм, формация, территория, класс, партия и т.д.) *перестает быть релевантным и адекватным реальностям, уступая место «языку процессности»* (глобализация, коммуникация, интеракция, транзакция, потоки капиталов и информации, трансформация типов и форм социальной субъектности, пролиферация спектра идентичностей социального бытия, социального субъекта и социальных процессов), *а также проективной и конструктивистской активности человека.*

В этом контексте представляется, что сохраняющееся в нашей политической науке апеллирование к структурной категории «территория» (к ее коннотациям типа «географический детерминизм», «геополитическое преимущество», «естественные границы» и т.д.), как и к структурной категории исторической памяти – «историческое время» (былое) не сулит методологических прорывов. Куда более перспективным представляется учет взаимосвязей СПВ со сферой политического, что может вывести на новый концептуальный пласт политического знания, а значит, и на новый спектр вариантов моделирования политических сущностей (отношений, институций, процессов).

Впрочем, Россия имеет и такие особенности, которые, вероятно, обуславливают неизбывную актуальность моделирования политического пространства на основе категории «территория» и интерпретацию политического времени как исторического времени. Периодически политическая история России представала и предстает то как освоение территорий, то как их утрата. К тому же, травмы социального сознания россиян «от девяностых годов» имеют едва ли ни в первую очередь территориальные причины и территориальную меру, как и все политические попытки акторов мировой политики заново

¹⁵⁶ Шестопап Е.Б. Человеческое измерение политики. // *Полис. Политические исследования.* 2013. № 6; Фельдман О. Человеческое поведение и политика. // *Полис. Политические исследования.* 2013. № 6; Лапкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity». // *Полис. Политические исследования.* 2013. № 6.

«отстроить» постсоветское евразийское пространство (что в очередной раз проявилось в украинских процессах, в их восприятии в России, россиянами).

И в заключение. Дефекты методологической культуры политической науки (скажем так, ее нечувствительность к нюансам методологии) проявляются не только в дискурсах в отношении «политического пространства» и «политического времени», но в дискурсах по поводу политической идентичности, на что уже приходилось обращать внимание¹⁵⁷. Так, вразрез с логикой и структурой общей типологии идентичности, включающей спектр ее сферных типов и конкретных форм: социальную (социетальную, политическую, профессиональную, религиозную, сетевую, клубную, корпоративную и др.); социоприродную (геополитическую, цивилизационную, гендерную, возрастную); природную (идентичность рода, вида, экосистемы, популяции); ментальную (логико-математические конструкции и модели, мода, парадигмы науки и художественного творчества, жанровые парадигмы, брэнд и др.); артефактную (идентичность техники, предметов культуры, объектов социальной инфраструктуры), цивилизационную, этническую и геополитическую идентичности принято относить к формам социальной идентичности, хотя на самом деле они являются формами социоприродных идентичностей. А социетальная идентичность пока вообще не стала предметом внимания политической науки.

Круг примеров «методологической нечувствительности» политической науки этим не исчерпывается. В частности, в контексте полемики по проблемам российской национальной идентичности часто пишется и говорится о многоуровневой идентичности (и стратегии ее достижения) как о некоем сущем, эмпиричном. Однако с позиции методологии ситуация выглядит совсем иначе. Дело в том, что идентичность, будучи формой и мерой регулярности, являет собой системное образование – системную целостность признаков, свойств, связей, отношений, поведенческих стратегий и паттернов, которая (как и любая система) может быть иерархичной или референциальной (в зависимости от характера связей – отношений составных частей). Например, социальная идентичность «массового человека», будучи сложной и многокомпонентной системой составных элементов (маркеров) скорее носит референциальный характер. Но она может обрести (и обретает, как показывают факты) иерархичность при наличии явно доминирующего элемента (маркера), каковым может быть религиозная, этническая или политико-идеологическая принадлежность носителя социальной идентичности.

Другой пример: иерархична по структуре идентичность большинства молодежных субкультур, поскольку их строй задается доминирующим «фактором кумира». В то же время трудно представить причины, способные придать иерархический строй социальной идентичности человека светского склада, открытого к глобальному миру культурных смыслов и ценностей и позиционирующего себя вне политики. Такая идентичность референциальна. К числу референциальных, вероятно, могут быть отнесены и такие формы социальной идентичности, как «профессиональная» и «социетальная». К сожалению, подобные «нюансы» методологии пока, как правило, остаются вне поля политических исследований.

---

¹⁵⁷ Тхагапсоев Х.Г. В поисках новой методологической парадигмы политической науки: принцип идентичности. // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 4.

Глава 6. СЕТЕВОЙ ЛАНДШАФТ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова

Прерывистая интерпретация современного развития и концепт «рефлексивной реальности», предложенные Э. Гидденсом¹⁵⁸, дают адекватную трактовку адекватную стремительного изменения контуров политических пространств современности. Новые, возникающие у нас на глазах пространства формируют новые идентичности, а меняющаяся природа политических институтов превращает гибридность в модель развития.

Изучение пространственного измерения современной публичной политики невозможно вне контекста обращения к более обширному социальному пространству. В политическом пространстве происходит «создание (закрепление) и поддержание (сохранение) целостности субъекта политики при объективно обусловленном многообразии»¹⁵⁹. В нем интегрируются взаимосвязанные и взаимообусловленные социальные структуры объективного (данные в форме распределения ресурсов практик, средств и механизмов их присвоения) и субъективного (легитимные практические схемы и эксплицитные понятия) порядка. Пространство публичной политики рассматривается как «действительность объективного порядка», которая «оформляется» легитимными практическими схемами, составляющими действительность субъективного порядка»¹⁶⁰. Использование категории « сетевого ландшафта » позволяет исследовать сетевую проекцию современного политического пространства.

Сетевое общество как новый тип социальности

Современные общественные трансформации, затрагивающие социальные, культурные, экономические и политические основания современного общества, обусловлены проникновением во все сферы жизнедеятельности информационно-коммуникативных технологий и формированием сетевого общества – нового типа социальности, изменяющего всю общественную парадигму. Сетевое общество является результирующим вектором развития информационной экосистемы¹⁶¹, где знания и информационные потоки играют определяющую роль. К качествам новой формы коммуникационной организации общества относятся: многоканальность и высокая плотность путей транспортировки информации; ячеистая структура информационных каналов с возможностью индивидуализации каждой ячейки; наличие социального субъекта, выступающего в качестве коммуникационного

¹⁵⁸ Гидденс Э. *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Издательство «Весь мир». 2004.

¹⁵⁹ Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6. С. 70.

¹⁶⁰ Шматко Н.А. Феномен публичной политики. // *СоцИс*. 2001. № 7. С. 110.

¹⁶¹ См.: Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia. 1999; Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. М.: Прогресс. 1969; Бард А., Зюдерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб.: ООО «Юнайтед Пресс». 2004; Martin W.J. *The Information Society*. London: Aslib-Association for Information Management. 1988.

узла, способного обрабатывать, накапливать и создавать новую информацию¹⁶². В границах парадигмы, обоснованной М. Кастельсом, новые информационные технологии инициируют сетевую логику изменений социальной системы¹⁶³. «Именно сети, – пишет Кастельс, – составляют новую социальную морфологию наших сообществ, а распространение сетевой логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью»¹⁶⁴. В условиях информационного общества социальная коммуникация, трансформируя институты и практики, приобретает совершенно новые сетевые качества универсального характера. Сетевизация современного общества, становясь глобальным явлением, проявляется в различных сферах следующим образом.

1. Фактором, обеспечивающим конкурентоспособность и производительность экономики, становится информационно-технологический базис. Технологическая структура изменяет облик современной экономики так же, как раньше ее изменяла транспортная инфраструктура железных дорог и свободные рынки индустриальных государств, т.е. вектором глобального экономического развития общества становится информационная экономика.

2. Социальная структура общества приобретает сетевые конфигурации, разнообразие которых обусловлено институциональной и социокультурной средой национальных государств. В результате трансформации социальности формируются принципиально новые, согласно определению Б. Вельмана, «персонализируемые сообщества» – сети межличностных связей и взаимодействий, основанные на социальной идентичности и обеспечивающие информацию и поддержку¹⁶⁵. Они реализуют личные потребности в обществе, опираясь на новые коммуникационные возможности, что, в свою очередь, способствует их встраиванию в глобальное цифровое пространство социальности, созданное Интернетом. В сетевом общественном укладе происходит нивелирование традиционных социальных статусов, так как Интернет обеспечивает установление равноправных коммуникаций «всех со всеми».

3. Все информационные сообщения в новой коммуникационной системе работают в бинарном режиме: быть или не быть в коммуникационной мультимедиа-системе. Все остальные сообщения существуют на уровне межиндивидуальных связей и коммуникаций, которые характерны для традиционных, но все более маргинализирующихся субкультур. Определять систему господства в информационном обществе будут лишь те, «кто взаимодействует и кто включен во взаимодействие в новой системе»¹⁶⁶; т.е.

---

¹⁶² Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление. // *Вопросы философии*. 2008. № 7. С. 61–63.

¹⁶³ Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ-ВШЭ. 2000.

¹⁶⁴ Кастельс М. Становление общества сетевых структур. // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология* / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia. 1999. С. 494.

¹⁶⁵ Wellman B. Physical place and cyberspace: the rise of networked individualism. // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2000. № 1. P. 1.

¹⁶⁶ Кастельс М. Становление общества сетевых структур. // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология*. М.: Academia, 1999. С. 353.

выживают только те, кто принимает сетевую логику, так как мультимодальность и диверсифицированность сетевой коммуникационной системы способствует интеграции всех существующих и появляющихся когнитивных схем и практик.

4. В социокультурной среде трансформационные процессы связаны с формированием культуры реальной виртуальности, в которых мультимедийные и цифровые информационные технологии имеют решающее значение. Появляется система реальной виртуальности, образуемая современными СМИ и интернет-технологиями; в ней внешние отображения реальности человека (физической и символической) не просто передают, отображают опыт, «но сами становятся опытом»¹⁶⁷; в системе виртуальной реальности смыслы формируют пространство культурных кодов, символов и идеологий, становясь продолжением существующего публичного пространства обитания человека. Но система виртуальной реальности, функционирующая как глобальная сеть потоков информации и смыслов, не является «пространством без места»¹⁶⁸. Она имеет свою цифровую географию, соединяя различные места и локальные сообщества, обладающие определенными физическими, социальными и культурными характеристиками.

Несмотря на то, что сетевое общество стало маркером современных трансформационных процессов, фундаментальные принципы общественного устройства еще окончательно не погибли¹⁶⁹ под натиском сетевых структур и процессов. Сетевая логика сосуществует одновременно в социальной реальности с другими типами логик (традиционного, индустриального, постиндустриального обществ), отчетливо выделяя сегменты сетевых явлений глобального и локальных масштабов, проецирующихся на все сферы жизнедеятельности, включая сферу политическую.

Сетевой ландшафт и эффекты сетевизации

Современные практики публичной политики и возможности их распространения и развития возникают в пределах сетевого ландшафта. Категория «сетевой ландшафт» позволяет оценить новые сетевые качества современного публичного пространства и определить их роль в трансформации институциональных характеристик публичной политики современных государств.

Сетевой ландшафт публичной политики представляет собой гетерогенную и динамическую структуру, интегрирующую все многообразие сетей в публичной политике, которые характеризуются плюралистическими основаниями самоорганизации и различными темпоральными характеристиками, обеспечивая преемственность социокультурной эволюции политической действительности. Сетевой ландшафт привязан к политическому пространству и отражает институциональные (формальные и неформальные) и коммуникативные (публичные и латентные) характеристики сетевых конфигураций из разных слоев публичной политики.

¹⁶⁷ Землянова Л.М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура. // Вестник МГУ. Сер. 10: Журналистика. 1999. № 2. С. 58.

¹⁶⁸ Castells M. *Internet galaxy: Reflections on the Internet, business, and society*. Oxford, New York: Oxford university press. 2001. P. 413.

¹⁶⁹ Узбстер Ф. *Теории информационного общества*. М.: Аспект-Пресс. 2004. С. 7.

Появление и развитие новых разнообразных ландшафтных звеньев в структуре сетевого ландшафта являются результатом проникновения сетевого общества в публичную политику. Интернет, будучи самой крупной кибернетической сетью в мире, стал технологической площадкой для формирования единого глобального информационного пространства с принципиально новыми возможностями коммуникации, основанными на применении технологий web 2.0 и web 3.0. Посредством интернетизации происходит расширение публичного пространства, так как Интернет включает в себя не только сервисные функции информирования и коммуникации, но и социальное окружение, самостоятельно участвующее в потреблении, производстве и распространении контента. Технологические принципы Интернета, такие, как отсутствие иерархии, открытость доступа, ориентированность на персональных пользователей, способствуют созданию единого коммуникативного сообщества, представляющего собой сеть без коммуникативных «разрывов»¹⁷⁰. Интеграция пространства Интернета (онлайн-пространства) в публичную сферу и его функциональность для продуцирования делиберативного пространства обусловлены цифровой природой (готовностью и открытостью к изменениям) и сетевым этосом политических коммуникаций. *Сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродуцирования политической сферы, определяя формат политических отношений.* Вместе с тем эффект сетевого расширения публичного пространства создает определенные условия для исключения определенных категорий граждан из новой системы сетевых политических коммуникаций, ограничивая их арсенал включения в публичность традиционными методами. Цифровое неравенство актуализируется не только в национальных масштабах, но и на уровне регионов и локальных сообществ, определяя возможность формирования гражданами собственного ресурса публичности.

Глобальное информационно-коммуникативное пространство сетевого общества открыто для концептуализации индивидуальными и коллективными акторами автономных социальных миров, требующими собственных виртуализированных публичных пространств, находящихся в тесной связи с общим пространством. Концептуализация индивидом собственного социального мира с проекцией в политическую сферу рассматривается в контексте его рефлексивной включенности в публичное пространство, или, в определении М. Фуко, «управленческой ментальности»¹⁷¹ как активности, нацеливающей быть критическим и рефлексивным¹⁷². Дуальность результатов рефлексивной включенности индивида проявляется в *эффекте рефеодализации, или возникновении «сетевых феодалов и крепостных»*¹⁷³ в пространстве публичной политики. Так называемые «сетевые феодалы» –

¹⁷⁰ Apel K.-O. *Auseinandersetzungen in Erporobung des transzendental pragmatischen Ansatzes*. Frankfurt. 1997. S. 17.

¹⁷¹ Foucault M. Governmentality. // *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. Chicago. 1991.

¹⁷² Walters W., Haahr J. Governmentality and Political Studies. // *European Political Science*. 2005. Vol. 4, No. 3.

¹⁷³ Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам. // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 3. С. 73-74.

индивиды или политические акторы – на основе легитимных практических схем и эксплицитных понятий самостоятельно и оригинально осмысливают политические события, конструируя вокруг себя, своего места или проблемы публичное пространство с проективным набором публичных решений. Индивиды или политические акторы, которые не участвуют в конструировании публичных пространств, а прибегают к осмыслению политических событий на основе идентификации с созданными «сетевыми феодалами» когнитивных схем и практических решений, становятся «информационными крепостными» в конструируемых публичных пространствах. *Смыслы, когнитивные схемы и нарративы*, распространяемые и потребляемые публикой в границах публичного пространства «сетевых феодалов», *становятся источниками коммуникативной власти*. У. Бек говорит о принципиально новом явлении для публичной сферы – «распаде политики»¹⁷⁴, на смену властного доминирования национальных государств и централизованных правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными способностями.

Рефлексивная включенность индивида нарушает монополию государства на установление границ идентичности: в расширенной Интернетом публичной сфере с множеством пространственных координат граждане «самостоятельно выбирают, с каким пространством себя ассоциировать (в каких сетях участвовать, а какие формировать самостоятельно) и экспериментируют со своими идентичностями»¹⁷⁵, изменяя природу властных отношений. В современных обществах социальная энергия и политическое влияние аккумулируется прежде всего на горизонтальных уровнях коммуникации в публичной сфере, связывающих различные локальные сообщества, которые, в свою очередь, включают в себя другие сообщества и сети¹⁷⁶.

Публичные пространства рождаются не только снизу активными самоорганизующимися акторами, но и сверху путем целенаправленного проектирования. Позитивным эффектом рефеодализации публичного пространства является его сетевое топос-структурирование. В сетевом топосе практические схемы, практики, ресурсы акторов публичной политики и структур публичного управления интегрируются в едином согласованном проекте решения конкретной локализованной проблемы. В топосе как интересубъективной реальности идеи задают границы принимаемых решений. Зачастую топос обуславливает возникновение сетей социальной солидарности, демонстрирующих автономные от публичной власти гражданские действия, направленные на разрешение публичной проблемы. Вместе с тем формирование публичных пространств также может происходить на основе использования механизмов манипулирования, социального и политического

---

¹⁷⁴ Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. 2000. С. 281–288.

¹⁷⁵ Баринаева Д.С. Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета. // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин* / гл. ред. М.В. Ильин. М.: Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований. 2010. С. 109-122.

¹⁷⁶ Покровский Н.Е. Дискуссионные вопросы социологического конгресса. // *СоцИс. Социологические исследования*. 2003. № 10.

инжиниринга, где феодалами публичных пространств становятся политические лидеры субполитики – мэры городов, директора крупных бизнес-структур, представители региональных медиаструктур и PR-агентств, использующие сетевые технологии создания и распространения информации и создающие новую виртуальную реальность.

Рефлексивная включенность индивида и его автономность в построении публичного пространства обусловили *эффект сетевой трансформации гражданского общества*, в результате которого нивелируется деконструкция бинарной оппозиции «государство – гражданское общество», «находя феномен, их объединяющий, – власть, выражающуюся в политических и неполитических формах»¹⁷⁷, сохраняя при этом такие традиционные характеристики, как автономия от государства; взаимосвязь с государством; гарантированный плюрализм ценностей, идеалов и образов жизни, воплощённых в его институциях. Как утверждает М. Фуко, гражданское общество представляет собой отношения власти, укорененные в социальной сети¹⁷⁸. Гражданское общество теряет свою идеологическую интерпретацию «в терминах рынка и собственнического индивидуализма»¹⁷⁹ и становится средой для самоподдерживающихся связей, в которой переплетены разнообразные неформальные сети солидарностей с различными формами взаимной поддержки и взаимовыгодных объединений. В основе солидарных сетевых связей лежит процесс идентификации человека с реальными или воображаемыми группами и обретение им собственной идентичности, что, в свою очередь, порождает коллективные действия. В данном контексте гражданское общество рассматривается как тип социальной интеграции различного рода сообществ, в которых индивиды связаны друг с другом коллективными обязательствами. Ф. Фукуяма, подчеркивая сетевую природу развития современного гражданского общества, приводит пример исследования «Янки Сити», где в общине, состоящей из 17 000 членов, было насчитано 22 000 различных сетей солидарности¹⁸⁰. Гражданское общество становится продуктом интеграции символично-смысловых и структурных форм социальной организации на основе горизонтально-сетевых связей, существующих в рамках данной национальной общности, гарантирующей историческую преемственность развития государства.

Сетевизация гражданского общества обуславливает кризис традиционной системы политического представительства, не отражающего интересы тех социальных групп и общностей, которые возникли в результате сетевых трансформаций в социальной и экономической сферах общества. В современной публичной политике происходит смена «самых паттернов

---

¹⁷⁷ Макарычев А.С. Гражданское общество в России: между государством и международным сообществом. // *Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия*. / Отв.ред. А.Ю. Сунгуров. М.: РАПН; РОССПЭН. 2008. С. 20.

¹⁷⁸ Фуко М. *Интеллектуалы и власть*. М.: Праксис. 2006. С. 186.

¹⁷⁹ Лэйн Д. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 2. С. 99.

¹⁸⁰ Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ. 2008. С. 149.

политического представительства и гражданского участия»¹⁸¹, связанных с *эффектом сетевой реверсивной адаптации традиционных политических институтов и структур сетевого гражданского общества*. С одной стороны, традиционные иерархические структуры политических институтов начинают мутировать, так как испытывают затруднения, связанные с появлением множества властных центров и распылением информации; они начинают приспособляться к сетевым формам организации власти, действуя сообразно логике сетевых коммуникаций. Политические лидеры, политические партии и группы интересов начинают формировать и реализовывать собственную политическую стратегию сетевой политики. Так, в современных государствах ни одна политическая партия в XXI в. не может быть достаточно самостоятельным политическим субъектом за пределами сетевой политики; в свою очередь, сетевая политика партийных элит предстает в перспективе как феномен синтеза информационно-коммуникационных технологий и политического воздействия на институты гражданского общества¹⁸². Для обеспечения легитимности и повышения конкурентоспособности традиционные политические институты создают собственные или же возглавляют уже созданные сетевые структуры гражданского общества¹⁸³. С другой стороны, структуры сетевого гражданского общества «захватывают» традиционные политические институты, создавая гибридные формы политического представительства, например, в виде пиратских политических партий.

Актуализация неинституционализированных политических акторов в публичной политике происходит под воздействием *ризомной сетевой самоорганизации*¹⁸⁴. Суть данного эффекта сетевизации заключается в том, что в коммуникативной среде онлайн-пространства публичной политики

---

¹⁸¹ Павлова Т.В. Современное гражданское участие: к изучению новых форм коллективного действия в условиях глобализации. // *Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика*. М.: РАПН; РОССПЭН. 2007. С. 137.

¹⁸² Акопов Г.Л. *Сетевой аспект политики российских партийных элит: Проблемы теории и практики*. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 7.

¹⁸³ Ярким примером может служить сетевой проект руководства КНР «50 центов партии», реализуемый с 2007 г. в Синете и направленный на «достижение превосходства в общественном мнении в Интернете» и «активного использования новых технологий для укрепления положительной пропаганды». Суть проекта заключалась в организации системы оплачиваемого комментирования дискуссий в online-пространстве публичной сферы Китая по поводу общественно значимых проблем. Активные пользователи, китайские проправительственные блогеры, участники форумов и социальных online-сетей, высказывающие положительное мнение о правительстве КНР, Коммунистической партии Китая и проводимой государственной политике, получили название «умаодан» или «50 центов партии» (по приблизительным оценкам их более четверти миллиона). Именно столько они предположительно получают за один пост или комментарий, размещенный в Интернете; при этом одновременно была сформирована и социальная сеть волонтеров, выполняющих те же действия бесплатно.

¹⁸⁴ «Ризома», термин, заимствованный Ж. Делезом и Ф. Гвантари из ботаники (фр. *rhizome* «корневище»), стал метафорическим обозначением внеструктурного и нелинейного способа организации целостности. См.: *Постмодернизм: энциклопедия*. М.: Интерпрессервис-Сервис; Книжный дом. 2001. С. 665.

формируются ризомные (неявные, обладающие способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную, некорневую конфигурацию) дискурсивные сети гражданской журналистики (блоги, социальные онлайн-сети), которые под воздействием ряда внутренних (наличие ресурсов для публичного действия) и внешних факторов (внутриполитических или международных событий) способны трансформироваться в реальных политических акторов. Ризомная коммуникативная среда онлайн-пространства создает условия для формирования автономных от действующей публичной власти сетевых сообществ, не имеющих доступа к традиционным каналам политического представительства и политического участия. Актуализация политической субъектности сетевых сообществ происходит, как демонстрирует современная политическая практика, стихийно в условиях кризиса/турбулентности политической системы и способствует расширению доступа сетевых сообществ к ресурсам публичной политики, одновременно раздвигая границы пространства национальной публичной политики в целом. В.И. Пантин говорит о глобальном тренде эмпирически фиксируемых эффектов нелинейного ризомного политического развития¹⁸⁵, которые с течением времени приобретают высокотурбулентный и интенсивно бифуркационный характер. Яркими примерами служат арабские революции с взрывной и лавинообразной сетевой динамикой, где дифференцируемы и органично взаимосвязаны исламистские, националистические, либерально-демократические, модернистские и другие тенденции. Механизм ризомной сетевой самоорганизации способствует формированию принципиально новых политических акторов, публичная деятельность которых основывается на сетевых механизмах коллективной мобилизации и координации политической деятельности в реальности публичной политики.

Несмотря на то, что эффект ризомной сетевой самоорганизации сравнительно недавно стал проявляться в публичной политике, интенсивность его воздействия постоянно увеличивается, расширяя практики «уличной» публичной политики. Важным свойством ризомной сетевой самоорганизации является ее неразрушимость. Точки роста политической активности, будучи подавленными или ограниченными в определенной пространственно-временной локализации, возникают в публичном пространстве вновь, получив источники своего развития/обновления от «ризомного корня» сетевой самоорганизации. В данном случае действующими правительствами государств, которые столкнулись с результатами ризомной сетевой самоорганизации политических акторов, должны быть исключены или существенно ограничены силовые и цензурные методы воздействия на них, так как данными действиями они обуславливают перерождение сетевой самоорганизации в другие, более антагонистические форматы. Речь идет о *поиске институциональных форм, с одной стороны, адекватно отражающих потребности сетевых акторов в политическом участии, с другой – направляющих сетевую активность общественности в конструктивное для органов власти русло.*

---

¹⁸⁵ См.: Пантин В.И. Концептуальные и методологические проблемы современной политической науки. / «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? Материалы заседания круглого стола ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, октябрь 2011 г. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 97.

Нелинейная логика развития сетевого общества обуславливает процессы диверсификации политических практик и институциональных форм, охватывая и систему публичного управления. *Эффект сетевизации публичного управления* непосредственно связан с многосоставными сетевыми изменениями в многослойном пространстве публичной политики, где инструменты политической власти, влияния и контроля рассеяны между разнообразными акторами, в том числе индивидуальными и коллективными. Под воздействием сетевизации публичное управление становится многослойным и многосторонним. При этом эффект сетевизации публичного управления имеет двойственное проявление. В первом случае речь идет о традиционном формате публичного управления, где инкорпорированные сетевые структуры не влияют на изменения принципов и каналов взаимодействия органов власти и гражданского общества, т.е. управление осуществляется посредством влияния латентных политических сетей и сообществ, преследующих свои цели, но определяющих процесс и результаты публичных решений. В зависимости от институционального дизайна публичной политики и политико-культурных традиций государства сетевые структуры в публичном управлении приобретают различные конфигурации. Например, в странах Южной Европы сети в публичном управлении формируются на основе патрон-клиентарных отношений, что способствует сращиванию политико-административной элиты с преступными группировками; сети становятся каналами теневого лоббирования и коррупции. В странах Центральной и Восточной Европы «политические сети представляют собой неформальные коалиции старой и новой политической элиты, пытающихся контролировать политическое пространство»¹⁸⁶.

Эффект новых рисков и угроз. В расширяющихся возможностях рефлексивной включенности индивида в публичное пространство и автономной «маршрутизации» публичных коммуникаций существует угроза усиления власти маргинальных групп, которые могут носить и экстремистский характер. Например, современные транснациональные террористические организации отличаются сетевой организацией и ориентированы на сетевую вербовку, сетевую координацию структур и деятельности, явную и скрытую сетевую пропаганду. Серьезным риском является возможность тотального контроля за движением информации, за ее адресатами и получателями. Сетевые технологии могут быть использованы как средство манипулирования общественным сознанием: армии ботов влияют на формирование политической повестки дня, а троллинг в социальных сетях превратился в весьма прибыльное занятие. Наконец, самая серьезная угроза, на взгляд авторов, заключается в том, что сетевые структуры могут способствовать дегуманизации сознания и поведения. Net-центричная картина мира пользователя сетевых ресурсов приводит к тому, что человек, очутившийся на месте аварии, первым делом не оказывает помощь пострадавшим, а снимает происшествие на мобильник, чтобы выложить фотографию в сети. Сцены насилия, реальные акты суицида, глумление над пожилыми людьми и учителями – до удаления этих публикаций модераторами их успевают перепостить и поставить «лайки» тысячи пользователей социальных сетей.

---

¹⁸⁶ Михайлова О.В. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов. // *Вестник МГУ. Сер. 21: Управление (государство и общество)*. 2011. № 3. С. 47.

Публичное управление: сети vs иерархии

На современном этапе эффекты сетевизации в системе публичного управления способствуют управленческому кризису¹⁸⁷, что обусловлено неспособностью публично-властных прерогатив и административных институтов, организованных по принципам централизации-иерархизации, реагировать на требования снизу, так как специализированные вопросы, которые порождены сложносоставными публичными проблемами, могут решить только модульные политические организации с опорой на сетевые структуры. Так, Ж.-Ф. Ришар полагает, что современные формы политической организации воспроизводят организационные модели, унаследованные от индустриальной, а в некоторых случаях и аграрных эпох¹⁸⁸. В условиях сложных и глубоких перемен традиционные политические иерархии, в которых свойственны неповоротливость и сосредоточенность на себе, сдают свои позиции гибким, разветвленным и быстро реагирующим сетевым структурам. Образуется институциональный разрыв между потребностями сетевого общества к новым неиерархическим формам управления и существующей политической организацией современных государств.

Кризис управленческих структур сопровождается кризисом политико-управленческой ментальности, проявляющейся в неготовности национальных политических лидеров брать на себя ответственность национальных политических лидеров за последствия проводимой политики и, по образному замечанию В.В. Лапкина, неуверенности «капитанов» мировой политики и экономики в работоспособности их традиционных «средств навигации»¹⁸⁹. В результате политико-управленческого кризиса появляется принудительная «линеаризация» кризисных ситуаций и сохраняются прежние неэффективные механизмы финансового, политического и государственного управления.

Сетевое управление, предполагающее наличие и глобального уровня, в отличие от управления через сети, осуществляется на принципиально иных основаниях. Привлечение многих акторов публичной политики к совместному достижению политических целей и публичному управлению связано с сетевым взаимодействием и его координацией, ориентированной на создание условий сотрудничества. Примером организации сетевого управления, основанного на принципах координационного государства, является Европейский союз. Разнообразные практики сетевого управления предполагают интерактивность в постановке общественных целей и обеспечение демократичности при поиске адекватных публичных решений для сложносоставных и значимых для общественности ЕС проблем¹⁹⁰.

---

¹⁸⁷ Мамут Л.С. Сетевое государство. // *Государство и право*. 2005. № 11. С. 5-12.

¹⁸⁸ Ришар Ж.-Ф. Двадцать лет спустя. Глобальные проблемы и способы их решения. // *Россия в глобальной политике*. 2003. Т. 1, № 2. Апрель-июнь. С. 157.

¹⁸⁹ Лапкин В.В. Когнитивный потенциал концепта нелинейного развития. / «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? Материалы заседания круглого стола ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, октябрь 2011 г. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 98.

¹⁹⁰ Подробнее см.: *Транснациональное политическое пространство: новые реалии международного развития* (отв. ред. М.В. Стрженева). М.: ИМЭМО РАН. 2010. С. 229.

Государство в сетевом управлении становится координационным, создавая условия для вовлечения граждан в публичность с помощью регулятивных, финансовых и коммуникативных инструментов, ставя целью повлиять на мотивацию субъектов к объединению усилий для решения совместных задач¹⁹¹. Вовлеченность граждан в реализацию публичных решений непосредственно связана с технологиями межсекторного взаимодействия (прозрачный бюджет, социальный заказ, фонды территориального развития, различные технологии социального инвестирования и т.д.) и инвариантными технологиями гражданского участия (гражданские переговоры, гражданские экспертизы, гражданский связывает коммуникативную власть гражданского общества с политико-управленческим циклом, тем самым существенно ограничивая автономию государства.

Важной характеристикой сетевого публичного управления является его проектируемость, с помощью которой создаются условия для конструктивного участия разнообразных акторов публичной политики в практике публичного управления. Государство, осуществляя диагностику состояния публичной политики, выступает инициатором и модератором проектных и экспертных сетей, институционализируя публичные импульсы сетевого гражданского общества в практике публичного управления.

Таким образом, описанные эффекты сетевизации обуславливают возникновение разнообразных по характеру действия (дискурсивные сети, социальные движения, сети политической мобилизации, краудсорсинговые сети и т.д.) и уровню институционализации (политические партии, некоммерческие организации веб 2.0., экспертные сети в публичном управлении, сетевые структуры электронного правления, проектируемые государством сетевые структуры выработки публичной политики и решений на различных уровнях и т.д.) сетевых ландшафтных звеньев нового типа, которые определяются глобальным контекстом воспроизводства сетевой публичной политики. Данные сети существуют в рамках единого информационно-коммуникативного пространства публичной политики, интегрированного с онлайн-средой. Основная логика их политического действия заключается в проникновении в глубины социальных структур и преобразовании индивидуальных акторов локальных сообществ в носителей «новых фреймов» гражданского участия, что связано с формированием нового типа личности – человека индивидуализированного общества, представителя «общества знаний» и носителя «гибридной идентичности», который может реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате публичной политики¹⁹². Данные сети способствуют *формированию новой политической культуры рефлексивного участия, в которой размывается разделение на политическую и неполитическую сферы, а неполитическая сфера порождает субполитическую.*

---

¹⁹¹ Сморгун Л.В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XX веке. // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 89.

¹⁹² Семенов И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. // *Полит. Политические исследования*. 2012. № 5. С. 16.

Сетевой ландшафт в условиях гетерогенного социального пространства

Категория сетевого ландшафта позволяет комплексно исследовать сетевые ресурсы развития публичной политики, связанные с логикой сетевого общества, и оценить жизнеспособность традиционных для политической практики социальных сетей в условиях новых цивилизационных трансформаций. Важно, что сетевой ландшафт публичной политики объединяет в себе различные ландшафтные звенья (традиционного общества, модерна, современности), представленные сетевыми структурами и сетевыми сообществами разной степени устойчивости, связанными между собой коммуникативными связями различной плотности и интенсивности и существующими в определенной социокультурной среде.

Темпоральное разнообразие сетевых структур в сетевом ландшафте современной публичной политики является следствием существования *внутренне неоднородной структуры социального пространства, его многоукладности* как результата процесса глокализации. Глокализация рассматривается как пространственно-временное сжатие, когда в одном социальном пространстве существуют и сталкиваются разнообразные уникальные локальные и глобальные культуры¹⁹³. В.А. Ядов, используя данное понятие применительно к социокультурной динамике современного общества, считает более обоснованным использовать термин «гло-локал-анклавизация»¹⁹⁴. Многоукладность современного общества образуется из симбиоза сообществ глобальной культуры постиндустриального общества; локальных сообществ, в которых причудливо сплетаются элементы традиционных и модернизирующихся под воздействием глобализации структур; а также анклавных сообществ (используя терминологию М. Фуко, они становятся «местами без места»¹⁹⁵), сконцентрированных на самих себе маргиналов и не существующих в современном информационном пространстве. «Острова» современного сетевого общества сосуществуют с «островами» архаичных анклавов в постоянно изменяющемся частично развитом традиционном обществе, «представляя своеобразный сплав современности с остатками традиций».

Агломерат разных локальных сообществ дифференцирует общество по ценностным ориентациям, образам жизни и стратегиям гражданской активности. Гражданское общество, отличаясь динамичностью и разнообразием институционализированных и неинституционализированных структур, не может быть структурировано принципиальным образом, так как состав участников гражданских инициатив постоянно меняется, чутко реагируя на возникающие в обществе проблемы. Но суть гражданского общества заключается в его интегративной функции, в создании, по определению Дж. Мигдала, модели сообщества граждан, объединенных общими ценностями и правилами поведения, формирующего основания для осуществления государственной власти¹⁹⁶.

¹⁹³ См.: Jones A. *Dictionary of Globalization*. Oxford: Polity Press. 2006.

¹⁹⁴ Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества. // *Россия реформирующаяся*. М.: Academia, 2002. С. 354.

¹⁹⁵ Foucault M. *Of Other Spaces. Diacritics*. Доступ: <http://foucault.info/documents/heteroTopia/foucault.heteroTopia.en.html>

¹⁹⁶ Migdal J. *State in Society*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. P. 190.

Социокультурная специфика многоукладного общества отражается в его сетевом ландшафте и формах социального капитала, который воспроизводится определенными сетевыми ландшафтными звеньями, тем самым задавая возможности и ограничения для создания интегративного гражданского общества. Различные типы социальных сетей создают определенные формы социальной солидарности и доверия (социального капитала), влияя на диффузию или, напротив, интеграцию гражданской жизни. Одновременно с современными сетевыми структурами, способствующими рефлексивной включенности граждан в публичную политику, существуют другие типы социальных сетей, обладающие темпоральными характеристиками и придающие ландшафтным звеньям иные сущностные свойства. Развивая типологию Р. Роуза¹⁹⁷, их можно обозначить как домодерные, модерные, антимодерные социальные сети.

Большую часть современного социального пространства пронизывают социальные домодерные сети, характерные для традиционной патриархальной сельской периферии Южной Европы, России, Азии и Латинской Америки, с анклавными образованиями сетевых сообществ Африки, в которых доминируют сильные кланово-тейповые и этноконфессиональные связи. Социальное доверие базируется на личных неформальных связях, соседских и дружественных отношениях, которые используются населением в повседневных жизненных стратегиях адаптации, в большей степени ориентированных на физическое выживание и сохранение существующего уклада жизни. Данные социальные сети ограничены информационными источниками, преимущественно традиционными СМИ, определяющими «контролируемый формат» политических событий и задающими рамочные границы публичности в «системе воспроизводства рутинных коллективных мифов, доступных для понимания таких людей, но не проверяемых их практическим опытом»¹⁹⁸. В связи с этим домодерные сети обуславливают конформизм, инертность и неразвитость потенциала гражданской активности населения. Домодерные сети создают крепкие, внутренне гомогенные и сплоченные, но закрытые общности, совокупность которых образует фрагментированное негражданское общество. Интеграцию такого общества обеспечивает символическая политика и силовой аппарат государства.

Образование модерных социальных сетей специфично для городов-мегаполисов и крупных индустриальных городов, в которых разными шагами идет постиндустриальное развитие. Модерные сети формируются в условиях высокой концентрации населения, развитой информационно-коммуникационной инфраструктуры и плюралистичной системы социального взаимодействия, основанного на экономическом, культурном и информационном многообразии групповых интересов. В мегаполисах при решении различных проблем индивид вынужден взаимодействовать с разнообразными группами на основе институционализированного доверия, выходящего за круг сильных связей межличностного общения. Как показывают результаты эмпирического исследования Дж. Гибсона, граждане, являющиеся частью модерных

---

¹⁹⁷ Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России. // *Общественные науки и современность*. 2002. № 3. С. 23.

¹⁹⁸ Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации. // *Pro et Contra*. 2012. Май-июнь. С. 12.

социальных сетей, характеризующихся слабыми связями, представляют новый тип современного человека, они в большей степени принимают новые ценности, поддерживая демократические институты и процессы¹⁹⁹. Особенно современные сети актуализируют потенциал гражданского участия в условиях авторитарного режима, где существуют ограничения публичности и институциональных каналов, обеспечивающих влияние граждан на принятие политических решений. Модерные сети в первую очередь обеспечивают коммуникацию граждан информацией нового типа, но в условиях кризисных ситуаций, и, особенно, – в обществах, переживающих переход от одного социального уклада к другому, эффект от продвижения демократических ценностей через слабые связи будет наиболее высоким, так как у граждан нет достаточного опыта в демократическом управлении и демократические институты и процессы пока не особенно понятны и обсуждаемы. «Действительно, – пишет Дж. Гибсон, – в стабильных демократических государствах слабые связи могут не оказывать никакого эффекта на процесс социального обучения демократическим институтам и процессам, так как информация и так находится в свободном доступе»²⁰⁰. В отличие от домодерных сетей, поддерживающих сотрудничество внутри каждой группы, модерные сети, или сети гражданского участия, преодолевающие социальные разрывы и составляющие каркас гражданского общества, стимулируют более широкое сотрудничество в контексте всего общества, в том числе ориентируясь на сотрудничество с органами публичного управления.

Внутри современного сетевого уклада также существуют анклавные постмодерные социальные сети, в которых индивиды отличаются высоким уровнем социального воображения, основанного на знаниях, и рефлексивной включенности в публичное пространство, что способствует образованию дискурсивных сообществ с высоким потенциалом политизации, но существующих в информационном пространстве Интернета. Такие сети стали результатом индивидуальной модернизации граждан в условиях формирования нового сетевого образа жизни в глобальных масштабах. Процесс формирования глобальных коммуникаций и глобальной культуры открыл гражданам возможность для формирования новых идентичностей, позволяющих преодолеть деинституционализацию и взаимное отчуждение государства и общества, социальное напряжение в общественном пространстве²⁰¹. Благодаря образованию постмодерных социальных сетей в конце 2000-х гг. в ряде стран стали стихийно возникать новые социальные движения, которые, будучи привязанными к локальным точкам, приобретали региональный, а в некоторых случаях и национальный размах. Постмодерные сети формируют новый общественный «запрос на гражданственность»²⁰²; они

---

¹⁹⁹ Gibson J.L. Social Networks, Civic Society, and the Prospects for Consolidating Russia's Democratic Transition. // *American Journal of Political Science*. 2000. Vol. 45, № 1. P. 65.

²⁰⁰ Ibid. P. 66.

²⁰¹ Грин С. Природа неподвижности российского общества. // *Pro et Contra*. 2011. Январь-апрель. С. 9–10.

²⁰² Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях: материалы круглого стола сотрудников РУДН. // *Вестник РУДН. Сер. Политология*. 2009. № 4. С. 91.

возникают снизу и исходят из конкретных проблем, когда граждане вынуждены самостоятельно инициировать их решение, исходя из собственных специфических интересов.

Домодерные, современные и постмодерные социальные сети довольно репрезентативны как объекты компаративных исследований, в ряде стран они представлены в национальных ландшафтах в различных объемах. С точки зрения российской специфики уникальны сети, основанные на инерционных политико-культурных паттернах советского образа жизни (адаптация к распределительной экономике и идеолого-репрессивным методам контроля над публичностью) и новых символических формах, присущих современному политическому режиму²⁰³. Такие сети существуют преимущественно в промышленных городах с монопрофильным производством, где проживет более четверти населения страны. Монопрофильные города стали наследием советской территориально-отраслевой экономики, их градообразующие предприятия (в основном машиностроительные, военно-промышленные и др.) не входили в сферу интересов консолидирующего крупного бизнеса, так как требовали серьезных вложений в стагнирующую технологическую инфраструктуру производства и социальных инвестиций в местное сообщество. Их жители зачастую обладали низкой производственной квалификацией и, соответственно, имели низкий уровень жизни²⁰⁴. В укладе жизни моногородов сохраняются домодерные паттерны социальной персонифицируемой солидарности с ограниченными ресурсами самоорганизации и блокированием ценностей модерна. В то же время, выживая за счет распределительных механизмов экономики, сети консервируют доверие и демонстрируют институциональную поддержку к существующему режиму в период выборов. Некоторые авторы предлагают называть эти сети антимодерными, но данный термин противоречил бы этиологии сетей. Ведь они являются непосредственным продуктом индустриализации, бывшей сердцевинной советского модернизационного проекта. Видимо, с точки зрения как происхождения, так и современных реалий корректнее было бы использовать в этом случае термин «квазимодерные сети».

Сетевой ландшафт публичной политики объединяет множество ландшафтных звеньев, образуя гетерогенную структуру российского общества с разнонаправленными векторами эволюции, в которой точки роста систем гражданских отношений, основанных на солидарности и взаимных интересах в решении общих проблем, являются анклавными образованиями в домодерной и квазимодерной сетевой среде. Развитие конструктивного потенциала сетевых точек роста гражданской активности и их интегрирование в сообщество граждан возможно с помощью целенаправленной деятельности государства и общества по формированию институционализированной системы гражданского партнерства.

---

²⁰³ Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации. // *Pro et Contra*. 2012. Май-июнь. С. 12.

²⁰⁴ Зубаревич Н. Современная Россия: география с арифметикой. // *Отечественные записки*. 2012. № 1. Доступ: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/sovremennaya-rossiya-geografiya-s-arifmetikoy>

* * *

В сетевом ландшафте современной публичной политики актуализируются «старые» (традиционные кланово-родовые, местнические, патрон-клиентарные сетевые отношения) и «новые» (сети солидарностей, дискурсивные сети, сети новых гражданских движений) социальные сети, наблюдаются причудливые формы их конвергенции и мутации. Например, террористические организации, базирующиеся на социальном капитале традиционных обществ, широко используют современные сетевые практики, интегрируясь в органы власти и управления и создавая коррупционные сети, что делает их подвижными и трудно уязвимыми. Другим примером конвергенции нового и старого является глобальное управление в ЕС, где европейская бюрократия зачастую может, манипулируя информацией и осуществляя латентные/теневые взаимодействия с лоббистами, существенно деформировать в процессе сетевой координации выработанные публичные решения.

Изменения сетевого ландшафта могут быть обусловлены как трансформацией сетевых конфигураций, так и характером коммуникации между ними. Возникновение сетевых ландшафтных звеньев способствует диверсификации и усложнению сетевого ландшафта современной публичной политики, где все ландшафтные звенья, существующие в различных темпоральных режимах, начинают взаимодействовать на основе сетевой коммуникации, что способствует разгерметизации закрытых сетевых структур и их включению в производство общественных благ и гражданское партнерство.

Сетевой ландшафт публичной политики характеризуется открытым множеством практик и практических схем, связанных определенной сетевой структурой или пространством коммуникации акторов. Сетевые ландшафтные звенья трансформируют политическое пространство, деятельность акторов публичной политики и спектр их возможностей участия в принятии публичных решений. Сетевое структурирование пространства публичной политики позволяет в каждом конкретном случае не только выявлять и характеризовать дискурсивные практики и схемы выработки и реализации политических решений различными акторами, но и определять социальные условия их возникновения.

Раздел третий. ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: АКТОРЫ И ИНСТИТУТЫ

Появление и утверждение в политическом пространстве глобального мира новых политических акторов свидетельствует о расширении границ политики и политического. В ходе взаимодействий, зачастую конфликтного характера, новых и «старых» субъектов политического процесса происходят политические изменения как на политико-институциональном уровне, так и в сфере разработки и реализации управленческих решений. Прояснение вопросов о том, в какой мере политико-институциональные основания современных обществ соответствуют актуальным социальным потребностям и как преодолеть углубляющиеся разрывы между человеком и выступающими от его имени институтами представительной демократии, требует изучения институциональных трансформаций в динамике, соответствующей темпам перемен. Отразить эту динамику позволяет соединение субъектного и институционального анализа, осмысление институциональных изменений как результата деятельности вовлеченных политических игроков, которые, в свою очередь, сами меняются под воздействием трансформаций социальных институтов. Формируются новые идентичности и новые формы политического участия, представляющие альтернативное видение развития. При этом далеко не всегда, как показывают текущие события в зонах конфликтного противостояния на арабском Востоке или в Центральной Азии, такое видение отвечает задачам утверждения демократических начал и повышения качества жизни: вектор может быть и прямо противоположным.

Между тем контуры формирующегося политико-институционального порядка пока не обрели четких очертаний, а подвижность этих контуров и антиномичность трендов социально-политических трансформаций в современных «развитых» обществах дает основания, на наш взгляд, говорить о «процессуальной» демократии. Сущностные трансформации самой общественной системы способствуют появлению в этом контексте новых концептов, призванных обновить демократическую теорию и практику и привести их в соответствие с запросами и потребностями общества. Таким новым концептом стала мониторинговая демократия, рассматриваемая С.П. Перегудовым как форма массового гражданского участия и общественного контроля. В условиях кризиса институтов представительной демократии утверждается и ее антипод – «аудиторная» демократия. Вопрос о том, какие стимулы и механизмы могут помочь обществу обновить и укрепить демократическую траекторию политического развития, оказывается напрямую связанным с развитием различных форм общественной активности и гражданского контроля, вписывающихся в модель делиберативной демократии.

Все более заметную роль в политических взаимодействиях играют новые акторы, отличительная черта которых – отсутствие формализованных структурных опор и долговременной программы действий. Выдвижение таких акторов указывает на самоценность процесса этически мотивированной вовлеченности участников политической коммуникации, в ходе которого формируются новые политические идентичности. Так, новые пространства политического взаимодействия формирует мобилизация протестных сообществ (*protest publics*)

на основе использования сетевых ресурсов. *Д.Г. Зайцев* ставит проблему их концептуализации в контексте анализа политико-институциональных изменений, которые предлагается рассматривать на трех уровнях: ситуативном (*politics*), политико-управленческом (*policies*) и политико-институциональном (*polity*). При разнообразии конкретных требований представителей протестных сообществ всех их объединяет стремление добиться демократических перемен и ответственности власти перед населением, повысить уровень гражданского политического участия путем внедрения новых демократических практик (мониторинговой демократии, делиберативной демократии, электронной демократии и демократического управления).

Процессуальный и динамичный характер категории «политического пространства» ставит методологический вопрос о механизмах «обратной связи» между акторами и институтами. Общим трендом политического развития европейской политики является перераспределение управления по различным уровням. Этот набирающий обороты процесс не может не оказывать влияние на институциональную структуру политической системы Евросоюза. На примере городов видно, каким образом в результате трансформируются каналы представительства территориальных интересов и как это отражается на расстановке сил между национальным и субнациональным уровнями внутри государств-членов ЕС. Формирование и функционирование в рамках Европейского союза системы многоуровневой системы управления предполагает наличие не только большого числа акторов, вступающих во взаимодействия для продвижения групповых и широких общественных интересов, но и существование различных уровней, на которых такое взаимодействие может происходить. Обращаясь к анализу европейского политического пространства, *Е.Г. Довбыш* рассматривает города как «новых» политических акторов, природа и характер субъектности (*agensy*) которых остается пока не полностью проясненной.

Использование идентитарного подхода, потенциала категории социальной, и, в частности, политической идентичности в разных ее измерениях, открывает новые возможности для оценки мотиваций вовлеченных в процессы изменений участников. Вопросы о ресурсах поддержания гражданского согласия как важнейшей общественной потребности, о его сторонах – субъектах диалога и нового «общественного договора» – и институциональных опорах оказываются ключевыми в понимании перспектив современного развития.

Глава 7. МОНИТОРИНГОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ФОРМА МАССОВОГО ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

С.П. Перегудов

В ряду существенных факторов, определяющих состояние современного социума и перспективы политических изменений, одним из наиболее значимых является их демократическая составляющая. Будучи важнейшим слагаемым социального бытия, она чем дальше, тем больше сама обретает сложный, неоднозначный характер, во многом определяя экономическое, политическое и социокультурное самочувствие общества. Далекое не последним фактором,

способствующим продвижению демократических начал за пределы их ключевого звена – представительной демократии, – является осязаемое несовершенство этой последней.

Как было довольно давно подмечено рядом политологов, традиционная западная демократия, распространяясь вширь, одновременно испытывает все более осязаемые дисфункции, а ее институты – партии, парламенты, правительства, административно-бюрократический аппарат, сама система формирования власти – утрачивают некогда присущий им высокий общественный авторитет²⁰⁵. Все это побуждало и побуждает критически мыслящих ученых и политиков ставить вопросы о том, насколько уникальной и достаточной является парламентская демократия, и нет ли в современном социуме тенденций, которые могли бы расширить поле политического взаимодействия. Появляются концепции, призванные обновить демократическую теорию и практику и привести их в соответствие с запросами и потребностями общества. Особенностью наиболее значимых из них является то, что их авторы обосновывают свои выводы и предложения, исходя не из абстрактных умозаключений, а из тех тенденций и той практики, которые они отслеживают, анализируя реальные политические процессы, причем не только в странах Запада.

Об одной из этих концепций – мониторинговой демократии – и пойдет речь в данной главе. Однако прежде чем переходить к анализу ее сущности и конкретных проявлений в политическом дискурсе, необходимо хотя бы в самом сжатом виде упомянуть о других концепциях, с которыми она напрямую соотносится.

Мониторинговая демократия в контексте концептуальных дискурсов

Первые из них появляются уже в конце 1960-х годов, т.е. в период, когда парламентская демократия стала все осязаемее демонстрировать свои дефекты и изъяны. Именно тогда, на волне нового левого движения, появляется концепция прямой, партиципаторной демократии, но не в устаревшей к тому времени версии гильдейского социализма, а в ее осовремененном варианте, соотношенном с общественными запросами второй половины XX века.

Примерно в то же время, уже исходя из практики входившего в силу трипартизма, представители нового, корпоративистского направления в политологии выдвинули концепцию «демократии согласия». В соответствии с ее постулатами, параллельно представительной демократии и наряду с ней существует система взаимодействия профсоюзов, бизнеса и государства, которая на основе социального партнерства приобщает наиболее влиятельные силы общества к решению проблем, непосредственно затрагивающих как их корпоративные интересы, так и интересы общества в целом²⁰⁶.

В конце 1970-х годов большое внимание научного и политического сообществ привлекла выдвинутая известным американским ученым Арендом Лейпхартом концепция «общественной демократии» и «смешанного правления»

²⁰⁵ См. напр. Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях. // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. №5, 6. С. 38-45.

²⁰⁶ Наиболее глубокие исследования в области «демократии согласия» принадлежат перу Г. Лембруха, положившего в основу своих изысканий австрийский опыт социального партнерства (см.: Lembruch G. Liberal Corporatism and Party Government. // *Comparative Political Studies*. Vol. 10. № 1. April, 1977).

– с упором на выявление механизмов взаимодействия между различными «сегментами» современного общества (социальными, региональными, национальными, конфессиональными и др.) и их роли в процессе принятия политических решений²⁰⁷. Последний по времени (на сегодняшний день) в этом перечне – концепт «повседневной демократии», выдвинутый и обоснованный в публикациях британского Института исследований публичной политики²⁰⁸. В рамках этого концепта внимание концентрируется на «политическом процессе за пределами государства и рынка», т.е. на приобщении к этому процессу «низовых» социальных и политических групп и индивидов.

Концепция мониторинговой демократии, автором и разработчиком которой является основатель и руководитель лондонского Центра изучения демократии Джон Кин²⁰⁹, также органически вписывается в названный ряд, однако где-то из него выделяется. В отличие от всех перечисленных выше, она имеет более объемный, можно даже сказать – синтезирующий характер. В самом деле, когда, перечисляя многообразные виды «мониторинга властей», профессор Кин пишет о «гражданских жюри», независимых публичных расследованиях, участии граждан в бюджетном процессе, он, по сути дела выявляет формы общественной активности, напрямую вписывающиеся в принципы демократии участия в ее современном понимании; когда он обращает внимание на консультативные комиссии, «консенсус-конференции» и им подобные формы мониторинговой демократии, он напрямую вторгается в сферу «согласительной демократии»; точно так же упоминаемые им «гражданские ассамблеи», состязательные процедуры выявления общественных интересов, практику независимой экспертизы можно с полным на то основанием вписать в концепт «сообщественной демократии»; наконец, такие фигурирующие в его перечне виды мониторинга, как «парламенты меньшинств», «разбирательства на рабочем месте» и другие формы низовой общественной активности органично вписываются в концепт «повседневной демократии». Всего, согласно изысканиям Кина, в послевоенный период возникло около сотни видов мониторинга властей, которых, как он пишет, «раньше никогда не было»²¹⁰.

Сказанное выше ни в коей мере не означает, что автор концепта мониторинговой демократии всего лишь подвел под общий знаменатель разнообразные формы демократического взаимодействия, выходящие за рамки традиционной парламентской демократии. Во-первых, в отличие от упомянутых выше, этот концепт не «обходит стороной» традиционную, парламентскую демократию, а включает ее институты в общий мониторинговый дизайн. Во-вторых, «мониторинговая демократия» ни в коем случае не «перекрывает» другие, упомянутые концепты и не претендует на то, чтобы их подменить или заменить.

---

²⁰⁷ Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных сообществах. Сравнительное исследование*. М.: Аспект Пресс. 1997.

²⁰⁸ См. Stears M. *Everyday democracy. Taking centre-left politics beyond state and market*. L.: IPPR. 2011.

²⁰⁹ Подробно она изложена и аргументирована в его книге «Жизнь и смерть демократии» (Keane J. *The Life and Death of Democracy*. L., N.Y., Sydney, Toronto: Simon & Schuster. 2009), а также в лекции «Мониторинговая демократия», опубликованной им в видеоформате на посвященном этой работе сайте (см. <http://www.thelifeanddeathofdemocracy.org/>). На том же сайте – около 40 рецензий на книгу, сведения о переводах на другие языки и ряд других относящихся к теме материалов.

²¹⁰ См. Keane J. *The Life and Death of Democracy*. Op. cit.

Каждый из этих концептов имеет свою собственную, только данному типу демократического взаимодействия присущую специфику, и потому познавательная и практическая их ценность лишь возрастает от того, что модель мониторинговой демократии во многом опирается на содержащийся в них «исходный материал». Наконец, в-третьих (и это, пожалуй, главное), как и любой другой из перечисленных концептов, мониторинговая демократия имеет свой собственный, только ей свойственный «посыл», сводящий воедино весь массив конкретных тенденций и практик, от которого он отталкивается и на котором выстраивается.

Этот посыл заключается в самом слове «мониторинг», который автор определяет как «публичный контроль и публичная проверка тех, кто принимает решения, будь то в сфере государственных и межгосударственных институтов, неправительственных организаций или организаций гражданского общества, таких, как бизнес, профсоюзы, спортивные учреждения или благотворительные фонды»²¹¹. Иначе говоря, это не просто контроль, проверка, но и взаимодействие, существенно влияющее на сам характер демократического процесса и на роль общественных акторов в качестве его прямых участников.

Особое место среди выявляемых Дж. Кином практик занимают блогинг и другие формы медийного контроля. И хотя они специально им не выделяются, само название концепции явно указывает на приоритетное значение тех форм общественной активности, которые напрямую связаны с Интернетом.

Чтобы, однако, не ограничиваться обращением к работе Дж. Кина,²¹² я хотел бы далее проиллюстрировать адекватность мониторинговой концепции уже на фактах самого последнего времени, а также на материалах своих собственных изысканий и исследований других авторов.

Интернет как поле взаимодействия общества и институтов власти

Начну, опять же, с роли Интернета, который, как известно, буквально в считанные годы превратился в одну из самых важных и влиятельных сфер общественных коммуникаций. Такие его площадки, как *Facebook* и *Twitter*, а также уже упоминавшийся блогинг, многочисленные социальные сети и сетевые сообщества, вовлекли в активное информационное поле значительную и наиболее дееспособную часть общества. В отличие от традиционных средств массовой информации главным действующим лицом в Интернете стал не профессиональный журналист и его работодатели, а самодеятельные акторы, масса рядовых граждан. Именно они «делают» здесь погоду, и именно ими определяется повестка дня того мониторинга власти, который осуществляется через Интернет.

Примечательной особенностью самого последнего времени стало то, что и традиционные средства массовой информации стали менять свое лицо и через онлайн-ресурсы обретать роль представителя наиболее активной части своей читательской аудитории. Сотни, а иногда и тысячи исходящих от нее комментариев, сопровождающих наиболее злободневные публикации газет и журналов, не говоря уже о материалах блогов и онлайн-статей, радикальным образом изменили информационное поле, включая и его

---

²¹¹ Там же. Р. XXVI.

²¹² Подробнее о ней см.: Перегудов С.П. Рецензия на книгу Дж. Кина «Жизнь и смерть демократии». // *Pro et Contra*. 2011. №№ 1-2.

видеосоставляющую. Участие растущего числа граждан в различных видах электронной активности, и, особенно, в блогосфере, во многом облегчает выдвижение новых людей в большую политику, способствует демократизации процесса формирования политического истеблишмента. И хотя наряду с приверженцами конструктивных демократических принципов на виду и даже в фокусе всеобщего внимания нередко оказываются и сторонники деструктивных, антидемократических идей, возрастающая конкуренция на «лестнице, ведущей вверх» и растущая вовлеченность креативных сил гражданского общества в процедуры элитного отбора скорее способствует успеху первых, нежели вторых.

Естественным следствием такого рода переворота в СМИ стало обращение властей к интернет-ресурсам и превращение этого поля в площадку диалога общества и власти. Тем самым реализуется главный принцип мониторинговой демократии, а именно органичное сочетание контроля над действиями властей и взаимодействия с ними. Это взаимодействие нередко используется истеблишментом и близкими к нему корпоративными игроками для навязывания обществу собственных приоритетов и политической линии, но удается это им далеко не всегда.

Исключительно важной сферой активности электронных СМИ стало их участие в электоральном процессе. Пожалуй, впервые об этом участии в полный голос заговорили в связи с подготовкой и проведением всеобщих парламентских выборов 2010 г. в Великобритании²¹³. Однако серьезных качественных сдвигов в традиционной электоральной практике ни здесь, ни в других странах не произошло, а «эрозия доверия» продолжает нарастать.

Одним из становящихся все более популярных видов мониторинга «снизу» является уже хорошо известная всем, кто мало-мальски знаком с Интернетом, Википедия, именуемая иногда народной энциклопедией. Ее содержание непрерывно пополняется на безвозмездной основе инициативными пользователями Интернета и существенно расширяет информационное поле огромного числа граждан. Причем не просто расширяет, но и способствует формированию более компетентного знания, необходимого им для общения с властью и взаимодействия с ней²¹⁴. Все более распространенной формой мониторинговой демократии становится политический краудсорсинг, благодаря которому выявляется общественный запрос, вырабатываются общие позиции и рекомендации для властей различного уровня и компетенции²¹⁵. Технологией краудсорсинга начинают пользоваться и эти последние, и такое встречное движение способствует более плодотворному взаимодействию «низов» и

---

²¹³ См. об этом: Перегудов С.П. Первые электоральные выборы. // *Великобритания – 2010. Новая политическая ситуация*. М.: Институт Европы РАН. 2010. С. 36-46.

²¹⁴ Упомянув о «Википедии», следует различать ее англоязычный и русский варианты. Если первый из них основан преимущественно на выверенной экспертизе статей и потому заслуживает доверия, то второй еще во многом не дотягивает до этого уровня и требует проверки публикуемых материалов.

²¹⁵ Подробнее см. Мирошниченко И.В. Политическое измерение краудсорсинга в условиях модернизации современной России. // *Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований*. Краснодар: КубГУ. 2011. С. 99-109; Мирошниченко И.В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012. № 8 (3). С. 150-158.

«верхов». Во многом помогает выявлению предпочтений и интересов граждан быстро расширяющаяся практика «цифровой (электронной) демократии» (*e-democracy*), в рамках которой обсуждаются вопросы социально-экономического характера и в ряде случаев готовятся управленческие решения.

Становящиеся все более разнообразными формы интернет-мониторинга позволяют не только совершенствовать этот последний, но и стимулируют активность граждан во многих других сферах их жизнедеятельности, не имеющих прямого отношения к Интернету.

Современные формы социального партнерства и мониторинговая демократия

В ряду выдвигающихся на передний план видов такого рода мониторинга стоит особо выделить практику нового социального партнерства. Еще до кризиса, начавшегося в 2008 г. в странах Запада, новое социальное партнерство, в ходе которого взаимодействуют государство, бизнес и организации гражданского общества, стало занимать все более заметное место в решении социально-экономических проблем, с которыми в одиночку не могли справиться ни государство, ни бизнес, ни некоммерческие организации гражданского общества. Одним из направлений их взаимодействия стало восстановление городов и городских территорий, пострадавших от прогрессирующей деиндустриализации и перевода производственных активов крупного бизнеса в развивающиеся страны.

Типичным примером такого рода совместной активности трех упомянутых акторов стало возрождение Питтсбурга, пострадавшего от деиндустриализации, – некогда процветающей столицы сталелитейной индустрии США. В результате слаженного взаимодействия бизнеса, местных властей и некоммерческих организаций здесь удалось выйти на устраивавший все три стороны проект, который сочетал создание новых и перспективных бизнес-структур с качественным обновлением городской инфраструктуры и архитектурного облика города²¹⁶. Успех проекта был во многом обусловлен той ролью, которую сыграли в процессе его создания и реализации некоммерческие организации, сумевшие добиться того, чтобы новая городская среда и новый бизнес создавались и функционировали в соответствии с интересами рядового горожанина. Принципы мониторинговой демократии были, таким образом, воплощены здесь в жизнь и продемонстрировали свою адекватность.

Весьма показательна, однако, судьба другого проекта такого же рода, нацеленного на возрождение на новой основе столицы американского автомобилестроения – Детройта. Несогласованность действий сторон, слабость некоммерческих организаций и ориентация властей и бизнеса на чисто технократическое решение проблемы привели к тому, что большие городские территории, включая и некоторые центральные, превратились в пустыри и трущобы. Этот пример свидетельствует о том, что для успешного функционирования мониторинговой демократии одного лишь формального взаимодействия ее акторов явно недостаточно. Собственно, потому она и оказывается мониторинговой, что в основе ее – особая роль тех, кто призван вести мониторинг власти и бизнеса и на равных или почти на равных взаимодействовать

---

²¹⁶ Подробнее об этом см. *Public-Private Partnerships. Theory and Practice in International Perspective.* / ed. by J. Osborne L. & N. Y.: Routledge. 2007. Pp. 105-119.

с ними. Не менее существенно и преодоление преимущественно двустороннего характера (бизнес-государство) взаимодействия и более широкое включение в него гражданского общества и его организаций. В какой-то мере этот дефицит участия «третьего сектора» компенсируется развитием упоминавшейся выше системы нового социального партнерства, которое является своего рода продолжением трипартистской «демократии согласия» 1960-х – 1970-х годов и в котором вместо профсоюзов основными организациями, представляющими интересы «простого человека», стали НКО. Однако и эта система не обрела роли звена, существенно влияющего на состояние и развитие образования, здравоохранения и других социальных услуг. Весьма слабо развитой остается и «повседневная демократия», что признают даже те, кто выступает горячими ее сторонниками²¹⁷.

Противоречивость и непоследовательность в продвижении к мониторинговой демократии отчетливо проявляется и в тех ее формах, которые призваны усилить общественно полезные функции бизнеса, и в первую очередь, бизнеса крупного. Его исключительная и все возрастающая роль не только в экономической, но и в политической жизни общества превращает и даже где-то уже превратила его в не менее значимого актора, чем само государство. Недаром еще в конце прошлого века многие серьезные аналитики сочли вполне уместным называть корпорации «государством в государстве».

Причастность большого бизнеса к мониторинговой демократии реализуется, прежде всего, в существующей уже не один десяток лет доктрине и практике корпоративной социальной ответственности (КСО) и в ее относительно новом инварианте – корпоративном гражданстве (КГ), предполагающем, в отличие от традиционной, преимущественно филантропической социальной ответственности не одностороннее действие корпораций, а их взаимодействие с рядом так наз. стейкхолдеров («держателей интереса»). Последнее дает основание считать КСО и КГ одним из значимых институтов мониторинговой демократии.

В соответствии с принципами КГ к числу стейкхолдеров корпораций относятся их наемный персонал, акционеры, потребители, общественные организации, а также органы власти. Основная их роль в качестве представителей различных общественно-политических сил и интересов – побудить корпорацию как институт к социально ответственному поведению по отношению к ним самим и обществу в целом и превратить ее из «корпорации собственников», пекущейся исключительно о своей выгоде, в «корпорацию-гражданина»²¹⁸.

В течение последних лет целый ряд крупных корпораций не только приняли как «руководство к действию» означенные принципы, но и серьезным образом способствовали их реализации. Они стали активно участвовать в развитии системы образования, особенно профессионального, здравоохранения и других социальных услуг (в том числе и в рамках самой корпорации). Заметно продвинулись они и в области мер по охране окружающей среды, повышении качества своей продукции и услуг в соответствии с запросами потребителя.

Однако это ни в коем разе не означает, что весь корпоративный сектор «взял на вооружение» доктрины социальной ответственности и корпоративного

---

²¹⁷ См.: Stears M. *Everyday democracy. Taking centre-left politics beyond state and market*. Op. cit.

²¹⁸ Подробно об этом см. Перегудов С.П., Семененко И.С. *Корпоративное гражданство. Концепции, мировая практика и российские реалии*. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

гражданства. Во-первых, доля корпораций, ставших их последовательными приверженцами, составляет явное меньшинство, а в финансовом секторе таких компаний единицы. Во-вторых, среди тех компаний, руководство которых объявляет их социально ответственными и даже «хорошими гражданами» («*good citizens*»), немало таких, которые из всей совокупности ответственного поведения реализуют лишь отдельные его аспекты, да и то частично. Немало и таких, которые ограничиваются показными жестами. При всем том КСО и КГ – это понятия, за которыми стоит уже достаточно основательная практика, существенно влияющая на характер и содержание отношений бизнеса, общества и власти. Примечательно, что, несмотря на трудности, переживаемые бизнесом в условиях начавшегося в 2008 г. мирового экономического кризиса и последовавшей депрессии, приверженность наиболее продвинутой части корпоративного сектора этим доктринам отнюдь не снизилась.

Здесь, наверное, было бы уместно остановиться на глобальном измерении мониторинговой демократии и на продвижении к ней в странах и регионах, которые до недавнего времени однозначно назывались развивающимися. Полагаю, однако, что без такого рода экскурса все же можно обойтись, особенно учитывая тот факт, что изложенные выше принципы мониторинговой демократии имеют повсеместное значение, выявление же страновой и региональной специфики выходит за рамки задач, которые ставил перед собой автор²¹⁹.

Сказанного выше, думается, вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что мониторинговая демократия – это не просто реальный, но и развивающийся феномен, который требует от исследователя самого внимательного и взыскательного к себе отношения. Один из главных вопросов, по которому нет достаточной ясности, – это соотнесение демократического участия в рамках данной модели с традиционной партийно-парламентской системой. Как следует из тех изменений, которые уже претерпевает электоральный процесс, обе эти формы не просто сосуществуют, но и начинают органически взаимодействовать. Недаром Дж. Кин называет их взаимодействие «мутацией», т.е. таким наложением двух систем друг на друга, которое придает им обоим новое качество и в перспективе превращает представительную демократию и ее институты в особый вид той же мониторинговой демократии²²⁰.

Было бы, однако, явным упрощением полагать, что упомянутая мутация происходит лишь в сравнительно узких рамках электорального процесса. На деле взаимодействие традиционных и «мониторинговых» форм и институтов демократии осуществляется на всем пространстве их функционирования. Разница лишь в том, что в первом случае это взаимодействие непосредственное, прямое, а во втором – более широкое и зависящее от той интенсивности и тех масштабов, которые обретает внедряющийся в общественные отношения мониторинг.

---

²¹⁹ Читателю, который заинтересуется этими сюжетами, можно посоветовать обратиться к не раз упомянутой выше книге Дж. Кина, в которой развитию стран незападного ареала уделено особое внимание. В частности, в ней подробно анализируется ситуация в Индии, одной из стран, наиболее далеко продвинувшихся к мониторинговой демократии. Рассматривается и опыт таких стран, как Новая Гвинея, Сенегал, Танзания, где, как считает автор, также имеет место позитивный тренд (см.: Keane J. *The Life and Death of Democracy*. Op. cit.).

²²⁰ Keane J. *The Life and Death of Democracy*. Op. cit. P. 697.

Отсутствие на сегодняшний день качественных изменений в традиционной парламентской демократии означает, что тезис о мутации нуждается в более основательном прояснении как сугубо конкретного, так и общего, концептуального плана. В частности, требуется выяснить, в какой мере он применим к социальным движениям нового типа, получившим широкое распространение в целом ряде стран со сложившейся системой представительного правления, да и не только в них. Появление «гибридных» партий и движений на волне такой протестной активности сопровождается утверждением новых форм делиберативной демократии, вовлекающих рядовых граждан в процессы обсуждения решений на низовом уровне²²¹. Такого рода изыскания тем более важны, что в современной западной и отечественной политологии широкое хождение получает тезис об «устарелости», «изношенности» партийно-парламентских систем и якобы неизбежном их отмирании.

Российские альтернативы: «аудиторная» или мониторинговая демократия?

Не меньшую значимость, однако, имеют исследования популизма и популистских движений, противостоящих такого рода активности и существенного осложняющих и без того противоречивый политический процесс²²². Отталкиваясь от этих суждений, некоторые российские политологи утверждают, будто Россия получила шанс совершить очередной исторический скачок, миновав состояние классической представительной демократии и войдя в более продвинутое состояние демократии «аудиторной». Согласно их суждениям, российская реальность «подобна реальности в других развитых странах: политическое увядает, а вместе с ним увядает и гражданское». Партии же превращаются «в институты, которые служат лидеру»²²³.

Нетрудно видеть, что «аудиторная демократия», в рамках которой общество оказывается неким «партером», послушно внимающим речам и указаниям, исходящим от лидера, в полном смысле антипод мониторинговой демократии и демократии вообще. По сути дела, это тот же мониторинг, но уже с прямо противоположным знаком.

Вряд ли здесь есть необходимость доказывать, что между политическими порядками в западных, да и не только западных демократиях и в России существует принципиальная разница. Не подлежит, однако, сомнению и тот факт, что элементы «аудиторной демократии» существуют практически повсеместно, и в том числе в странах Запада²²⁴. Проблема в другом: обречено ли российское общество оставаться в роли «аудитории», пусть и с какими-то допусками, или же

---

²²¹ См. об этом: *Deliberative Mini-Publics. Involving Citizens in the Democratic Process.* / Grnölund K., Bächtiger A. and Setälä M. (eds.). Colchester: ECPR Press. 2014; см. об этом также главу Д.Г. Зайцева в настоящем издании.

²²² См. о них: Вайнштейн Г.И. Популизм в современной Европе: новые тенденции. // *Мировая экономика и международные отношения.* 2013. № 12.

²²³ Анашвили В.В. *Демократия в современном мире. Случай России* / Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 – начале 2009 года. Первый ежегодный доклад Института общественного проектирования. М.: ИНОП. 2009.

²²⁴ Манен Б. *Принципы представительного правления.* СПб.: Издательство европейского университета. 2008.

у него есть возможность разорвать этот замкнутый круг и выйти на принципиально иную, подлинно демократическую траекторию политического развития?

С точки зрения автора, ответ на этот вопрос зависит не столько от того, каким путем идет и пойдет дальше развитие представительных учреждений и электорального процесса, сколько от вызревания тех форм и методов общественной активности, которые вписываются в понятие мониторинговой демократии. Но есть ли в российском обществе ресурс и драйв, способный поставить ее на этот путь? Полагаю, что не открою ничего нового, если скажу, что сама политическая реальность последних лет убеждает в том, что определенные сдвиги в данном направлении имеют место.

Наиболее очевидные изменения связаны с той ролью, которую стали с некоторых пор играть в политическом процессе электронные СМИ. Быстрое, взрывное их развитие привело к тому, что использование Интернета в России и, особенно, в ее крупных городах к концу «нулевых» вышло практически на уровень «западных демократий». Особенно бросается в глаза рост активных его форм и прежде всего – блогинга, а также социальных сетей, сетевых сообществ самых различных уровней и калибров. Включились в онлайн-экспансию и многие периодические печатные издания, и, в первую очередь, – демонстрирующие ту или иную степень оппозиционности.

Как и в других странах, роль Интернета и осуществляемого в его рамках мониторинга в России нельзя признать однозначно конструктивной как с политической, так и с этической точек зрения. Это, безусловно, существенно осложняет процесс внедрения мониторинговой демократии. Но, как говорится, процесс пошел.

В ответ на вызов со стороны мониторинга «снизу» начал быстро развиваться и мониторинг «сверху», который, однако, не стал повсеместно превращаться в простого пособника вертикали власти. Но безуспешные попытки такого его использования сплошь и рядом имеют место, и хотя чисто формально он ориентируется и на диалог, система «открытого правительства», возведенного Д. Медведевым, остается скорее благим пожеланием. Неудивительно, что ряд экспертов весьма скептически относятся к подобным инициативам, квалифицируя их как попытки «верхов» использовать новые методы укрепления своей власти или как «спекулятивную бюрократическую игру».

То же можно сказать и о «перезапуске» и «перезапуске», осуществить которое правительство намерено в отношении общественных советов, созданных при министерствах и ведомствах. Планируемое расширение состава этих советов и включение в них представителей основных социальных групп могло бы со временем превратить их в институты нового социального партнерства, о котором упоминалось выше. Говорить об этом, однако, можно пока только в сослагательном наклонении, поскольку ни организации гражданского общества, ни бизнес в России не достигли той степени зрелости и самостоятельности, которая необходима для хотя бы эпизодической реализации данной формы «демократии участия».

При всем том, в число победителей на выборах в законодательные собрания, а иногда – и на выборах мэров прорываются независимые кандидаты и кандидаты от оппозиционных партий. Определенные изменения претерпевают и отношения крупных корпораций с рядом стейкхолдеров. Ввиду

слабости гражданского общества и неразвитости малого и среднего бизнеса крупные корпорации и корпоративный сектор в целом играют в России совершенно особую, исключительную роль. Поэтому и указанные отношения здесь – это более значимая составляющая общественно-политического взаимодействия, нежели в большинстве других стран. Исследования в данной области фиксируют заметное, хотя и крайне медленное, продвижение ряда корпораций от простой благотворительности к развитым формам социальной ответственности, и в том числе – к корпоративному гражданству²²⁵.

Если, однако, мы попытаемся выявить наличие более широкого спектра видов и форм мониторинговой демократии, то обнаружим здесь весьма ощутимые лакуны и даже провалы. «Публично-частное партнерство» в России и соответствующая ему практика фактически исключают из данного взаимодействия организации гражданского общества и, таким образом, лишают само это партнерство важнейшего, демократического начала. Попытки ревизовать эту формулу и даже практику кое-где высвечиваются, однако ни о каком сколько-нибудь значимом движении в данном направлении говорить пока не приходится. То же самое можно сказать и о различных формах демократии участия и низовой демократии, характерных для развитого гражданского общества.

В самом широком, общеполитическом плане мы наблюдаем в России два параллельных процесса. С одной стороны – это заметные проявления различных видов «повседневного» мониторинга, который не бросается в глаза, но в той или иной степени воздействует на политический ландшафт. С другой стороны, пассивность основной массы россиян препятствует формированию консолидированного мониторинга и одновременно способствует результативности манипулятивной политики властей.

* * *

Хотя и в мире в целом, и, особенно, в России мониторинговая демократия находится в стадии становления, она уже обнаружила ряд черт и особенностей, придающих ей неординарную концептуальную и политическую значимость. Одна из главных ее особенностей – это способность к «самосовершенствованию», к тому, чтобы вбирать в себя постоянно меняющиеся формы и методы взаимодействия общества и власти, которые обнаруживаются на различных ее уровнях и пространствах.

Выражаясь конкретнее, она существенно обогащает тот арсенал средств, которыми располагает общество для мониторинга власти, причем делая это на всех основных жизненно важных направлениях активности социумов. Одновременно она стимулирует или вынуждает власти самых различных уровней и компетенции вступать в диалог с обществом и его акторами, функционирующими на тех же уровнях. Все это позволяет рассматривать мониторинговую демократию одновременно и как исключительно важную реальность, и как многообещающий проект.

Разовьются ли нынешние ростки мониторинговой демократии и в мире в целом, и в России в более или менее полноценную систему институтов и

---

²²⁵ Перегудов С.П., Семененко И.С. *Корпоративное гражданство*. Цит. соч.; Тульчинский Г.Л. *Корпоративные социальные инвестиции и социальное партнерство: технологии и оценка эффективности*. СПб.: НИУ–ВШЭ. 2012.

практик, зависит от целого ряда быстро меняющихся факторов и обстоятельств. А потому предсказать, состоится эта система или нет и в какой степени она сможет повлиять на динамику институтов представительной демократии, сейчас вряд ли возможно. Как, однако, пытался показать и доказать автор, вероятность такого развития существует, а потому существует и возможность глубоких качественных сдвигов не только в тех или иных сферах общественного устройства, но и во всей совокупности отношений власти и общества.

Глава 8. МАССОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА

Д.Г. Зайцев

Массовые политические протесты последних лет, начиная с событий «арабской весны» 2010-2011 гг., когда выступления граждан охватили регион Ближнего Востока и Северной Африки, и заканчивая последними событиями на Украине, являются важным фактором политических перемен. При этом, раз возникнув, протесты продолжают и сохраняют свое влияние на политические изменения в США и Европе, России, Украине, Бразилии, Турции, Египте, Тайланде и многих других странах, представляющих все континенты мира. Это позволяет некоторым исследователям говорить о возникновении нового явления – феномена протестных групп граждан или протестных сообществ (*protesting publics*)²²⁶. Последние становятся не только факторами, но и акторами политических перемен в современных политиях, что требует уточнения существующих методологических подходов и инструментария исследований политических изменений, а также роли различных движущих сил (акторов и факторов) в этом процессе.

---

²²⁶ См.: Belyaeva N. *Public Action and Emerging of Protesting Public. Case of White Movement in Russia, winter 2011-2012*. Доступ: http://www.icpublicpolicy.org/IMG/pdf/panel_53_s_1_belyaeva.pdf. Belyaeva N., Dzhibladze A. «Public» as a «Social Actor» vs «Public» as a «Target Audience»: Conceptual Connection Between «the Public» and «Civil society». // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Под ред. Е.Г. Ясина. Книга 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2014. С. 377-389.

Несмотря на наличие большого количества исследований и литературы о протестах²²⁷, немногие авторы пытаются осмыслить их влияние на политические изменения и ставят таким образом исследовательский вопрос. В их числе работы Донателлы делла Порты и ее соавторов²²⁸. В них протесты рассматриваются в рамках теорий демократизации и концепции социальных движений. На стыке этих двух подходов ставится вопрос о роли протестных движений в процессе демократизации: «так как взаимосвязь между социальными движениями и демократизацией неоднозначная, необходимы систематические кросс-национальные сравнения, чтобы выявить условия и механизмы, с помощью которых процесс демократизации запускается и подталкивается снизу»²²⁹.

Но и в такой постановке вопроса есть ряд вопросов теоретико-методологического характера. Во-первых, существует проблема определения нового коллективного актора массового политического протеста. Во-вторых, вклад этого актора в процесс демократизации также представляется спорным. В-третьих, скорее необходимо говорить о влиянии протестов на политические изменения, что требует реконцептуализации самого понятия «политические изменения» и уточнения исследовательского инструментария.

Протестные социальные движения, протестные группы граждан или протестные сообщества?

В русле определения социальных движений, сформулированного С. Тэрроу и Ч. Тилли, *протестные социальные движения* можно определить как устойчивые практики коллективного действия граждан против политики власти, выражающиеся в протестных кампаниях, основанных на различных формах объединения граждан и их публичной саморепрезентации²³⁰. Принципиально, что *протестная кампания* не является разовым событием (митингом, демонстрацией или подачей петиции), это устойчивая практика взаимодействия активистов, представителей власти и протестующих в целом. Протестные кампании должны быть основаны на различных формах объединения протестующих, начиная с правил сбора средств на нужды движения и заканчивая созданием общественных организаций.

²²⁷ См., напр.: Andersson T., Djeflat A. *The Real Issues of the Middle East and the Arab Spring*. Springer. 2013; Bayram B. *Turkey's Political Crisis Undermining Democracy*. New York, NY: PlutoPress, 2010; Durac V. *Protest movements and political change: an analysis of the 'Arab uprisings' of 2011*. New York, NY: Institute of Human Relations. 2012; Howard, P. N., Hussain, M. *Democracy's Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring*. New York, NY: Oxford University Press. 2013; Larbi S., Heiko W. and Al-Zubaidi L. *Democratic Transition in the Middle East: Unmaking Power*. New York, NY: Routledge. 2012; El-Nawawy M., Khamis S. *Egyptian Revolution 2.0: Political Blogging, Civic Engagement, and Citizen Journalism*. Palgrave MacMillan Series. 2013; Rand D. *Roots of the Arab Spring: Contested Authority and Political Change in the Middle East*. University of Pennsylvania Press. 2013.

²²⁸ Della Porta D. *Mobilizing for Democracy. Comparing 1989 and 2011*. Oxford: Oxford University Press. 2014; *Spreading Protest. Social Movements in Times of Crisis*. Della Porta D., Mattoni A. (eds.). ECPR: ECPR Press. 2014.

²²⁹ Della Porta D. *Mobilizing for Democracy*. *Opp. cit.* P. 14.

²³⁰ Tarrow S. and Tilly Ch. *Contentious Politics and Social Movements*. // *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. / Boix C. and Stokes S. (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2009.

Институционализация гражданской активности в конкретные формы (структуры, организации или программы) часто происходит после того, как протестное движение достигнет своего пика, при этом данные формы могут использоваться движением при будущей возможной мобилизации, если условия для протеста будут более благоприятными. *Значимость публичной саморепрезентации* протестного движения выражается в том, что особым предметом заботы его участников является обеспечение представительства движения в публичном пространстве (ненасильственного характера кампаний, участие в них представителей «достойных» групп населения, таких, как духовенство или женщин с детьми); единства участников движения (через общие опознавательные знаки – баннеры, значки, элементы одежды, общие слоганы, песни, речевки); массовости (через обеспечение нужной численности участников различных событий – митингов, демонстрации, подписание петиций); выполнения взаимных обязательств (участие, несмотря на плохую погоду, определенная доля жертвенности, взаимопомощи, готовности к сопротивлению репрессиям). *Для протестного социального движения целью публичной саморепрезентации является не просто создание и поддержание имиджа движения, но обретение собственной идентичности и субъектности.*

Важно также отметить, что, согласно концепции социальных движений, возникновение, характер действий и успешность протестных социальных движений зависит от наличной «структуры политических возможностей»²³¹: «разнообразия автономных центров власти внутри политической системы; степени открытости (закрытости) политической системы для новых акторов; стабильности (нестабильности) элитных групп; доступа к влиятельным союзникам; терпимости элиты к протесту (склонность государства к использованию репрессий против активистов); и решающих изменений этих свойств»²³². Эти теоретические подходы разрабатывались для объяснения возникновения и трансформации социальных движений в США и Западной Европе (таких, как движение против рабства XIX века в США, движение за избирательные права женщин в конце XIX- начале XX вв. в Великобритании и США, движение за гражданские права чернокожего населения в США в XX в., молодежные протесты 1960-1970х гг. в Европе и США, движение против войны во Вьетнаме в США и антивоенное движение в Европе 1970-х гг.). Со временем эти подходы стали использовать для объяснения всех коллективных действий граждан, и они «впитали столь разные феномены и их значения и, более того, больше затуманили, чем прояснили изучаемую социальную реальность»²³³. Действительно, теория социальных движений с его определением протестных социальных движений мало применима к массовым политическим протестам 2010-2014 гг., захватившим почти все континенты (Ближний Восток и Северная Африка, Европа, Северная и Южная Америки, Азия) и получившим разные названия («Арабская весна», движение «Захвати» – Оссуру, «протесты против мер жесткой экономии» – *anti-austerity protests* – и прочие).

---

²³¹ Ibid.

²³² Ibid.

²³³ Tilly Ch. *Social Movements, 1768-2004*. Boulder. London: Paradigm Publishers. 2004.

Во-первых, рассматриваемые протесты не были организованы в масштабные кампании. Отсутствовало и постоянное взаимодействие протестующих с представителями власти. В целом происходящие протестные действия в этот период можно охарактеризовать как *диффузные*. И на киевском Майдане, и на Болотной, а затем и других площадках российского протеста, таких, как, например, «ОккупайАбай», было четкое разделение ролей, каждый знал, что делать (от уборки мусора и обеспечения едой до собственно протестных действий)²³⁴. Но эти роли не были закреплены за конкретными людьми и тем более организациями, каждый мог претендовать на любую роль просто по факту ее выполнения. Поэтому не было четкой границы между активистами и рядовыми участниками протестов, а власти, в свою очередь, часто испытывали затруднения во взаимодействии с протестующими, так как лидерство также было перетекающим. Те же оппозиционные организации и их представители, которые претендовали на лидерство (Яценюк и Кличко на Украине; Немцов, Навальный и Удальцов в России), никак не являлись базой протеста и не могли рассматриваться как полномочные представители протестующих.

Во-вторых, протесты не имели постоянной базы в лице общественных объединений или организаций. Такой базы не сложилось ни до, ни во время, ни на спаде протестной активности. Протесты были и остаются коллективным действием групп граждан, которые собираются по поводу определенного события (*issue-oriented*) для выражения своего недовольства действиями властей по поводу этого события и требования политических изменений. При этом неоднократные попытки «оседлать», канализировать или институционализировать и даже возглавить протест, которые предпринимались различными общественными организациями и партиями, во всех случаях были безуспешными (и в Бразилии, и в Египте, и в России). Протестующие после определенной паузы собирались вновь со старыми и новыми лозунгами, иногда, в том числе, направленными против представителей тех организаций, которые пытались возглавить протест. «Маятниковый» характер консолидации к коллективному действию – периоды активизации протестующих к действиям, как правило, уличным демонстрациям, сменяющиеся периодом сравнительного затишья – важная характеристика изучаемого явления. При этом периоды активизации происходят с завидным постоянством, ничуть не указывая на достижение пика или спада протестов.

В-третьих, в плане саморепрезентации, изучаемые протесты также с трудом могут быть отнесены к социальным движениям. С трудом можно говорить об общей политической самоидентификации протестующих. Например, российские протесты поначалу объединили граждан самых разных политических ориентаций – от представителей либералов до монархистов, соответственно, с разными слоганами, флагами и прочими внешними атрибутами. Также менялись главные требования к властям: например, от требований проведения честных выборов в России до мира на Украине. К

---

²³⁴ Зайцев Д.Г., Карастелев В.Е. Протестное движение в России 2011-2012 годов: проблема субъектности. // *Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Политическая наука. Ежегодник 2013.* / под ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН. 2013. С. 231-266.

протестующим предъявляли претензии, что у них нет четкой программы требований, что также вряд ли может говорить об их единстве как протестного движения. Не главным в рассматриваемых протестах было обеспечение массовости или представительности «достойных» групп граждан, хотя, например, представители духовенства, которые в глазах протестующих пользовались доверием, участвовали на киевском Майдане, а родители с детьми – частые участники протестов в России. Поэтому затруднительно говорить об общей идентичности протестующих, основываясь лишь на критериях, предложенных концепцией социальных движений, о которой уже говорилось выше (обеспечение представительства движения в публичном пространстве, внешнего единства, массовости и обязательности).

При этом нельзя также говорить, что такой общей идентичности у протестующих вовсе нет. При разнообразии конкретных требований всех их объединяет главная цель – добиться повышения политического участия и ответственности власти; требование глубоких демократических перемен, обеспечение ответственности власти перед гражданами. Эти требования являются следствием недовольства «качеством демократии»²³⁵ и характерны не только для полуавторитарных режимов, но и для протестов в демократических странах. Недовольство институтами представительной демократии выливается в требования перехода к прямой демократии путем внедрения новых демократических практик политического участия (мониторинговой демократии, делиберативной демократии, электронной демократии и демократического управления). Наличие именно таких общих характеристик идентичности протестующих в разных странах подтверждают данные социологических исследований, отмечающих «постматериалистический сдвиг»²³⁶ ценностных установок граждан: более важными становятся ценности самовыражения и самореализации, гражданского достоинства и участия.

В-четвертых, возникновение, характер действий и успешность протестов мало зависит от наличной «структуры политических возможностей». Протесты в Египте, также, как и протесты в России и других странах, были полной неожиданностью как для политиков и аналитиков внутри страны и даже самих оппозиционных лидеров, так и для внешних наблюдателей. Также неясно, если следовать концепции социальных движений, почему протесты продолжаются вопреки неблагоприятным условиям и ужесточению политического режима.

Поэтому массовые политические протесты, поднявшиеся на волне кризисного развития последних лет необходимо рассматривать как новое социальное явление, нового политического актора, для которого характерен ряд отличительных признаков. Это *отсутствие организации как базы коллективного действия; разнообразие форм внешней публичной саморепрезентации при наличии сложной многослойной идентичности; отсутствие организованной заранее спланированной и четкой кампании при преобладании уличных форм активности; отсутствие постоянного взаимодействия с властями.*

---

²³⁵ Morlino L. *Changes for democracy. Actors, structures, processes.* Oxford: Oxford University Press. 2012.

²³⁶ Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия.* М.: Новое издательство. 2011.

Соответственно, необходим новый теоретический концепт, чтобы объяснить это новое явление. Н.Ю. Беляева в своих работах²³⁷ предлагает называть коллективных акторов массовых политических протестов 2010-2014 гг. протестными сообществами (*protest publics*). «Чтобы передать сущность Болотной и схожих протестов, необходим новый теоретический концепт, который мы предлагаем искать в недавно возникшей “теории публик”. Эта теория предлагает название особому типу публики – “активная публика” или “агентская публика”, которая способна быть социальным актором, не имея организационных или институциональных оснований, в виде стоящей за ней организации гражданского общества или организованного социального движения. Важная новизна предлагаемого подхода заключается в том, что термин “протестная публика” позволяет концептуализировать практики гражданского участия, которые возникают в отсутствие какой-либо предварительной организации, которая, как считалось в предыдущих теориях, необходима для их осуществления»²³⁸.

Предлагаемый для изучения субъекта массовых политических протестов 2010-2014 гг. концепт (*protest publics*), возникший в рамках «теории публик»²³⁹, в настоящей работе предлагается переводить как «протестные сообщества», возможен также перевод этого термина как «протестные группы граждан». При этом и тот, и другой перевод неточен. Термин «протестные группы граждан» предполагает концептуализацию изучаемого явления в рамках концепта групп интересов. Группы интересов, прежде всего, предполагают наличие объединения или организации граждан, некой структуры, которая бы «сводила» «граждан на основе тех или иных специфических целей или функций», артикулировала коллективные требования и искала «оптимальные пути их продвижения интересов путем воздействия на политический процесс»²⁴⁰. Это расходится с реальной практикой протестов, описанной выше. Поэтому в данной работе автор не использует термин ‘протестные группы граждан’ для отсылки к рассматриваемому явлению.

Термин «протестные сообщества» отсылает нас к блоку литературы о «сообществах» и к понятию «политическое сообщество». Последнее можно определить как общность «акторов публичной политики и управленческого процесса... которых объединяет заинтересованность в продвижении политических решений»²⁴¹. Данное определение очень близко к поставленной в

---

²³⁷ См.: Belyaeva N. *Public Action and Emerging of Protesting Public. Case of White Movement in Russia, winter 2011-2012*. Доступ: http://www.icpublicpolicy.org/IMG/pdf/panel_53_s_1_belyaeva.pdf. Belyaeva N., Dzhiladze A. «Public» as a «Social Actor» vs «Public» as a «Target Audience»: *Conceptual Connection Between «the Public» and «Civil society»*. *Opp. cit.*

²³⁸ Belyaeva N. *Protest Public as a Social Actor: from mosaic of «issue-based groups» to the unity of «the other world possible»* (рукопись).

²³⁹ См. обзор литературы и исследований о концептуализации понятия «публика»: Belyaeva N. *Opp. cit.*

²⁴⁰ Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. *Группы интересов и российское государство*. М.: Эдиториал УРСС. 1999. С. 27.

²⁴¹ Панов П.В. *Сообщество (политическое сообщество)*. // *Политическая идентичность и политика идентичности. Том 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий (отв. ред. И.С. Семенов)*. М.: РОССПЭН.. 2012. С. 172-175.

данной работе задаче изучения протестов, их субъектности и способности не только подталкивать, но и осуществлять политические изменения. Однако термин «сообщество» предполагает наличие выраженной общей идентичности и организационной общности, которые, как было сказано выше, довольно размыты у рассматриваемых протестных групп. Тем не менее, определение, данное в монографии «Сообщество как политический феномен», а именно «политическое сообщество – социальный конструкт, который находится в постоянном движении и существует лишь постольку, поскольку воспроизводится в социальных практиках и взаимодействиях»²⁴², как нельзя лучше подчеркивает основные черты изучаемых протестов – их «диффузный» и «маятниковый» характер. Поэтому предлагается концептуализировать данное явление как «протестные сообщества».

Протестные сообщества и демократизация

В концепции социальных движений протесты изучались в организационном или историческом ключе. Одни описывали «причины возникновения, мотивы участия, социальный состав, способы организации, формы, методы и репертуары действий, ресурсы, цели и задачи, достигаемые результаты» движений²⁴³. Другие пытались вписать движения в более широкий исторический и социальный контекст²⁴⁴. Отношения между протестами и демократией концепция социальных движений рассматривала через призму институциональных возможностей для выражения протеста, не уделяя внимания тому, как протестные сообщества меняют демократические практики и институты²⁴⁵.

Теории демократизации уделяли мало внимание влиянию протестов на политические изменения. В рамках теории модернизации демократизация рассматривалась как один из процессов наряду с секуляризацией, урбанизацией и индустриализацией, а также национальной и промышленной революциями без выделения особой роли гражданских акторов. Особое значение отводилось влиянию на демократизацию социальных структур и институтов (рыночной экономики, всеобщего образования, среднего класса, организованного рабочего класса и проч.). Транзитология стала рассматривать процесс демократизации как процесс взаимодействия акторов по изменению политического режима, критикуя предшествующий структуралистский подход за излишнее внимание к макро-процессам и структурам, влияющим на процесс демократизации. Однако и здесь такие акторы, как протестные движения и сообщества, рассматривались в качестве маргинальных, мало влияющих на

---

²⁴² *Сообщество как политический феномен (под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой)*. М.: РОССПЭН. 2009. С. 21.

²⁴³ Халий И. *Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде*. М.: Институт социологии РАН. 2007.

²⁴⁴ Tilly Ch. *Social Movements, 1768-2004*. Boulder. London: Paradigm Publishers. 2004.

²⁴⁵ Подробнее об ограничениях теорий социальных движений к анализу роли протестных движений в процессе демократизации см.: Della Porta D. *Mobilizing for Democracy. Comparing 1989 and 2011*. Oxford University Press. 2014. *Spreading Protest. Social Movements in Times of Crisis*. Della Porta D. (ed.), Mattoni A. (ed.). ECPR: ECPR Press 2014. Pp. 9-14.

процесс демократизации и/или существующих как аморфное социальное явление (массы, толпа)²⁴⁶.

Во многом недооценка роли конкретных акторов в процессе демократизации происходит потому, что переход к демократии рассматривается в транзитологии как линейный процесс, последовательность сменяющих друг друга стадий (либерализации, демократизации и консолидации). В своей известной статье Т. Каротерс обобщил положения транзитологии, которые опровергаются политической реальностью и не могут быть аксиомами для исследователей демократии. Вот эти положения: «большинство недемократических стран испытывают переход к демократии; двигаясь от авторитаризма, они имеют тенденцию проходить через три стадии демократизации; проведение регулярных и реальных выборов не только дает новым правительствам легитимность, но и стимулирует долгосрочное развитие демократического участия граждан и ответственности власти перед гражданами; шансы страны на успешный демократический транзит зависят, прежде всего, от намерений и действия политических элит, и в меньшей степени от базовых экономических, социальных и институциональных условий и бэкграунда; строительство национального государства является второстепенной целью по отношению к демократизации и совместимо с нею»²⁴⁷. Их преодоление стало важным этапом, позволившим поставить вопрос о роли акторов в процессе демократизации.

Эти вопросы и были поставлены некоторыми исследователями. Л. Морлино в своих работах ставит вопрос следующим образом: «Каков главный механизм демократических изменений?». Он делит демократизацию на три разных процесса: демократический транзит и «инсталляция демократических институтов» или «переход от демократии к авторитаризму, или другому режиму», «демократическая консолидация или кризис», «повышение качества демократии или их ухудшение», имеющих разные механизмы изменений²⁴⁸. В центр процессов ставятся акторы, однако, с оговорками, что при анализе процессов демократизации в странах консолидированной демократии особое внимание должно быть уделено изучению структур. Важная роль в демократизации стран неконсолидированной демократии уделяется внешним акторам – например, Европейскому союзу²⁴⁹.

В развитие уже существующих в литературе теорий можно предложить следующие тезисы о «нелинейном» характере демократических изменений.

---

²⁴⁶ Подробнее об ограничениях теорий демократизации применительно к изучению роли гражданских акторов в процессе демократических изменений см.: Della Porta D. *Mobilizing for Democracy. Comparing 1989 and 2011*. Oxford University Press. 2014. *Spreading Protest. Social Movements in Times of Crisis*. Della Porta D. (ed.), Mattoni A. (ed.). ECPR: ECPR Press 2014. Pp. 4-9.

²⁴⁷ Carothers Th. The End of the Transition Paradigm. / *Journal of Democracy*. Vol. 13, No. 1, January 2002. The Johns Hopkins University: The Johns Hopkins University Press. 2002. P. 17.

²⁴⁸ Morlino L. *Changes for democracy: actors, structures, processes*. Oxford-NY: Oxford University Press. 2011.

²⁴⁹ *International Actors, Democratization and the Rule of Law. Anchoring Democracy?* / Morlino L., Magen A. (eds.). UK: Routledge. 2008.

Первое: демократические изменения – многомерный (нелинейный) процесс, на который воздействуют (вливают) разнообразные факторы и акторы, которые могут быть названы движущими силами (*drivers*). Поэтому демократические трансформации – это не движение по заданному вектору, но совокупность политических изменений, которые в итоге могут быть рассмотрены как движение по «нелинейной» траектории. Второе: важно разделять три типа демократических изменений – демократизацию авторитарных стран (возникновение и становление институтов «полиархии»), демократические изменения в странах «дефектной демократии» (преодоление дефектов институтов «полиархии») и изменения в странах «либеральной демократии» (повышение качеств демократии). Выделенные типы перекликаются с процессами демократизации, сформулированными Л. Морлино. Третье: демократизация в авторитарных странах главным образом направляется факторами (например, экономический кризис, развитие гражданского общества и протестной активности, кризис легитимности); на демократические изменения в «дефектных» и «либеральных» демократиях главным образом влияют акторы (международные организации, гражданские объединения, элиты)²⁵⁰.

Д. делла Порта поставила вопрос о роли протестных движений в процессе демократизации. Мы предлагаем уточнить исследовательский вопрос, формулировка которого будет более корректной в свете рассмотренных теоретических подходов, их возможностей и ограничений, а также имеющихся эмпирических данных о протестах. Во-первых, следует говорить не о роли протестных движений, а о влиянии протестных сообществ. Об этом уже было сказано выше. Во-вторых, на практике протесты часто приводят не к демократизации, а ровно к обратным или просто иным непредвиденным процессам. Например, в России волны протестов привели к ужесточению политического режима (приняты закон «об иностранных агентах», законы, ограничивающие право граждан на свободы собраний и проч.) и даже изменению векторов внешней политики России. В Египте протесты 2011 г. стимулировали процесс исламизации политики и приход к власти представителей исламистской организации «Братья-мусульмане». Президент Мурси ввел ряд репрессивных мер, протесты продолжились, в результате военными был в 2013 г. произведен государственный переворот, на выборах 2014 г. президентом был избран Ас-Сиси, военный деятель, организовавший переворот 2013 г. против избранного исламистского лидера Мурси. Перспективы демократизации в период правления Ас-Сиси, тесно связанного с военными элитами, представляются неопределенными. В Турции протесты привели к затяжному противостоянию властей и протестных сообществ, репрессиям властей в ответ на проходящие акции протеста, увольнениям расследовавших преступления о коррупции полицейских и прокуроров, власти приняли законы о контроле над Интернетом.

---

²⁵⁰ Тезисы были сформулированы авторами проекта НИУ ВШЭ «Разработка дискретных математических моделей для политического анализа в области изучения демократических институтов и прав человека» на основе проведенного исследования при участии автора данной работы, а также верифицированы на XXII Всемирном конгрессе политической науки в Мадриде, 2012. См.: Zaytsev D. Fighting Myths in Democracy Evaluation by Formal Concept Analysis Framework: Measuring Qualities vs Measuring Defects. 2012. / *International political science association. Online paper room*. Доступ: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_15163.pdf

Приведенные примеры подтверждает вывод о «нелинейном» характере изменений, важности прослеживания их траектории, на которую могут влиять протестные сообщества, двигая изменения не только в сторону демократизации, и не обязательно в обратном направлении, а в самые разные стороны, которые необходимо прослеживать и изучать. Траектория политических изменений, факторы и акторы, влияющие на нее, составляют механизм политических изменений. Поэтому вторым центральным понятием, после протестных сообществ, становится концепт политических изменений.

Протестные сообщества и политические изменения

В современной политической науке наиболее разработаны подходы к изучению макросоциальных изменений типов государства и общества (теория модернизации, мир-системный подход Валлерстайна), политических систем и режимов (теория демократизации, теория революций). Микросоциальные изменения установок и идентичностей человека также оказываются в центре внимания ученых²⁵¹. В то же время анализ изменения текущей политической ситуации и изменения политик (*policy change*) долгое время оставалось преимущественной сферой анализа прикладных экспертных исследований. С утверждением публичной политики как особой отрасли социальной науки изучение политических изменений стало предметом этого относительно нового научного направления²⁵².

Институциональные изменения также находятся в фокусе внимания политологов, которые, используя язык экономики, где институциональные исследования имеют несколько большую историю, сосредотачиваются на трансформациях политических институтов. Известны понятия «прерывистого равновесия» (*punctuated equilibrium*) С. Краснера, критических моментов (*critical junctures*) Р. Беринс Колиера и Д. Колиера и, конечно, «эффект колеи» (*path dependence*) П. Пирсона, которые пытаются объяснить процесс изменений и его ограниченность накопленным опытом развития институтов, структур, сообществ и проч. Л. Морлино в своем обзоре литературы о политических институциональных изменениях отмечает, что, несмотря на важность и значимость работ и исследований Р. Гудина, С. Краснера, Р. Беринс Колиера и Д. Колиера, П. Пирсона, К. Телена и С. Штеинмо, Дж. Махони и К. Телена, Г. Капочиа и Р. Келемена, они не могут быть частью теории демократизации или политических изменений²⁵³. Прежде всего, из-за высокого уровня абстракции представленных в этих работах результатов.

Во всех рассмотренных выше случаях речь идет о типах, этапах, причинах, ограничениях, факторах и даже агентах политических изменений; при этом концептуализация понятия «политические изменения» происходит в отрыве от изучения роли коллективных акторов в процессе самих изменений.

Восполняя существующий в литературе пробел в концептуализации понятия политические изменения, в данной работе автор фокусирует внимание, во-

²⁵¹ См. раздел IV настоящей монографии (главы И.С. Семененко и В.В. Лапкина).

²⁵² *European and North American Policy Change. Drivers and dynamics.* / Capano G., Howlett M. (eds.). L.: Routledge. 2009.

²⁵³ Morlino L. *Changes for democracy: actors, structures, processes.* Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 2011. Pp.8-9.

первых, на политических процессах, происходящих на национальном уровне, что не мешает, а позволяет делать кросс-национальные сравнения роли коллективных акторов в процессе политических изменений. Во-вторых, особое внимание уделяется механизмам политических изменений в изучаемых политиях.

Для этих целей необходимо объединить субъектно ориентированный (акторный)²⁵⁴ и институциональный теоретические подходы к анализу политических изменений. Это позволяет определить *три типа политических изменений: изменения текущей политической ситуации (situational change), изменения политико-управленческих решений (policy change) и институциональные изменения (institutional change)*. Данные типы выделены в контексте той сферы политики, где происходит процесс изменений: в сфере (процессе) борьбы за власть (*politics*), в сфере публичной политики, процессе принятия политических решений по актуальным общественным проблемам (*policy*), в политико-институциональной сфере (*polity*).

В фокусе предлагаемого подхода к анализу политических изменений – действия коллективных акторов, а именно, протестных сообществ, что позволяет ограничить политические изменения теми переменами, которые происходят на пике активности изучаемого актора. Это дает возможность проследить влияние данного актора на политические изменения всех трех типов, исходя из тезиса, что действия коллективного актора в короткий промежуток времени могут дать долгосрочный импульс, запустить механизм политических изменений²⁵⁵.

Механизм политических изменений – цепь инициирующих друг друга событий, связывающих макро причины (факторы или условия контекста или среды, внешней по отношению к происходящим изменениям) с обобщенными эффектами (тенденциями политических изменений) через действия индивидуальных и коллективных акторов²⁵⁶. Фокусируя внимание на механизмах политических изменений, мы выходим на нужный нам уровень анализа роли коллективных акторов, а именно, протестных сообществ, в механизме политических изменений. Также такой подход позволяет избежать упрощенного «линейного» понимания влияния акторов на политические изменения (выстраивания прямой зависимости произошедших перемен от действия акторов, или факторов, как это принято в количественных исследованиях, например, при моделировании регрессии), но позволяет оценить влияние

---

²⁵⁴ См., например, как акторный подход развивается в последнее время в сфере анализа изменений политико-управленческих решений (*policy change*): *Actor-centered Approaches of Policy Change: raising some theoretical and methodological issues*. Панель на трех сессиях Первой международной конференции по публичной политике. Доступ: <http://www.icpublicpolicy.org/Actor-centered-Approaches-of#>.

²⁵⁵ Подробнее о важности краткосрочных изменений, которые дают долгосрочный эффект см. литературу о понятиях и теориях «*eventful democratization*» или «*punctuated equilibrium*».

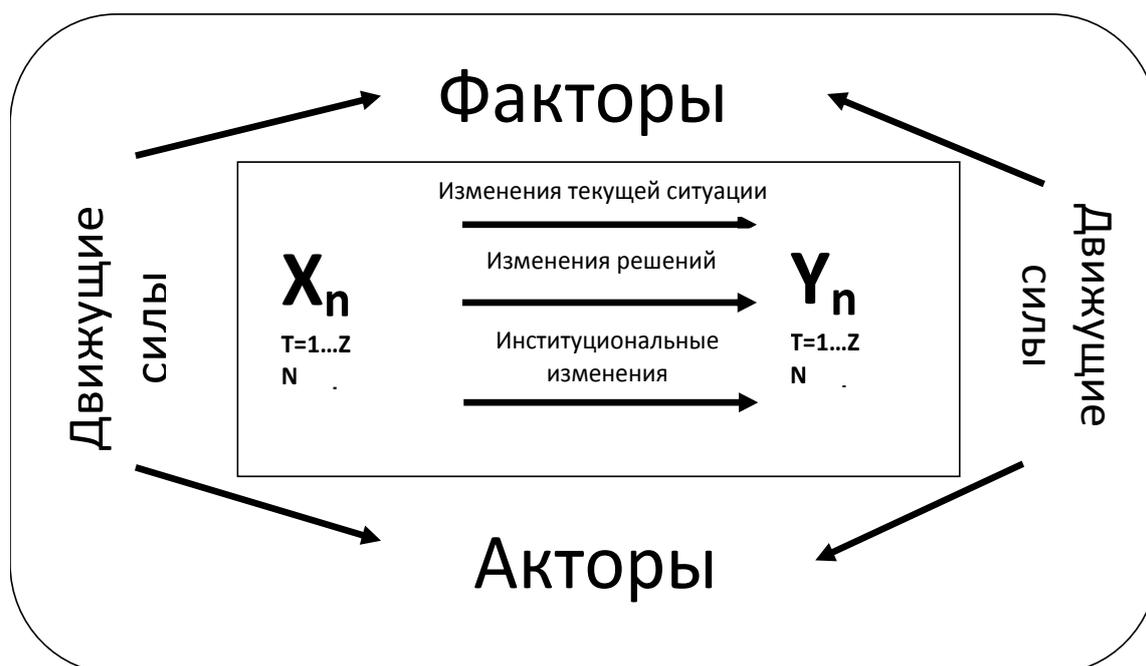
²⁵⁶ «Механизмы – цепь порождающих перемены событий, связывающих макро причины (как, например, трансформация контекста) с обобщенными эффектами (например, циклы протестов) через индивидуальных или коллективных агентов. Таким образом, я предполагаю, что поиск механизмов помогает уделить внимания как структурам, так и сообществам (agency)». (Della Porta D. *Mobilizing for Democracy. Comparing 1989 and 2011*. Opp. cit. P. 18).

акторов на изменения, учитывая взаимозависимость изучаемых переменных, не редуцируя сложные механизмы политических изменений.

Для концептуализации и операционализации представленного выше понимания политических изменений как механизма перемен, автор предлагает следующую схему (см. Рисунок 1).

Рисунок 1.

Механизм политических изменений (концептуальная схема анализа)

Для анализа важно определить начальную (X_n) и конечную (Y_n) точки во времени для выявления политических изменений в политической системе (N). Теоретически, траекторий политических изменений может быть столько, сколько существует локальных, национальных, региональных и глобальных политических систем в мире, но автор предполагает, что траектории могут быть обобщены в меньшее количество типов (Z), намного меньше, чем существующих в мире политических систем разных уровней (N).

Основные понятия, используемые при анализе – типы изменений. Изменения текущей политической ситуации – изменения во властной иерархии политических акторов и расстановке их политических сил. Изменения политико-управленческих решений – перемены в различных сферах публичной политики (миграционной политике, образовательной политике, политике в области здравоохранения и проч.). Институциональные изменения – становление новых, эволюция, инволюция и коллапс старых политических институтов. Движущие силы – внешние по отношению к происходящим изменениям факторы (экономические, политические, социальные, культурные) и действующие субъекты, акторы (правительственные и неправительственные организации, политики, политические партии, группы интересов, социальные движения, НГО, ассоциации бизнеса, корпорации, интеллектуальные сообщества и проч.).

Если в фокусе исследования в качестве движущей силы политических изменений такой политический феномен, как протестные сообщества, их активность может быть фактором изменений, а они сами – акторами перемен.

Поэтому, чтобы оценить влияние протестных сообществ на политические изменения, необходимо сравнить активность протестных сообществ с другими возможными факторами (см. таблицу 1).

Таблица 1.
Факторы политических изменений

Факторы	Параметры
Экономические	уровень развития экономики
	уровень коррупции
	уровень экономического неравенства
	уровень бедности
	уровень безработицы
	уровень инфляции
	структура расходов ВВП
Политические	уровень развития политических институтов демократии
	уровень развития гражданского общества
	уровень доверия государственным и общественным институтам
	уровень доверия политикам
	электоральная история
	электоральные предпочтения населения
	продолжительность правления (особенно тех, кем вызвано недовольство протестной публики)
	политическая идеология
внешнеполитическая ориентация населения	
Культурные	особенности политической культуры граждан
	общий уровень религиозности граждан
	распределение граждан по конфессиям
	распространенность материальных / постматериальных ценностей среди граждан
	информационная культура граждан
Демографические	численность населения
	средняя продолжительность жизни
	движение населения (рождаемость / смертность / миграция)
	возрастной состав населения
Социальные	социальное самочувствие населения
	уровень образования населения
	теснота социальных связей, уровень доверия
Активность протестных сообществ	уровень протестных настроений граждан
	количественные показатели протестов
	география протеста
	состав участников протеста
	реакция на протест
формы протеста	

Активность протестных сообществ является важным фактором политических изменений практически во всех странах, где прошли массовые

протестные выступления граждан в последние 5-6 лет²⁵⁷. Однако, чтобы понять механизм политических изменений, влияние протестов необходимо рассматривать в сочетании с другими факторами. Например, протестная активность в России (массовые протесты оппозиции 2011-2014 гг.) и в Бразилии (выступления граждан против нерационального расходования бюджетных средств, в частности, на проведение Чемпионата мира по футболу 2014 г.) была связана с существенным замедлением темпов экономического роста после значительного роста экономики в обеих странах. Также и в России, и в Бразилии к моменту протестов произошло увеличение «кластера» граждан, разделяющих постматериалистические ценности самовыражения. В результате основу протестных сообществ обеих стран составили представители «нового среднего класса». Но, несмотря на общность этих двух факторов, протестные сообщества в Бразилии оказались успешнее их российских аналогов (требования протестующих в Бразилии были частично удовлетворены), потому что развивались в условиях демократического развития страны, общественного консенсуса об экономической модернизации как инструменте решения социальных проблем, в качестве альтернативы авторитарной модернизации.

В России сложились иные политические условия: происходило нарастание авторитарных тенденций развития политического режима с опорой на экстенсивный экономический рост. Это привело к обратным результатам – требования протестующих не были удовлетворены вовсе. Наоборот, политическая элита взяла курс на маргинализацию протестных сообществ. Произошла поляризация общества на «пассивное большинство» и «активное меньшинство», оппозиционное к существующему режиму. Протестные сообщества также могут рассматриваться в качестве стратегических акторов (*strategic actors*)²⁵⁸, которые способны менять политику в своих интересах. Здесь важно оценить возможности влияния протестных сообществ на политические изменения, которые зависят от степени их субъектности / акторности (*actorness*)²⁵⁹. Параметры оценки субъектности представлены в таблице 2.

Общим для стран, где возникают изучаемые массовые политические протесты, является то, что протестные сообщества – автономные мало консолидированные акторы или субъекты политики, которые, несмотря на свой

---

²⁵⁷ Здесь и далее приведены предварительные выводы исследования «*Protest publics as the drivers of political changes*», которое проводится под руководством автора статьи, совместно с преподавателями и студентами кафедры публичной политики НИУ ВШЭ. Исследование основывается на статистических данных, вторичной информации (социологические и прочие исследования по теме), а также данных экспертных интервью со специалистами в России, Бразилии, Египте и Турции. Предварительные результаты исследования были представлены на XXIII Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки в Монреале в июле 2014 г. – см. Зайцев Д.Г., Герасимов В.К. *Protest publics as the drivers of political changes in Russia and Brazil: comparative analysis*. Доступ из личного кабинета IPSA: <http://www.ipsa.org/my-ipsa/events/montreal2014/paper/protest-public-drivers-political-changes-russia-and-brazil-compara>

²⁵⁸ Fligstein N. Fields, Power and Social skill: a critical analysis of the new institutionalisms. // *International Public Management Review*. Vol. 9. Issue 1. 2008. Доступ: <http://www.ipmr.net>.

²⁵⁹ Belyaeva N.Y. Analysts: «Consultants» or «Independent Policy Actors». // *Politicka Misao*, 2011. Т. 48. No. 5. P. 125-140.

диффузный аморфный и маятниковый характер, способны самостоятельно влиять на политические изменения. Этот тезис подтверждается данными экспертных интервью с исследователями протестов в России, Бразилии, Египте и Турции²⁶⁰. Его обобщил в экспертном интервью З.В. Ивановский (Институт Латинской Америки РАН). «Когда мы говорим о политических акторах или субъектах политики, мы руководствуемся нашими традиционными представлениями конца прошлого века, имея в виду движения, как, например, движение безземельных в Бразилии, партию или профсоюз. Они все институционализированы. Протесты – это новое явление, они спонтанные, сетевые. Нельзя сказать, что это не субъект политики. Это субъект, но он аморфный и неорганизованный, возникший посредством сетевой мобилизации граждан. Это значит, что тот, кто пришел сегодня, не знает, пойдет ли он протестовать завтра. Поэтому очень часто у правительства при взаимодействии с такими субъектами возникает проблема: с кем говорить? Протестующие выдвигают своих представителей для взаимодействия с властями, но и эти представители не являются постоянными. Это новое явление, характерное для разных стран, без видимых структур, комитетов, и руководства. Оно пока недостаточно изучено, но и недостаточно раскрылось. Мы находимся в переходном состоянии, когда появляются новые формы протеста, к которым не привыкли ни политологи, ни правительства. Это массовые спонтанные акции. Протест накапливается, а потом вдруг в какой-то момент взрывается, затем пар уходит, правительство что-то начинает делать, и, опять, протест накапливается и может взорваться»²⁶¹.

Таблица 2.
Параметры субъектности

Категории субъектности	Параметры
Степень политической консолидации протестных сообществ	общность интересов
	общность целей
	общность ценностей
	коммуникационная связанность
Степень политической автономии протестных сообществ	степень самоорганизации
	степень самоуправления
	степень самодостаточности
	способность к самостоятельному целеполаганию
	поддержание собственной идентичности

Вместе с тем, на примере протестов в России видно, что протестные сообщества имеют свою внутреннюю динамику. Опрошенные эксперты указывают на произошедшую со времени первых протестов в 2011-2012 гг.

²⁶⁰ *Protest publics as the drivers of political changes.* / Исследовательский проект под руководством автора статьи, совместно с профессорами и студентами кафедры публичной политики НИУ ВШЭ.

²⁶¹ Ивановский З.В. Интервью. / Исследование «*Protest publics as the drivers of political changes*», которое проводится под руководством автора статьи. Интервьюер – В.К. Герасимов. 2014.

консолидацию протестных сообществ. Они формируют новые политические партии и объединения, выдвигают и поддерживают политиков разных уровней. «В протестном сообществе произошло определенное структурирование, выделился кластер людей, которые готовы не одноразово выйти на улицу, а регулярно заниматься и вести общественные проекты, но с альтернативным знаком»²⁶². Из этого протестного движения вырос десяток общественных организаций, которые стали заниматься благотворительностью, развитием регионов, спасением нуждающихся. Главное, консолидировалась «протестная элита», в которой выявились лидеры, они стали узнаваемы для общественного мнения и до сих пор такими являются (А. Навальный, Б. Немцов, И. Яшин, Б. Акунин, Л. Ахеджакова, А. Макаревич, Ю. Шевчук, И. Ясина). Далеко не все из них претендуют на роль в избирательной системе, но являются знаковыми, консолидирующими фигурами для протестного общественного участия»²⁶³.

Упомянутые выше параметры являются базовыми для любого коллективного политического актора при оценке его влияния. Они указывают на способность консолидированного автономного актора влиять на изменения текущей политической ситуации, направлений публичной политики, политических институтов (см. Таблицу 3).

Таблица 3.

Параметры оценки влияния на политические изменения.
(начало; продолжение на следующей странице)

Категории влияния	Параметры
степень влияния протестных сообществ на изменения текущей политической ситуации – протесты привели к ...	смене политического руководства страны (в т.ч. главы государства, высокопоставленных должностных лиц)
	смене политической элиты страны
	смене экономической элиты страны
	смене культурной элиты страны
	ограничению власти (главы государства, высокопоставленных должностных лиц, представителей элит, «вето групп», в т.ч. религиозных лидеров, армии)
	изменению расстановки сил (иерархий и политических позиций, в т.ч. смене политических лидеров, типа отношений между акторами, основных политических конфликтов, их типа, смене политического спектра, осей, пространства, изменению характера политических дивидендов)
	изменению баланса сил (в т.ч. изменению (наращиванию или уменьшению) политических капиталов (организационных, экспертных, информационных, коммуникативных, финансовых, социальных ресурсов - ресурса связей, мобилизационных, символических ресурсов, ресурса места) протестной публикой и других акторов
изменению главной «политической интриги» (коалиций вокруг ключевого конфликта) и сценариев развития политической ситуации	

²⁶² См. примеры таких проектов: Общественная организация КАПИТАЛЬНО.ORG (<http://www.kapitalno.org/>); Независимый совет по правам человека (<http://nspch.ru/ru>).

²⁶³ Беляева Н.Ю. Интервью. / Исследование «*Protest publics as the drivers of political changes*», которое проводится под руководством автора статьи. Интервьюер – В.К. Герасимов. 2014.

Категории влияния	Параметры
<p>степень влияния протестных сообществ на изменения политико-управленческих решений в конкретных областях (социальная политика, экономическая политика, внешняя политика, демографическая политика и проч. - не менее двух областей)</p>	постоянное присутствие представителей протестных сообществ (ППС) в СМИ и Интернет путем создания информационных поводом по проблеме
	присутствие программных заявлений ППС в СМИ и Интернет, продвижение собственной программы решения проблемы
	наличие делегатов ППС в структурах политического управления, в том числе национальных (федеральных, региональных или локальных) органах, занимающихся решением проблемы
	наличие партнеров среди других акторов, занимающихся решением проблемы
	включенность в долговременные коалиции с другими гражданскими и правительственными акторами (например, через участие в совместных долговременных проектах), занимающихся решением проблемы
	частота участия ППС в реализации мер по решению проблемы (например, на условиях аутсорсинга правительственных услуг по заказу или самостоятельно)
	частота участия ППС в мониторинговых, экспертных, аналитических работах по оценке решения проблемы
	постановка ППС проблемы, ее структурирование и формулирование как проблемы адекватной контексту
	признание проблемы в сформулированном ППС виде другими акторами и субъектами политики
	включение в политическую повестку дня предложений ППС по проблеме правительственными акторами
	учет программных документов решения проблемы, разработанных ППС, в системе политического управления
	включение предложений ППС по решению проблемы в программные документы правительственных акторов
	включение предложений ППС по решению проблемы в (меж-) правительственные решения
	<p>степень влияние протестных сообществ на институциональные изменения - протесты привели к изменениям ... (в т.ч. законодательным и политическим)</p>
института выборов, выборности власти (в т.ч. институциональные ограничения политического вмешательства «вето групп»)	
включающего избирательного права (активного и пассивного, в т.ч. расширение «корпуса избирателей и избираемых»)	
института свободы выражения мнений (плюрализация, в т.ч. плюрализм политических мнений и идеологий)	
института свободы слова и независимых СМИ (в т.ч. появление альтернативных источников информации)	
института свободы ассоциаций (в т.ч. автономизация существующих и появление новых ассоциаций граждан)	
института свободы собраний	
институтов гражданского общества (развитие партийной системы, предпринимательских групп, гражданских объединений, волонтерства, религиозных объединений)	

Несмотря на отсутствие четкой программы требований у протестных сообществ, они добивались и добиваются изменений. В разных странах им удавалось достичь и ситуационных изменений, и изменений политико-управленческих решений, и даже институциональных изменений. Например, протесты в Египте 2011 г. привели сначала к смене правительства, а потом и президента Хосни Мубарака, находившегося у власти 30 лет; следующая волна протестов привела к свержению президента Мухаммеда Мурси, проведению досрочных президентских выборов в 2014 г. и победе нового президента Египта Абдул-Фаттах Саид Хусейн Халил Ас-Сиси. Протесты в Бразилии привели к поддержке властями требований протестных сообществ и принятию определенных политико-управленческих решений: отмене повышения транспортных тарифов в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро²⁶⁴; принятию планов по инвестированию доходов от нефтедобычи в образовательную сферу²⁶⁵, увеличению ассигнований на здравоохранение, образование и транспорт²⁶⁶, привлечению зарубежных врачей для повышения качества медицинского обслуживания, переводу государственных доходов от продажи нефти в развитие системы образования, оптимизации государственных органов власти в целях борьбы с коррупцией²⁶⁷, улучшению финансирования депрессивных районов страны²⁶⁸; принятию нового закона против коррупции²⁶⁹. В России протесты привели к становлению и развитию альтернативных институциональных практик протестных сообществ: институтов наблюдателей на выборах, свободы собраний, волонтерства.

* * *

Выделенные проблемы, касаются концептуализации таких понятий, как протестные сообщества (*protest publics*), политические изменения и механизмы политических изменений. Проблемы методологии анализа связаны с развитием подходов и инструментария к изучению коллективных акторов и их влияния, учитывающего сложность процессов политических изменений и взаимозависимость составляющих элементов. Это требует дальнейших исследований и накопления эмпирической базы для верификации и совершенствования предложенных концепций и подходов.

Предлагаемая методологическая модель позволяет оценить вклад протестных сообществ в механизм политических изменений по следующим

²⁶⁴ «Рассерженные бразильцы» победили мэров. / *Русская планета*. Доступ: <http://rusplt.ru/world/pobeda-demonstrantov-v-brazilii.html>

²⁶⁵ Протесты в Бразилии вынудили власти начать реформы. / *Русская служба BBC*. Доступ: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/06/130622_brazil_rousseff_address.shtml

²⁶⁶ Смирнов С. Власти Бразилии пошли на реформы из-за протестов. / *Ведомости*. Доступ: http://www.vedomosti.ru/politics/news/13480721/massovye_protesty_vynudili_vlasti_brazilii_k_reformam

²⁶⁷ Комолов О. Протесты в Бразилии. История вопроса. / *Коммунисты столицы*. Доступ: <http://comstol.info/2013/06/politika/6906>

²⁶⁸ Президент Бразилии обещает протестующим улучшение жизни. / *РБК*. Доступ: <http://top.rbc.ru/politics/22/06/2013/862960.shtml>

²⁶⁹ Сенат Бразилии принял новый закон против коррупции. / *Русская служба BBC*. Доступ: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/06/130627_brazil_corruption_bill

группам параметров: роль активности протестных сообществ в сравнении с другими факторами политических изменений; степень политической консолидации протестных сообществ; степень политической автономии протестных сообществ; степень влияния протестных сообществ на изменения текущей политической ситуации; степень влияния протестных сообществ на изменения политико-управленческих решений в конкретных областях публичной политики; степень влияние протестной публики на институциональные изменения.

Последние три группы параметров необходимо рассматривать в сравнении с анализом действий других акторов (представителей политической элиты, политических партий, общественных объединений, групп интересов). Также необходимо учитывать, что сами политические изменения тоже могут влиять на механизм последующих политических изменений, то есть условия среды и действия акторов могут изменяться из-за происходящих перемен.

Данная модель может быть адаптирована к анализу вклада в механизм политических изменений других коллективных акторов. Синтез двух методологических подходов – акторного и институционального – позволяет проследить влияние коллективных субъектов политического процесса на разные типы политических изменений. Речь может идти как об институциональных изменениях, так и об изменениях текущей политической ситуации и политико-управленческих решений.

Дальнейшие эмпирические исследования могут усовершенствовать предлагаемую модель, а также строить типологии и карты взаимодействий протестных сообществ и других коллективных акторов на основании выделенных параметров консолидированности, автономии и влияния на разные типы политических изменений. Совершенствование предлагаемой модели также может идти по пути уточнения описанных выше параметров, их более глубокой проработки и операционализации, которые позволят оценивать и измерять идентичность коллективных акторов, уровень их консолидации или автономии.

Глава 9. ГОРОДА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОПЫТ СУБЪЕКТНОГО АНАЛИЗА

Е.Г. Довбыш

Процессуальный характер категории «политическое пространство» выводит на поиски решений одного из основных методологических вопросов политической науки – о взаимодействии политических акторов и институтов и оценке их взаимовлияния на динамику политических изменений. В интеграционных процессах в Европейском союзе большое число акторов разной природы взаимодействует не только друг с другом, но и с институтами, располагающимися на разных уровнях управления – от локального до

общеевропейского. Поэтому изучение этих процессов открывает широкие возможности для разработки методологических проблем, возникающих в контексте анализа субъектов политико-институциональных изменений.

В европейском политическом пространстве субнациональные субъекты вообще и города – в частности, являются важными участниками процесса выработки решений. Изучение участия и влияния городов на процессы принятия решений (их субъектности / акторности) позволяет увидеть результат работы системы, в которой политическая власть распределяется по нескольким уровням. В такой системе граница между «управляющими» и «управляемыми» становится более тонкой и проницаемой: города во многом остаются в подчиненном по отношению к более высоким уровням положении, но в рамках многоуровневого управления они наделяются способностью оказывать влияние на принятие политических решений.

По Лиссабонскому договору (Договору о реформе), вступившему в силу в 2009 г., в Евросоюзе сохраняется суверенитет государств-членов. При этом структуры ЕС намерены уделять большее внимание региональному и местному измерению интеграционных процессов, а также связанным с этими уровнями общества социально-политическим и социально-экономическим проблемам.

Возвышение субрегиональных единиц ставит перед исследователями задачу концептуального осмысления их роли и места в политическом пространстве ЕС. Так, вопросу изучения влияния регионов как субъектов политического процесса в ЕС посвящено большое количество научных исследований, и за регионами уже широко признается роль вполне самостоятельных субъектов политического процесса в ЕС²⁷⁰. Но в отношении более мелких субнациональных единиц – городов, муниципалитетов, районов – такого консенсуса среди исследователей пока не сложилось (что во многом объясняется продолжающимися спорами о природе европейской политики)²⁷¹. Вместе с тем, это не только не снимает вопроса о том, какова их роль в пространстве политического взаимодействия в рамках ЕС, но, скорее наоборот, – стимулирует искать на него ответы, предлагать политические и управленческие решения.

Роли и месту регионов в политическом пространстве ЕС посвящены многочисленные исследования, и здесь сложился своего рода «дискурс регионализации»²⁷². Если же ставить вопрос в отношении городского уровня, то появляется возможность выйти на вопрос о взаимодействии акторов на разных этажах системы многоуровневого управления и таким образом точнее понять роль субнационального уровня как такового в европейском политическом пространстве. В повестке дня городских исследований – вопросы о причинах

---

²⁷⁰ См., напр.: Elias A. Whatever happened to the Europe of the Regions? Revisiting the regional dimension of European politics. // *Regional & Federal Studies*. 2008. V. 18. No. 5; Hooghe L., Marks G. and Schakel A.H. *The Rise of Regional Authority: A comparative Study of 42 Democracies*. Abingdon: Routledge. 2010.

²⁷¹ См. об этом: Прохоренко И.Л. Субнациональные элиты как субъекты трансформации политического пространства Европейского союза. // *Политическая наука*. 2014. № 2. С. 108-126.

²⁷² См., напр.: Jeffrey C. A regional rescue of the nation-state: changing regional perspectives on Europe. // *Europa Institute Mitchell Working Paper Series*. 2007. No. 5.

вовлечения городов в систему многоуровневого управления ЕС, мотивации и ресурсах выхода городов и их объединений на европейский уровень, каналах и механизмах представительства интересов городов внутри Евросоюза.

В этом контексте возникает ряд методологических вопросов, без предварительного рассмотрения которых невозможно продвижение в понимании реальной вовлеченности местного уровня власти в политический процесс на уровне ЕС. В отношении городов в первую очередь необходимо разобраться с проблемой их политической субъектности, тесно сопряженной с вопросом об их мотивах и интересах.

Город как субъект политического пространства ЕС

Некоторые политические теоретики полагают, что история теории политики – это постоянное столкновение двух фундаментально противоположных подходов к исследованию политической реальности. Один из них предполагает изучение реальности через призму политического действия, другой – через призму политических институтов. Эта проблема является общей для всех социальных наук. Такие теоретики, как Дж. Александер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Ю. Хабермас пытались решить её путём концептуализации двустороннего характера социальной реальности: актор предстает и как создатель социальной реальности, и как её создание. Между ними, таким образом, устанавливаются процессуальные отношения.

Аналогично, всегда процессуальны двусторонние отношения между политическим действием и политической структурой. Такой подход может быть использован при осмыслении таких многозначных политических феноменов, как, например, политическое пространство. Адекватное понимание этого феномена невозможно при использовании одного лишь акторного, либо институционального анализа. Политическое пространство формируется благодаря тому, что внутри него происходит взаимодействие между акторами, поэтому для его анализа необходимо учитывать динамические отношения между «деятелями», структурами и институтами.

В этом контексте ЕС – это хороший пример становления и развития многоуровневого политического пространства, понимание которого возможно лишь в категориях процессуальности и длительности. На примере динамики интеграционных процессов в Европе можно проследить, как происходило увеличение числа действующих в этом пространстве акторов за счёт добавления все «новых» субъектов (регионы, города и др.). Одновременно можно заметить, как формируемая акторами институциональная среда со временем начинает оказывать обратное воздействие на них.

Исследователи относят города к относительно новым акторам, при этом делая все необходимые оговорки относительно их былой роли в античной и средневековой Европе. В настоящее время сам факт вовлеченности городов в политические взаимодействия перестал вызывать споры. Широко признается, что города влияют как на внутригосударственные, так и на мирополитические процессы; сегодня дискуссии ведутся в основном вокруг вопросов о том, насколько значимой является их роль.

С точки зрения социологии действия, актор – это любой, кто способен играть роль внутри данной социальной системы. Французский социолог А.

Турен считает отличительной чертой любого актора способность действовать и вносить изменения в среду. Актор действует исходя из своих интересов, которые осознаются им в ходе взаимодействия с другими акторами и по мере контактов со средой. Для реализации своих интересов он использует разнообразные методы, выстроенные в определенной последовательности – он действует, сообразуясь со стратегией²⁷³.

С одной стороны, любой город – это физическая территория. Будучи территорией, он может быть изменен и использован другими субъектами политики. С другой стороны, город – это сообщество проживающих на этой территории, это пространство политических взаимодействий и борьбы за власть. В этом качестве город способен вступать в интеракции с другими социальными акторами.

На уровне города отчетливо видно, как физическая территория превращается в пространство политического взаимодействия благодаря тому, что индивиды и их группы вступают в отношения по поводу распределения власти. Да и сама физическая территория города становится не просто вмещением социально-политического взаимодействия, она вовлекается в него в качестве объекта.

Характеристики города как актора политики во многом зависят от качества политических взаимодействий внутри него, его внутренней политической среды, которая, как показывают исследования, в каждом городе уникальна²⁷⁴. Политическое пространство города часто менее идеологизировано: на уровне города происходит борьба не между политическими идеями и идеологиями, а между группами интересов, отстаивающих тот или иной план действий по решению конкретных проблем. В городах основными действующими лицами являются городская администрация, бизнес и общество, которые могут создавать городские политические режимы²⁷⁵ и тем самым формировать политическое пространство города.

Для того чтобы город, объединяющий в своем пространстве множество акторов различной природы, стал единым и обрел способность проводить согласованную внешнюю (по отношению к среде, окружающей город) политику, необходима предварительная работа. Большую роль в превращении города в целостность играют городские политические элиты, они часто выступают в роли консолидаторов разрозненного городского политического пространства и становятся общегородскими спикерами, представляющими интересы города во внешнем мире²⁷⁶.

Консолидацию городского сообщества поддерживает городская идентичность, которая является важным ресурсом развития территории. Эта идентичность формирует пространство включенности жителей в решение местных проблем и способствует объединению локальных политических

---

²⁷³ Цит. по: Clark J., Diani M. *Alain Touraine*. Boston: Psychology Press. 1996 P. 95.

²⁷⁴ См.: Ледяев В.Г. *Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012.

²⁷⁵ См.: Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*. Lawrence: University Press of Kansas. 1989.

²⁷⁶ См.: Sassen S. *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks, Ca: Pine Forge Press. 2006.

акторов, складыванию консенсуса по поводу городской политической повестки дня, а также осознанию наличия объединяющих разные группы общих интересов и необходимости их отстаивания путем взаимодействия с другими политическими субъектами на более «высоких» уровнях политики (национальном, общеевропейском, мировом).

Решающую роль в вопросе обретения городами определенной степени самостоятельности от других субъектов играет наличие у них ресурсов. Большой частью своих ресурсов европейские города обязаны дисбалансу в пространственно-территориальной организации глобального мира: значительные производственные, образовательные, научные, финансовые структуры и ресурсы концентрируются на территории городов. Это позволяет городам получать ренту с субъектов экономики и глобальной политики, использующих города как инфраструктуру для своей деятельности, и конвертировать эту ренту в определенную степень автономии.

Города, стремящиеся включаться в политические взаимодействия в ЕС, являются одними из тех акторов, которые «приватизируют» политику, так как представляют интересы не столь широкого круга людей, как, например, государства. Однако по сравнению с такими субъектами политического процесса, как ТНК, участие городов в принятии решений выглядят более легитимным, поскольку содержание «международной» повестки дня города определяется расстановкой сил в городской коалиции и является результатом интеракций между различными группами интересов, действующими на уровне города. Внутри города происходит переплавка интересов отдельных социальных групп в обобщенный городской интерес. Участие городов в политическом процессе на общеевропейском уровне способствует смягчению дефицита демократии за счет того, что у граждан европейских стран появляется дополнительный канал влияния на политический процесс в ЕС.

Городской уровень «демократии участия»

В настоящее время в Европейском союзе существует четыре уровня организации общества: локальный, региональный, национальный и общеевропейский (наднациональный). На каждом из этих уровней политический процесс с формально-юридической точки зрения осуществляется с помощью демократических процедур. Однако по объективным причинам такая сложная и многоуровневая политика, какой является ЕС, сталкивается с проблемой дефицита демократии. При этом консолидированные группы, обладающие необходимыми ресурсами, сохраняют способность влиять на политику (зачастую в ущерб общественным интересам). Такая «приватизация» политики актуализирует вопрос о возможных путях преодоления возникающего в рамках ЕС кризиса представительной демократии. Наиболее очевидное, хотя и не исчерпывающее решение проблемы – в улучшении системы представительства интересов как за счет совершенствования имеющихся каналов, так и за счет создания новых.

В Лиссабонском договоре для этого предусматривается реализация концепции «демократии участия». Говорится о необходимости увеличения числа участников, вовлеченных в процесс принятия решений. В результате кроме традиционных акторов (государства, общеевропейский институты) в политическом процессе все активнее заявляют о себе объединения граждан и

гражданские движения. Реализация принципа «демократии участия» в приложении к многоуровневому управлению в ЕС позволяет негосударственным акторам уйти от агрегирования интересов исключительно по национальному принципу²⁷⁷. Они получают дополнительные ресурсы, которые позволяют им обрести влияние на общеевропейском уровне и стать относительно самостоятельными субъектами политического процесса.

В многоуровневой системе ЕС не существует доминирующего канала представительства интересов: вместо этого – сети, действующие сразу между несколькими уровнями²⁷⁸. Кроме традиционных центров принятия важных для городов решений – национальных правительств – в ЕС существует надгосударственный уровень в лице Совета, Еврокомиссией, Европарламента, а также органов ЕС. Поэтому города и другие субнациональные акторы могут одновременно и в разных комбинациях проявлять активность на общеевропейском и национальном уровнях. Эта комбинация в случае каждого отдельного города или ассоциации муниципалитетов будет зависеть от стоящих перед ними целей.

Процесс принятия решений в модели многоуровневого управления является плюралистическим. Так, в политическом пространстве ЕС ни общеевропейский, ни национальный уровни не могут быть полностью независимыми в деле принятия своих решений. Города и муниципалитеты довольствуются, как и другие акторы, ролью *одного из многих* участников процесса. Хотя между такими участниками не может быть подлинного равенства (в силу различного объема доступных ресурсов), многоуровневая система управления ЕС предоставляет широкие возможности для представительства территориальных интересов.

Включение в политическое взаимодействие городов происходит из-за того, что локальный уровень важен как для национального, так и для общеевропейского уровней. Действительно, 70% населения ЕС проживает в городах, и порядка 70% всех принимаемых институтами ЕС решений имплементируются непосредственно на уровне регионов, городов, муниципалитетов, коммун²⁷⁹. Ввод в действие принимаемых решений или программ на уровне ЕС в сфере его исключительной или совместной компетенции в большинстве случаев переносится на региональный и локальный уровень, где они реализуются через набор конкретных действий. Городской уровень – важнейший с точки зрения европейского политического процесса. От работы местных администраций в том числе зависит, будут ли реализованы решения общеевропейских органов.

---

²⁷⁷ Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 1. С. 68.

²⁷⁸ См.: Marks G., Hooghe L., Blank K. European Integration From 1980s: State-Centric vs. Multi-Level Governance. // *Journal of common market studies*. 1996. V. 34. No. 3.

²⁷⁹ Council of European Municipalities and Regions. A new Treaty: a New Role for Regions and Local Authorities. 2010. Электронный ресурс. Доступ: <http://cor.europa.eu/en/documentation/brochures/Documents/84fa6e84-0373-42a2-a801-c8ea83a24a72.pdf>; см. также: Прохоренко И.Л., Стрежнева М.В. Власть и управление в Европейском союзе: организационные аспекты. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 6. С. 3-14.

ЕС стремится к тому, чтобы субнациональные акторы и города – в частности, всё активнее участвовали во взаимодействии. Так ЕС подключает управляемых к процессу управления, увеличивая тем самым не только качество имплементации своих решений, но и повышая вес своих институтов и увеличивая их легитимность.

Участие городов и муниципалитетов в многоуровневом управлении является выгодным и желательным для местного уровня власти в не меньшей степени, чем для общеевропейских институтов. Субнациональные акторы заинтересованы в участии в общеевропейских делах по объективным причинам. Во-первых, законодательство, принимаемое ЕС, имеет значительное влияние на городской уровень. Во-вторых, для большого числа местных органов власти и городов значительный интерес представляют выделяемые ЕС финансовые ресурсы в виде грантов и отчислений из структурных фондов.

Ассоциации городов как коллективные акторы

В большинстве случаев отдельные города и муниципалитеты обладают слабым влиянием на политические процессы за пределами своих регионов. Их ресурсов часто не хватает на то, чтобы эффективно взаимодействовать со своими национальными правительствами и оказывать на них заметное влияние²⁸⁰. Не говоря уже о том, чтобы оперировать на общеевропейском уровне. Поэтому основной формой участия городов в политическом процессе в рамках ЕС является коллективное представительство. Для достижения своих целей города организуют или же вступают в уже существующие международные ассоциации местных органов власти. Такие ассоциации выстроены по сетевому принципу, и в них происходит сложение имеющихся у участников ресурсов, что приводит к достижению большего результата. По форме такие структуры представляют собой некоммерческие организации, финансируемые из нескольких источников, при этом в их названии часто содержатся такие слова, как: союз, ассоциация, партнерство, сеть и др.

Ассоциации и организации городов – уникальное явление. Они могут одновременно быть заинтересованными группами, стремящимися к реализации своих интересов, и служить каналами доступа таких групп. Для городов они выступают в роли институционализированных точек доступа на общеевропейский уровень: отдельным городам они предоставляют возможность донести своё видение проблемы напрямую институтам ЕС. Одновременно они же выполняют роль «просителей», взаимодействуя со структурами ЕС.

Ассоциации городов могут рассматриваться, следовательно, и как акторы, обладающие собственными интересами, и как сеть. С одной стороны, ассоциации по своей природе – это сетевые организации, элементами которых являются города. С другой стороны, организации городов демонстрируют наличие собственных интересов, не сводимых к интересам создавших их муниципалитетов. К таким интересам, например, относится усиление позиций в конкурентной борьбе с другими ассоциациями городов за ресурсы и влияние на общеевропейской арене.

---

²⁸⁰ *Council of European Municipalities and Regions, Study on «Consultation procedures within European States», 2007; Council of European Municipalities and Regions. Division of Powers between the European Union, the Member States and Regional and Local Authorities. 2012.*

Ассоциации городов – это пример сложных по составу акторов политического процесса, которые концептуализируются в рамках акторно-сетевой теории (*actor-network theory*). Они состоят из самостоятельных элементов (города), которые соответствующим образом организованы и упорядочены. У сетей городов есть два уровня субъектности: к самостоятельным действиям способны и сеть в целом, и её отдельные элементы. Согласно Б. Латуру, одному из основоположников акторно-сетевой теории, в этом случае сети и акторы полностью взаимно обратимы – актор есть не что иное, как сеть, а сеть есть не что иное, как актор²⁸¹. Поэтому в контексте изучения роли городов в политическом пространстве ЕС такая двойственная природа ассоциаций предполагает проведение дополнительной работы по разграничению интересов собственно городов и организаций, действующих от их имени.

На общеевропейском уровне ассоциации и организации городов выступают в роли коллективного актора, обладающего интересами и стремящимся эти интересы реализовать. Они разрабатывают стратегии и тактики поведения, ищут дополнительные ресурсы, словом, ведут себя так, как и остальные участники политического процесса.

Территориальные интересы, ради которых города апеллируют к общеевропейским институтам, могут быть двух типов. Первый – это получение финансовых ресурсов, которые можно направить на развитие городской инфраструктуры или решение социальных проблем. Второй – это участие ради оказания влияния на политические процессы в ЕС, на процесс принятия значимых для городов решений, на реализацию регулирующего воздействия со стороны общеевропейских органов (например, в сфере норм охраны среды, городского планирования и т.д.).

А) Перераспределение ресурсов. Финансовый мотив сводится к стремлению привлечь финансовые средства для развития населенных пунктов. В центре внимания – гранты и безвозмездная помощь для городских территорий и муниципалитетов на основе схем, существующих в ЕС. Активность в этом случае сводится к поиску имеющихся возможностей финансирования структурными фондами ЕС, а основными точками являются собственные представительства в Брюсселе, на которые возлагается задача мониторинга изменения в этой сфере и техническое обеспечение подачи заявок.

Б) Влияние на принятие решений. В этом случае ассоциации действуют на опережение и влияют на процесс принятия решений путем участия в законодательстве. Акцент делается на тех сферах, где принятие общеевропейских нормативно-правовых актов ведет к административным или финансовым последствиям на городском уровне. Представительство интересов может осуществляться либо путем взаимодействия с органами ЕС и субъектами политики, либо через национальное правительство, членов Европейского парламента, лоббистские фирмы или общеевропейские, отраслевые или географические сети городов. Такого рода активность требует значительных ресурсов и доступна только сильным ассоциациям. Они, оперируя на европейском уровне, ожидают, что в итоге получают результат, который покрывает их издержки.

---

²⁸¹ Latour B. Networks, Societies, Spheres: Reflections of an Actor-network Theorist. // *International journal of communication*. 2011. Vol. 5. P. 800.

Показателен пример с активной вовлеченностью местных органов власти в процесс реализации Европейской стратегии биологического разнообразия (*European biodiversity strategy*). Для некоторых городов и локальных территорий новые нормы означают изменения в регулировании рыболовства, сельского хозяйства, развития туризма – важных для них сфер экономики. Поэтому они стали активно подключаться к процессу выработки и принятия решений в этой области. Поскольку сохранение биологического разнообразия относится к исключительной компетенции ЕС, заинтересованные города были вынуждены объединиться и начать взаимодействовать с европейскими институтами. Например, в Великобритании роль моста между органами ЕС и муниципалитетами играет ассоциация Территориального развития городов и сельской местности (*Town & Country Planning Association*)²⁸². Те же города и муниципалитеты, которые мало озабочены проблемой вводимых ЕС норм и ограничений, в деятельности этой организации не принимают участия.

Очевидно, что два типа причин (поиск финансов и участие в выработке политики) не являются взаимоисключающими и могут совмещаться в ходе деятельности местных органов власти и их ассоциаций.

«Точки доступа» к принятию политических решений

Политическое пространство ЕС устроено сложным образом: кроме вертикального измерения в нем присутствует и горизонтальное²⁸³. Проблема вовлеченности в процесс управления различных уровней власти дополняется проблемой представительства территориальных интересов.

Несмотря на то, что основные параметры системы многоуровневого управления сложились и закрепились в соответствующих институтах, эта система открыта для дальнейших нововведений. В частности, в процессе постоянного настраивания находится система представительства территориальных интересов, на примере которой может быть рассмотрен вопрос о соотношении политических субъектов и политических структур в рамках ЕС.

Одной из причин динамичности и изменчивости системы представительства территориальных интересов можно считать происходящие время от времени изменения интересов локальных и региональных акторов. Это, соответственно, приводит к тому, что меняется и совокупность территориальных интересов, которые должны быть представлены на общеевропейском уровне.

Другой причиной является сложное динамическое состояние субъектов политической деятельности и политических структур европейской политики. С одной стороны, существующие каналы представительства интересов структурируют политическое пространство и группируют акторов. С другой стороны, эти каналы суть структуры, которые постоянно претерпевают

---

²⁸² *Capitals of Biodiversity: European municipalities lead the way in local biodiversity protection*. La Trébere, Madrid. 2011. Электронный ресурс. Доступ: http://www.capital-biodiversity.eu/uploads/media/European_Capitals_ENG.pdf; *Multilevel-governance of our natural capital: the contribution of regional and local authorities to the EU Biodiversity Strategy 2020 and the Aichi Biodiversity Targets – Part B: Recommendations*. 2014. Электронный ресурс. Доступ: <http://cor.europa.eu/en/documentation/studies/Documents/QG0214637ENN.pdf>

²⁸³ См. Чихарев И.А., Прохоренко И.Л. Трансформация европейского политического пространства: изменения и направления. // *Политическая наука*. 2014. № 2. С. 18

изменения из-за того, что акторы оказывают на них встречное влияние. В результате, постоянно дрейфуют имеющиеся в ЕС «точки доступа», через которые субнациональные субъекты имеют возможность оказывать влияние на принятие решений. Кроме того, меняются и механизмы, с помощью которых территориальные интересы представляются на уровне ЕС.

С точки зрения городов и муниципалитетов система политического управления ЕС представляется открытой и доступной для влияния. В том, чтобы в многоуровневом управлении ЕС участвовали города и муниципалитеты, заинтересованы как акторы локального уровня, так и официальные органы Евросоюза. Однако взаимного интереса недостаточно. Не всем городам и их ассоциациям удастся стать значимыми участниками принятия решений.

Неравенство ресурсов является объективным фактором, ограничивающим возможности акторов принимать участие в управлении. Внутри политического пространства ЕС существует группа привилегированных субъектов, обладающих значительно большими ресурсами, чем остальные²⁸⁴. Они способны к более эффективному продвижению своих интересов. Кроме того, значительную роль играют официальные лица и бюрократы, доступ к которым тоже ограничен.

Города и их ассоциации должны пользоваться специальными возможностями – точками доступа. Они бывают формальными, организованными непосредственно институтами ЕС, и неформальными, возникшими «снизу» по инициативе городов.

Наибольшим влиянием и значением обладают те формы и каналы, которые предполагают общеевропейский масштаб, независимость от других институтов и способны оказывать непосредственное влияние на процесс принятия решений. Для городов и ассоциаций городов одной из наиболее значимых точек доступа является *Комитет регионов (КР)*.

Лиссабонский договор 2007 г. предусматривает важную новацию: теперь все три субъекта законодательной инициативы ЕС (Парламент, Комиссия, Совет) должны в обязательном порядке учитывать региональный и местный аспекты принимаемых ими решений. Для этого закрепляется обязательность предварительных консультаций по законодательным инициативам с основным институтом в системе ЕС, представляющим интересы субнациональных акторов – с КР²⁸⁵.

Сегодня для городов и муниципалитетов КР – это самый влиятельный институционализированный канал, с помощью которого они транслируют своё видение и свою повестку европейской политики. В своей деятельности Комитет активно привлекает ассоциации городов, в некоторых случаях может работать и с отдельными субъектами – будь то регионы или муниципалитеты.

КР имеет возможность участвовать не только в рутинной деятельности европейских институтов, но и в формировании повестки дня всего ЕС. Он это

---

²⁸⁴ Credit D. *Sub-national Governments in the European Union: Organization, Responsibilities and Finance*. La Defense: Dexia Ed. 2008.

²⁸⁵ КР был учрежден Комиссией в рамках реализации Маастрихтского договора в 1994 г. Его членами являются избираемые на региональных или местных выборах представители сегодня – более 330 человек.

делает путём работы над обновлением Национальных стратегий реформ и Ежегодного прогноза роста ЕС – важнейших программных документов.

В 2010 г. ЕС принял стратегию развития «Европа-2020», в которой отражены основные цели и приоритеты социально-экономического развития. У Стратегии-2020 есть важное национальное измерение – Национальные программы реформ, принимаемые государствами-членами, исходя из тех показателей, которые устанавливаются для них на общеевропейском уровне во время Европейского семестра. К разработке этого документа привлекаются субнациональные акторы – регионы, города и их ассоциации, существующие на территории страны. Они обсуждают предварительный вариант, анализируют законопроект и участвуют в контроле за его исполнением²⁸⁶.

Несмотря на то, что роль КР в процессе выработки решений в ЕС с подписанием Лиссабонского договора возросла, её нельзя считать значительной. КР обладает более чем ограниченными возможностями воздействия на процесс принятия решений. В своей работе с институтами ЕС он опирается на методы убеждения. Однако при этом он является хорошим каналом *представительства* территориальных интересов. Его сила состоит в том, что он действует от лица всех региональных и местных органов власти в ЕС. Общеевропейские институты, с которыми он имеет дело, вынуждены учитывать мнение КР, поскольку он представляет интересы тех, кому предстоит реализация принимаемых на уровне ЕС решений. КР успешно артикулирует интересы городов и ассоциаций местного самоуправления, но решение о том, учитывать их или нет, остаётся за официальными органами.

Помимо КР В 1990-е и в начале 2000-х гг. в европейском политическом пространстве работали *другие хорошо институционализированные и встроенные в систему ЕС точки доступа*²⁸⁷, через которые представлялись территориальные интересы городов. Так, при Европейской комиссии существовал Консультационный совет региональных и местных властей, при Европейском парламенте работала Группа представителей регионов и местных властей. До реформы органов управления ЕС национальные правительства могли направить в Совет министров ЕС для участия в работе по конкретному вопросу представителя какого-либо региона своей страны. По мере изменения институциональной структуры управления ЕС эти каналы перестали существовать.

Однако наряду с официальными и встроенными в институциональную структуру управления ЕС точками доступа, существуют другие. К их числу относятся уже упомянутые *Ассоциации городов*. Как отмечалось выше, в политическом пространстве ЕС Ассоциации городов могут выступать как в роли «просителей», стремящихся реализовать свои интересы, так и в роли «точек доступа», через которые представляются территориальные интересы субнациональных единиц. Всё зависит от того, насколько прочные (институционализированные) связи имеет та или иная Ассоциация с официальными органами ЕС.

---

²⁸⁶ *Delivering on the Europe 2020 Strategy. Handbook for Local and Regional Authorities. 2014.* Электронный ресурс. Доступ: <http://portal.cor.europa.eu/europe2020>

²⁸⁷ См.: Beyers J., Kerremans B. Domestic Embeddedness and the Dynamics of Multilevel Venue Shopping in Four EU Member States. // *Governance*. 2012. Vol. 25(2). Pp. 263-290.

Наибольшим авторитетом пользуется самая старая из независимых трансъевропейских зонтичных организаций городов – CEMR (*Council of European Municipalities and Regions*). В современном виде она существует с 1984 г. Она играет роль *независимого* представителя интересов всех городских властей в Европе перед лицом органов ЕС и стремится представлять местный и локальный взгляд на европейские решения и политику. Вместе с тем она тесно сотрудничает с КР, который часто использует её в качестве инструмента для подготовки своих решений и постановлений. Через многочисленные сети, организации и инициативные группы она также инкорпорирована в деятельность Комиссии. В целом её роль сегодня сводится к роли поставщика фактов и информации по широкому спектру вопросов, которые необходимы институтам ЕС для принятия решений, касающихся местного уровня.

В последние десятилетия в ЕС появилось множество новых независимых организаций городов, чье создание инициировалось снизу, самими городами и которым удалось институционализировать свои отношения с официальными органами ЕС. Причина увеличения их числа состоит в том, что в определенный момент одного лишь территориального представительства стало недостаточно. Организованные для представительства территориальных интересов ассоциации (такие, например, как Союз городов балтийского региона) оказались малоэффективными в сфере решения конкретных проблем. В результате появились «*проблемные*», или *целевые организации городов*.

Широкий круг заинтересованных участников в сочетании с концентрацией на определенной сфере или проблеме превращают такие организации не только в поставщика информации и идей, но и в активного участника лоббистской деятельности. Организации активно пользуются своим статусом компетентных экспертных центров, хорошо владеющих цифрами и фактами о состоянии той или иной проблемы «на месте». Именно это качество делает их значимыми участниками процесса выработки и реализации решений в глазах европейских официальных органов. Институты ЕС охотно консультируются с ними по вопросам их узкой компетенции, что является основным механизмом, с помощью которого эти ассоциации превращаются в точки доступа на европейский уровень для своих членов²⁸⁸.

С технической точки зрения, основным инструментом взаимодействия с институтами ЕС для городов, местных властей и Ассоциаций являются их *представительства в Брюсселе*. В 1985 г. свои офисы открыли регионы Бельгии и Германии. В 1990-е гг. наблюдался бурный рост числа региональных представительств из других европейских стран, а в 2000-е гг. стремительно увеличилось число офисов отдельных городов и ассоциаций муниципалитетов.

На сегодняшний день в Брюсселе работает порядка 50 офисов городов и 40 офисов ассоциаций²⁸⁹. Их работу осуществляет постоянный штат сотрудников. Часто они зарегистрированы по одному адресу с представительствами регионов.

Основная функция представительств – сбор и анализ информации о деятельности институтов ЕС, которая касается их городов и территорий.

---

²⁸⁸ Callanan M., Tatham M. Territorial Interest Representation in the European Union: Actors, Objectives and Strategies. // *Journal of European Public Policy*. 2014. Vol. 21(2). Pp. 188-210.

²⁸⁹ *Regional Offices Contact Directory*. Brussels. 2011.

Важнейшей задачей таких представительств является оперативная работа по поиску возможных программ финансирования развития городов. В связи с принятием в конце 2013 г. регламента по новой многолетней финансовой перспективе на 2014 – 2020 гг. их активность усилилась: они должны разобраться в нововведениях и способствовать разработке наилучшей стратегии, которая позволит их городам принять участие в реализации проектов под эгидой европейских структурных и социальных фондов и получить для этого соответствующие финансовые ресурсы. В 2014 – 2020 гг. у городов появляются невиданные ранее возможности финансирования: примерно половина Европейского фонда регионального развития (*ERDF*) – самого крупного фонда, действующего в рамках политики сплочения (*cohesion policy*), – будет потрачена на реализацию разного рода программ и проектов на городском уровне²⁹⁰.

Работу по анализу подачи заявок и отслеживанием их продвижения внутри бюрократического механизма ЕС выполняют представительства городов и ассоциаций в Брюсселе. Кроме этой функции, представительства по мере возможностей и потребностей своих городов занимаются лоббистской деятельностью. Сотрудники заняты выстраиванием коалиций и инициативных группы *ad hoc* с представительствами других городов, участвуют в неформальных встречах и общаются с представителями институтов ЕС, заключают договоры обслуживания с консалтинговыми фирмами.

* * *

Общим трендом политического развития ЕС является перераспределение управления по различным уровням. На этот процесс налагается другой – рост числа и расширение круга «делателей» политики Европейского союза. К традиционным акторам с середины 1980-х гг. добавились новые, субнациональные в лице регионов и городов, чья активность только увеличивается.

Результирующим эффектом этих процессов является трансформация институциональной структуры политической системы ЕС. С точки зрения институционального подхода, изменение структур происходит одномоментно. Однако это лишь заключительный этап продолжительного периода, в течение которого накапливается критическая масса институциональных микро-трансформаций. Главной движущей силой этого процесса являются деятельность политических акторов. С точки зрения методологии, внимание к акторам и их деятельности добавляет «процессуальности», столь необходимой для понимания общего вектора изменений.

Хорошей иллюстрацией является система представительства территориальных интересов в ЕС. В рамках многоуровневой системы сосуществует сразу несколько каналов, через которые города и регионы могут реализовать свои интересы. На общеевропейском уровне «точки доступа» сосредоточены вокруг Комиссии, существуют независимые каналы в виде трансъевропейских организаций городов. Однако ситуация с «точками доступа» некогда была иной. Например, ранее существовали другие институционализированные и встроенные в структуру ЕС каналы представительства, в то время как Комитет регионов – на сегодняшний день главный канал для выражения регионального и городского

---

²⁹⁰ *Статья 7(2) Закона о ERDF.*

видения европейских процессов – раньше был менее влиятельным. В целом же, в агрегировании и артикуляции интересов территорий главную роль играли государства-члены, а доступ на общеевропейский уровень для регионов и муниципалитетов был затруднительным. Сравнение с сегодняшним положением дел свидетельствует о том, что «точки доступа» перемещаются и изменяются, что система представительства территориальных интересов находится в процессе постоянной трансформации.

Стоит отметить, что категория «территориального интереса» тоже является проблематичной. В отношении городов, например, не всегда очевидно, чьи интересы они представляют на общеевропейской арене: интересы влиятельных элитных групп, действующих на городском уровне, или же некий «усредненный» интерес всего сообщества (и его отдельных групп, в зависимости от повестки дня). Ответ на этот вопрос во многом зависит от методологической позиции исследователей: «элитисты» и «плюралисты» рассматривают мотивы участия городов в наднациональном политическом процессе по-разному.

Вовлекаясь в политическое взаимодействие на уровне ЕС, города становятся в один ряд с другими субъектами, которые формируют политическое пространство ЕС. Благодаря имеющимся у них ресурсам, города в этом пространстве выполняют функцию не только объектов, но и субъектов управления. Они взаимодействуют с другими субъектами в рамках управления и регулирования (*governance*) и становятся участником более широкой группы акторов разной природы, объединенной вокруг важных проблем.

Участие субнациональных единиц в политическом процессе важно с точки зрения укрепления и развития новых форм демократии участия, соответствующих общественному запросу на расширение возможностей влияния граждан на процессы принятия решений. С одной стороны, увеличение числа участников усложняет процесс принятия решений, но с другой, это способствует учету мнений большего числа заинтересованных лиц, а открытие доступа для субъектов разной природы к процессу стремится компенсировать демократический дефицит, который остается мишенью критики евроскептиков и подпитывает сомнения рядовых граждан относительно эффективности наднационального управления. В этом контексте видимые результаты участия городов в европейском политическом процессе могут стать одним из стимулов дальнейшего продвижения европейского политического проекта.

Раздел четвертый.**ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА:****ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

В главах заключительного раздела монографии предпринимается попытка анализа тех зачастую неочевидных аспектов политического, которые многим исследователям представляются остающимися за рамками доминирующего макросубъектного подхода и потому – маргинальными направлениями политической науки.

Ставя задачу концептуализации человеческого измерения политики, авторы раздела стремились содействовать процессам актуализации в политической науке исследовательского интереса к личностному потенциалу «человека политического». А также – к переосмыслению наших представлений о той стремительно меняющейся социальной реальности, в которую мы погружены и которая составляет неотъемлемую «оболочку» нашего Я.

В этой радикально обновляющейся реальности, концептуальным форматом представлений о которой и стала глобализация, важнейшим атрибутом человеческого существования выступает «индивидуальная жизненная политика», а императивом адаптации к этой реальности – множественная самоидентификация. Через практики глобализации и концептуализацию ее социально значимого содержания происходит переосмысление проблемы личности в современной политике. Практики глобализации размывают ее традиционные институциональные и территориально локализованные основы, создавая множественные предпосылки «поворота» к человеку. Глобализация акцентирует персональную вовлеченность человека в политические действия, решительно трансформируя организационные формы политики: на передний план, тесня иерархии, выступают сетевые сообщества, формируя собственную политическую повестку, собственные цели и задачи, собственную идентичность и нормативно-поведенческий этос.

Все более значимым фактором социально-политических изменений становится индивидуальное, личностное начало человека, проступающее сквозь покров генерализирующих и социализирующих, унифицирующих практик современной коллективности. Все зримее становится человеческое присутствие в политическом процессе, проявляющееся сквозь привычные нам интегральные формы социального действия. Все настойчивее потребность в анализе структур и закономерностей формирования таких «совокупностей», в реконструкции формирующих их индивидуальных человеческих действий. Отстаивая свое право на самореализацию, человек выступает индивидуальным, постоянно действующим началом общественных трансформаций, все более активно проявляет заинтересованность в управлении условиями и перспективами жизнеустройства, в преодолении ограничений доступа к ресурсам собственного развития и закрепленного на макросоциальном уровне институционального неравенства.

Индивидуальная активность личности (социализированного индивида), становится в современных условиях революционизирующим фактором социальной трансформации и политической нестабильности. Вместе с тем, властные страты современного общества предпринимая титанические усилия

по мониторингу и разработке методов контроля и управления (манипулирования) этой социально-политической стихией, по использованию инновационного потенциала человеческой индивидуальности в интересах укрепления и сохранения своих властных позиций. Ключевой для политической науки вопрос при анализе этого острейшего конфликта современной политики – как «сопоставить несопоставимое», как соотнести и дать целостную картину политической динамики современного мира, как интегрировать вклад традиционных макросубъектов политики и стремительно растущую сегодня на «микроуровне» «человеческую» составляющую, активно претендующую на значимость и автономность собственной политической субъектности. Как перефокусировать исследовательскую оптику на «человека политического», рассматривающего сегодня отчужденные от него формы традиционной макрополитики и властного принуждения в качестве объектов его собственных преобразующих и гармонизирующих социальную сферу усилий.

Глава 10. ЧЕЛОВЕК В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

И.С. Семененко

Задача осмысления содержательных характеристик нынешних системных общественных изменений напрямую соотносится с потребностью в смене научной парадигмы, в рамках которой строится наше знание о развитии. Как известно, такая смена происходит не только в процессе накопления новых знаний о социальной реальности, но и на путях открытия новых возможностей их получения и использования в условиях критической недостаточности утвердившихся аналитических моделей. Расширение этого поля в политических исследованиях идет как за счет синтеза подходов из разных сфер социогуманитарного знания, так и путем концептуализации реалий, до сих пор не относимых (или относимых лишь частично) к сфере политического.

В политической науке традиционно и устойчиво доминирует макросубъектный подход. В центре исследований – институты и акторы, представляющие политический процесс как коммуникацию носителей политических интересов – государства, партий, движений, групп интересов и выступающих от их имени политиков, экспертов, публичных интеллектуалов и гражданских активистов. В таком контексте индивидуальное начало в политике имплицитно встраивается, за редкими исключениями, в контекст группового (коллективного) или – в русле аристотелевской логики – рассматривается как «отношение любой части к своему целому». Расхождение этих начал трактуется скорее как девиация, идущая вразрез с самой сутью взаимодействий выражающих надындивидуальные интересы политических акторов.

Ключевой показатель качества общественного развития – это социальный климат в сообществах, организующих социальное и политическое общежитие в современном мире – от национально-территориальных

(государств) и наднациональных (интеграционных объединений) до административно-территориальных (регион в составе государства) и локальных (город). Между тем социальное самочувствие индивида определяет не только уровень жизни и эффективность действующих в публичном пространстве институтов, но и структура его общественных потребностей, личная способность нравственного суждения о политике и готовность отстаивать демократические принципы политического общежития, по сути – реально быть, а не просто именоваться гражданином. В открытом информационном пространстве ключевой детерминантой демократического развития становится характер индивидуального восприятия политики и политико-управленческих решений. На этой основе формируется отношение к институтам публичной сферы и соответствующий уровень доверия и вовлеченности, непосредственно сказывающийся на функционировании общественной системы.

Тесное переплетение институциональных трансформаций и факторов развития, генерируемых на разных этажах организации социума, ставит проблему концептуализации этих взаимозависимостей в центр системного политического анализа. Для того чтобы попытаться найти ее решение, нам недостает, как отмечал в свое время мэтр исторической социологии Норберт Элиас, «мыслительных моделей и общего видения, с помощью которых мы, размышляя, могли бы ...постичь, каким образом многие отдельные люди образуют нечто большее, нечто иное, нежели просто совокупность множества отдельных людей, – как они образуют “общество” и как получается, что это общество может определенным образом изменяться»²⁹¹. Общественные науки, в том числе и в их постнеклассической ипостаси, такой универсальной мыслительной модели предложить не смогли.

Между тем в условиях стремительных изменений, которые описывают широко известные метафоры «столкновения цивилизаций», «текучей современности», «общества риска» и подобные, особенно острой становится потребность в осмыслении природы и характера связей человека с институтами, претендующими на организацию управления многомерными общественными процессами. Но социальные и культурные трансформации нередко обгоняют способности видеть социальность за рамками ее привычных форм и, тем более, адаптировать политические институты к новым общественным потребностям. В результате, как отметил тот же немецкий социолог почти полвека спустя после публикации в 1939 г. своего знаменитого труда – «Общества индивидов», – проявляется «эффект запаздывания»: «Мы-образ» оказывается «далеко позади реальности глобальных взаимозависимостей», а «захваченные этими изменениями люди в своей личностной структуре, в своем социальном габитусе еще продолжают оставаться на более ранней стадии» социальности²⁹².

Политические изменения как объект социокультурных исследований: человек в пространстве политических взаимодействий

Как человек присутствует в политическом процессе и каким образом можно выявить и концептуализировать его политическую субъектность? В

²⁹¹ Элиас Н. *Общество индивидов*. М.: Праксис. 2001 (1939, 1950, 1987). С. 19.

²⁹² Там же. С. 294, 305, 317.

контексте изучения современной социально-политической динамики индивида (от лат. *individum* – неделимое) можно рассматривать как «базовую единицу» анализа социальных изменений (имея в виду неизбежное при выстраивании аналитической модели упрощение, связанное с многомерностью и принципиальной неисчерпаемостью познания сущностной глубины человеческой личности). Рассмотрение социального изменения как результата «совокупности индивидуальных действий» – «фундаментальный принцип социологии действия» и идущего от Макса Вебера и Георга Зиммеля «методологического индивидуализма» в изучении таких изменений, позволяющего выявить их природу²⁹³.

Сердцевину смысложизненных исканий личности составляют бытийные основания человеческого «Я». Пространство, в котором осмысливаются взаимодействия личностного и социального начал в жизнедеятельности человека и пути разрешения конфликта стоящих за ними интересов, утверждаются нравственные ограничения на этих путях, формируют отношения индивида, общества и государства, представления человека о власти и политике. Так, в основе пресловутого «общественного договора» лежит негласное соглашение между «управляющими» и «управляемыми», но представительство последних через институты гражданского общества выявляет глубокие размежевания между элитными и массовыми группами, противоречия личных, групповых и «общественных» интересов. Такие противоречия выплескиваются за рамки публичной политики и далеко не всегда находят разрешение этически приемлемыми средствами. Политика как сфера борьбы за власть, за продвижение групповых и партикулярных интересов под видом «общественного блага» зачастую становится поэтому средоточием негативных эмоций и обманутых ожиданий как рядового избирателя, так и политика-профессионала.

Утвердившиеся в рамках системы представительной демократии ограничения политической субъектности оборачиваются отчуждением индивида от традиционных форм политического участия. Политическая повестка дня формируется при все более активной вовлеченности, а зачастую – при явном доминировании неподконтрольных традиционным политическим институтам групп интересов и политических сообществ и ориентируется на властный дискурс. При этом издержки реализации этой повестки распределяются в рамках национально-государственного сообщества, ответственного за текущее управление и «квотирование» социально значимых ресурсов. Эти издержки перекладываются на индивида в его разных социальных качествах – налогоплательщика, родителя, пенсионера, пользователя общественных услуг – по сути, повсюду там и тогда, где и когда он попадает в отношения зависимости от государства.

Внутренние напряжения и системные сбои в функционировании социального государства («государства благосостояния»), ярко обозначившиеся в ходе вступления развитого мира в полосу нынешнего кризисного развития, вносят в этот процесс серьезные коррективы: сокращение социальных обязательств государства и ограничения политической субъектности его бенефициариев напрямую сказываются на уровне и качестве их жизни, а несоответствие государственной политики ожиданиям граждан усугубляет взаимное

---

²⁹³ Подробнее см.: Дилигенский Г.Г. *Люди среднего класса*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2002. С. 39-43. См. также вводную главу к настоящему изданию.

отчуждение. В ответ на углубляющиеся разрывы социальной и политической ткани общества рождаются новые практики гражданской самоорганизации вне и помимо государства, в прямом противостоянии власти и в поисках механизмов гражданского контроля над властными институтами²⁹⁴.

В таком социальном контексте концепты политического поля, политического пространства, политических сетей, политического рынка и маркетинга, политического климата и ландшафта перестают восприниматься как метафоры. Привлечение такого рода многозначных понятий для адекватного осмысления многомерной социально-политической реальности в сочетании с устоявшимися в политической науке институциональными и политико-культурными подходами фокусирует анализ на субъектах политического действия и на самом действии. Так, политическое поле (или «поле политики», складывающееся в ходе взаимодействия политических субъектов – в логике Пьера Бурдьё), включает проекции этих взаимодействий в другие сферы публичной и частной жизни.

Привычные понятия «государства» и «общества» нередко оказываются слишком размытыми и недифференцированными для осмысления многомерных социальных трансформаций категориями. Единицей дифференциации становится индивид в своем политическом, гражданском качестве: его деятельность решительно вторгается в публичную сферу – пространство взаимодействия государства и общества. «В определенном смысле любое действие можно рассматривать как действие индивида»; в то же время, «как бы ни были важны для определения конкретного действия индивидуальные различия, именно общие типовые характеристики больших человеческих групп... образуют органическую основу действия»²⁹⁵. С другой стороны, «сегодняшний кризис идеологического дискурса и его модели политического субъекта ставит под вопрос само положение человека как центра современной политики», а подходы к пониманию человеческой сущности в политическом дискурсе оказываются обусловленными задачами оправдания власти²⁹⁶.

Политическая наука в поисках разрешения такого рода смысловых расхождений и методологических противоречий традиционно шла по пути вычленения и анализа форм и мотиваций политического участия гражданина. В рамках такого подхода в центре осмысления политики как особой сферы социальной коммуникации были и остаются электоральное поведение, политический активизм (членство в партии, участие в политических кампаниях, массовых акциях) и вовлеченность в различные формы гражданского участия.

Проблемы политической социализации, массового сознания и поведения, их связь с индивидуальным поведением и сознанием – предмет социально-политической психологии. У ее истоков в России стоял Герман Германович Дилигенский (1930–2002). Труды выдающегося российского ученого и мыслителя были посвящены «познанию людей одновременно как продукта и движущей

---

²⁹⁴ См. об этом главы С.П. Перегудова и Д.Г. Зайцева в настоящем издании.

²⁹⁵ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. // *Thesis*. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 94, 95.

²⁹⁶ См. Мартьянов В.С. «Человек политический»: модели оправдания власти. // *Человек*. 2009. № 4. Доступ: http://lit.lib.ru/m/martxjanow_w_s/text_0040.shtml

силы функционирования и развития общества»²⁹⁷; в центре внимания его работ последних лет были субъекты и акторы российской модернизации²⁹⁸. Изучая массовое сознание, Г.Г. Дилигенский рассматривал взаимодействия людей в политическом процессе, идейно-политическую и социопсихологическую мотивацию их индивидуального политического поведения. За политическими процессами и явлениями он видел человека, его индивидуальность.

В фокусе внимания политической психологии находится феномен лидерства и процессы формирования массовых представлений о власти и политике. Так, школа политической психологии, сложившаяся в МГУ им. М.В. Ломоносова, особое внимание уделяет проблемам политической социализации в современной России, роли политического лидера и образам власти в массовом сознании²⁹⁹. Проблемы политического участия рассматриваются в ряде масштабных исследований российских социологов 2000-х гг.³⁰⁰, в том числе посвященных осмыслению повседневности и личной жизни как генерирующей политические импульсы среды³⁰¹.

В рамках общей социологии развитие получил «антропосоциетальный» подход, рассматривающий социальную субъектность человека в соотношении с динамикой социальных институтов. Этот подход исходит из понимания «личности, общества и культуры как неразрывной триады» (в русле трактовки, представленной и аргументированной в свое время Питиримом Сорокиным), а самого общества – «как гибкой антропосоциетальной системы, которая существует благодаря взаимодействиям людей и способна изменяться в ответ на угрозы рисков»³⁰². Центральным оказывается вопрос об источниках и ресурсном потенциале таких изменений.

Особое внимание уделяется человеку в системе международных отношений, которые рассматриваются в таком контексте как «отношения, складывающиеся не только между государствами, нациями, корпорациями и т.п., но и между живыми людьми как главными творцами мировой

---

²⁹⁷ Дилигенский Г.Г. *Социально-политическая психология*. Учебное пособие для вузов. М.: Институт «Открытое общество» – Наука. 1994.

²⁹⁸ Дилигенский Г.Г. *Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально – психологическое исследование)*. М.: ИМЭМО РАН. 1998; Дилигенский Г.Г. *Люди среднего класса*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2002.

²⁹⁹ См.: Шестопап Е.Б. *Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии*. М.: РОССПЭН. 2000; *Образы власти. От Ельцина до Путина* (под ред. Е.Б. Шестопап). М.: РОССПЭН, 2008.

³⁰⁰ Левада Ю.А. *От мнений к пониманию: социологические очерки: 1993 – 2000*. М.: Московская школа политических исследований. 2000; Левада Ю.А. *Ищем человека: социологические очерки 2000 – 2005*. М.: Новое издательство. 2006. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М.: ИС РАН. 2007.

³⁰¹ См.: Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов. Аналитический доклад. М.: ИС РАН. 2009; Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). М.: ИС РАН. 2011. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН. 2012; Средний класс в современной России: 10 лет спустя. М.: ИС РАН, 2014.

³⁰² См.: Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. 9. № 3. С. 27.

политики»³⁰³. Э.Я. Баталов, автор пионерных в российской науке исследований в сфере антропологии международных отношений, говорит о необходимости «реабилитации» человека как «творца международных отношений», о выявлении «факторов и меры антропологической детерминированности»³⁰⁴ этой сферы общественной практики. Решение аналогичных задач актуально для понимания всего комплекса процессов политического взаимодействия, для осмысления природы и перспектив политических изменений.

В целом в поле политической науки можно отметить и тенденцию дифференциации знания о человеке, и растущую потребность в интеграции разных исследовательских полей для системного осмысления места «человека политического» в «текущей современности». Динамика политических институтов и возможности удовлетворения общественного запроса на эффективное управление и социальную консолидацию заметно расходятся. Применительно к политической сфере прямой корреляции между появлением новых ресурсов политического взаимодействия и реализацией потенциала их использования человеком не наблюдается: как показывает представленное в данной монографии исследование *infomodernity* как новой пространственно-временной реальности, формирующейся в пространстве информационных потоков³⁰⁵, растет отчуждение индивида от процессов общественно значимого целеполагания. Экзистенциальное самоопределение личности и ее политическая субъектность оказываются в этих условиях важными факторами, определяющими перспективы общественных изменений.

Прогностический потенциал теоретических моделей модернизации, демократизации и демократического транзита, предлагавших после распада советской системы свое видение динамики политических процессов на постсоветском пространстве и за его пределами, оказался более чем ограниченным в первую очередь в силу игнорирования или недоучета социокультурного контекста и человеческого измерения политических трансформаций. При изучении общественно-политических изменений сегодня появляются новые возможности синтеза разных исследовательских моделей, имея в виду включение в анализ и субъектного, и институционального факторов политических изменений.

Перспективы методологического синтеза открывает «социокультурный подход», нацеливающий на выявление культурных мотиваций общественного развития, и, в частности, развития политического. Это сложносоставное понятие широко используется сегодня в российском научном дискурсе, в зарубежной литературе примерным аналогом являются «культуральные исследования» (*cultural studies*). Внимание работающих на этом поле ученых (таких, как Стюарт Холл, Скотт Лэш, Пол Гилрой, Хоми Бхабха, Дэвид Хелд, Леонид Ионин и др.) сосредоточено на изучении культурной мотивации социальной деятельности, процессов и механизмов производства смыслов и их отражение в социальных практиках и институтах. На теоретическое объяснение неосознанных культурных

---

³⁰³ Баталов Э.Я. *Человек, мир, политика*. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008. С. 16.

³⁰⁴ Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. // *Международные процессы*. 2005. Т. 3. № 2 (8). С. 4-16

³⁰⁵ См. главу В.В. Лапкина и И.С. Семененко в настоящем издании.

мотиваций человеческой жизнедеятельности, которые определяют социальный климат общества, претендует культуральная социология (не путать с социологией культуры), изучающая природу социальных институтов, влияние культурных практик на деятельность социальных акторов и культурно обусловленные механизмы производства политических смыслов³⁰⁶. Но серьезного развития в общественных науках эта субдисциплина пока не получила. В целом «культуральные исследования» критикуют, и небезосновательно, за размытость границ исследовательского поля и отсутствие внятного методологического инструментария; настоятельно ставится вопрос о проработке понятийного аппарата и методологии синтеза микро- и макроуровней анализа. Над осмыслением бытования человека в культуре и обществе работает социальная история – направление, представленное в российском научном дискурсе рядом получивших признание работ. Социальная история «в ее новейшем модусе, ориентированном на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, превратилась в своей основе в историю социокультурную»³⁰⁷.

Индивид и личность: проблемы политической субъектности

Застарелый «ученый спор» о приоритете структур / акторов как субъектов изменений получает в политической практике свое зеркальное отражение. Так, упор на институты при игнорировании субъективного фактора в политике рождает нежизнеспособные модели политического устройства: ярким примером такого рода стал советский вариант социализма. А недоучет институционального фактора подпитывает мифы о заданности моделей социального поведения, например, о «соборности» как имманентно присущей русскому национальному характеру «родовой» черте или о патерналистских ориентациях и несамостоятельности нынешнего «человека российского» – наследника советского менталитета («*homo soveticus*»). Между тем, попадая в иную правовую и институциональную среду, тот же человек проявляет незаурядную предприимчивость и способность к социальной адаптации, которые в российских условиях гасились сопротивлением институтов.

В методологическом плане этот спор находит в социокультурном подходе если не разрешение, то подтверждение взаимозависимости и взаимовлияния субъектной и институциональной составляющих развития: вычленение той или иной из них диктуется задачами исследования и выбором соответствующего аналитического инструментария. Разрывы между макро- и микроуровнями преодолеваются за счет целеориентированных полевых исследований, в центре которых – конкретные практики социальных действий, призванные проиллюстрировать выбранную теоретическую модель или предложить новые когнитивные подходы³⁰⁸.

В рамках теорий «среднего уровня» широкое признание получил, как известно, концепт политической культуры. Критика его когнитивного потенциала

³⁰⁶ Alexander J.C. *The Meanings of Social Life. A Cultural History*. Oxford – N.Y., Oxford University Press. 2003. Pp. 5-8.

³⁰⁷ Репина Л.П. *Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.* М.: Кругъ. 2011. С. 118.

³⁰⁸ *Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований.* Краснодар: КубГУ. 2011.

тоже стала в политической науке «общим местом». Новые возможности использования этого концепта связаны, по мнению ряда авторитетных авторов, с перспективой аналитического разведения социальной и психологической переменных и создания инструментария оценки мотиваций индивидуального выбора, влияющего на сферу политики³⁰⁹.

Вопрос о возможности концептуализации психологической составляющей политического поведения индивида остается ключевой для политического анализа проблемой. Она решается в основном, что называется, «на ощупь», на путях качественных исследований мотиваций конкретных людей – представителей тех или иных социальных страт и субкультурных групп (или классов – в зависимости от исследовательской парадигмы). В особое направление выдвинулось психологическое портретирование политических лидеров, предлагающее научно выверенные методы построения психологического профиля политика и оценки достоверности полученных результатов³¹⁰.

Наряду с социопсихологическими исследованиями больших групп и конкретных политических деятелей признание получили работы, посвященные различным аспектам «трансформации интимности» в русле «политики жизни» и сопутствующих ей моральных дилемм³¹¹. Радикальный пересмотр культурной нормы, произошедший в период жизни послевоенного поколения, и набирающая обороты публичная дискуссия вокруг этических границ «рационального выбора» в контексте «политики жизни» меняют правовое поле и переформатируют управленческие практики (в таких сферах, как права меньшинств или биоэтика). Это порождает новые социокультурные расколы, ставит общество перед новыми и очень тревожными этическими вызовами, а человека – перед дилеммами нравственного выбора. При этом психологические характеристики личности и иррациональные мотивации человеческого поведения остаются в основном за гранью политического анализа. Их «компенсируют» кумулятивные формулы трансформации индивидуального бессознательного в коллективное, такие, как пресловутый «эффект толпы». Погружение же в глубины психологического анализа личностного поведения чревато размыванием его (анализа) политической составляющей, и соединительная ткань оказывается здесь в буквальном смысле слова очень тонкой и хрупкой материей.

Хотя осмысление человеческой сущности до недавних пор было прерогативой психологов, социальных антропологов и религиозных философов, в контексте социокультурного анализа политических изменений настоятельно встает вопрос о «человеческом факторе» развития и его динамичной и изменчивой природе. В логике рассмотрения человека как индивида (единичного природного существа) – личности (социальной по природе) – субъекта деятельности (активной личности) – индивидуальности (наделенной особыми и неповторимыми свойствами), выстроенной известным отечественным психологом Б.Г. Ананьевым, работавшим над созданием системной модели

---

³⁰⁹ Wilson R.W. The Many Voices of Political Culture. Addressing Different Approaches. // *World Politics*. 2000. No. 52. P. 273.

³¹⁰ Ракитянский Н.М. *Личность политика. Теория и методология психологического портретирования*. М.: Изд-во Московского университета. 2011.

³¹¹ См.: Гидденс Э. *Последствия современности*. М.: Праксис. 2011. С. 247-261.

изучения человека³¹², политическая субъектность оказывается частью личностного самоопределения индивида. Особенности такой субъектности отражает политическая картина мира – «уникальное отображение политической сферы в индивидуальном сознании», фрагменты социально-политического опыта личности, которые формируют ее неповторимый жизненный мир³¹³.

Личность как носитель духовного и социального начал стала значимой единицей социокультурного анализа: именно «личность в ее ролевой функции, а не конкретный индивид, является членом коллектива, даже социетального сообщества», и выполняет функцию «достижения цели»³¹⁴. Однако в политике личностное начало трансформируется в надындивидуальные модели артикуляции интересов, в идейные предпочтения, носителями которых выступают партии, движения, органы власти и другие коллективные политические акторы.

Неформализованные и зачастую неструктурированные отношения между вовлеченными в политический процесс индивидами ставят в центр современных политических исследований феномен сообществ³¹⁵, в том числе протестных. Отличительная черта сообщества – возможность объединения акторов разного уровня субъектности – индивидов и групп интересов, носителей индивидуальных и коллективных идентичностей. Взаимодействие политических сообществ и институтов структурирует политическое пространство. Но индивиду погружение в это пространство грозит попаданием под патронаж «больших игроков», претендующих на монопольное производство политических смыслов и мобилирующих для этого арсенал материальных и символических ресурсов. Здесь «в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения “потребителей”, [и] коллективные политические агенты – партии, профсоюзы, ассоциации – ...могут функционировать как “один человек”, лишь жертвуя интересами какой-либо части, если не всей совокупности своих доверителей»³¹⁶. В результате индивид может стать объектом политического манипулирования, а это чревато дезинтеграцией автономной и свободной личности.

Человек оказывается не в состоянии артикулировать общественно значимые интересы и объединяться для целеполагания и социально значимой деятельности с теми, кто их разделяет. В ситуации растущей социальной аномии запускаются взрывные механизмы политической мобилизации: «человек действующий» превращается в «человека манипулируемого» и «человека разрушающего», «человек политический» – в «человека квазиполитического». Растекание массовой культуры вкупе с культурной фрагментацией создают видимость деполитизации этих процессов. Неслучайно поэтому современный властный порядок «не нуждается в опоре на сущность

---

³¹² Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер. 2001 (1969).

³¹³ Самаркина И.В. *Политическая картина мира*. Краснодар: КубГУ. 2011. С. 52

³¹⁴ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. // *Thesis*. Т. 1, вып. 2. 1993. С. 111, 99.

³¹⁵ *Сообщества как политический феномен*. / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: РОССПЭН. 2009.

³¹⁶ Бурдые П. *Социология политики*. М.: Socio-Logos. 1993. С. 82, 223.

человека, он ее симулирует через процедуры выборов, гражданского общества, представительности, коммуникации и обратной связи. Соответственно, интерес к проблематике человеческой сущности стремительно исчезает», и в рамках властного дискурса человек перестает быть центром политики³¹⁷.

Индивидуальный актер в ситуации неудовлетворенности властным порядком готов действовать за пределами сложившихся форм политики. Взрыв разного рода неординарных форм вовлеченности в протестные действия – от выступлений альтерглобалистов, движения «возмущенных» в Испании, акций типа «Захвати Уолл-стрит» или российской «Оккупай Абай», флэш-мобов без видимой цели, до погромов в жилых кварталах европейских городов – раздвигают границы политического пространства и меняют представления о политике и ее субъектах. Новые формы протестного политического участия накладываются на архаизацию политики, порождая такие гибридные феномены, как «Партия пиратов» в Германии, российский РосПил или популистское «Движение 5 звезд» в Италии, получившее около четверти голосов избирателей на парламентских выборах 2013 г. «Человек политический» встречается на этом поле с «человеком дополитическим»³¹⁸.

Утверждение массовой политической субъектности связано с определенной стадией исторического развития демократии; *отличительной чертой общества современного является распространение политической субъектности на всех его членов при имплицитной готовности их самих принять такую ответственность*. При этом политическая субъектность не может не опираться на субъектность экономическую, поскольку «мера утверждения частной собственности, признания этого права обществом... свидетельствует о вызревании автономной личности, а значит, о формировании политической ситуации». Гарантом прав собственности выступает государство, поэтому «полноценный экономический субъект не может быть вне политики... Если же субъекту экономических отношений объективно даны вырожденные формы политики, то в данном случае не вполне полноценный субъект экономической активности ищет формы включения в существующую властную пирамиду», в том числе путем поддержания неформальных связей с властью для защиты своих интересов, а в поле политики утверждается «человек дополитический»³¹⁹.

Адекватное реалиям глобального мира осмысление личностного измерения современного политического пространства представляет особую проблему для современной политической теории. До сих пор оно по умолчанию

---

³¹⁷ Мартъянов В.С. «Человек политический»: модели оправдания власти. «Человек политический»: модели оправдания власти. // *Человек*. 2009. № 4. Доступ: http://lit.lib.ru/m/martxjanow_w_s/text_0040.shtml

³¹⁸ Движение инициировано в 2009 г. популярным итальянским актером – сатириком и блогером Беппе Грилло. Оно призывает под свои знамена сторонников прямой демократии и действует на основе мобилизации через Сеть. Основные лозунги – борьба против засилья «партократии» и традиционной политики, за свободные от коррупции институты и экологическую повестку дня. Популистские призывы, деструктивные действия некоторых избранных от «5 звезд» в органах представительной власти и диктаторские замашки самого лидера вызывают резкую критику не только в рядах его оппонентов, но и среди сторонников.

³¹⁹ Яковенко И.Г. *Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России*. М.: Новый хронограф. 2009. С. 64-65; см. также с. 68-118.

ориентировалось на модель гражданина – носителя европейской политико-культурной традиции, которая зиждется на институтах гражданства и прав человека. Нормативная ориентация общественных наук формировала и нормативные модели осмысления политико-институциональных изменений. Между тем нынешнее развитие не-Запада, «картинка» которого, выхваченная из событийного ряда происходящих здесь трансформаций, стала доступной западному миру, настойчиво напоминает о том, что «западный путь человеческого существования – лишь один из многих. Так и исламский путь – один из многих... Каждая культура – это вселенная, которая имеет свои способы знания, существования и делания – и, следовательно, бытования человека»³²⁰. Вопрос в том, считает авторитетный британский исследователь мусульманской мысли, насколько современный человек готов принять в себя «другого»³²¹. А это значит представить и увидеть окружающий мир в непривычных формах, которые бывает трудно воспринять позитивно, если руководствоваться привычными оценочными категориями, а иногда – и просто невозможно принять без ущерба для самостояния и моральных устоев личности. Закономерно, что сугубо политическое измерение приобретает сегодня дискуссия об этических границах современного радикального искусства, а его представители используют политическое пространство для агрессивной саморекламы. Не менее остро стоит вопрос и о допустимости бытования – в правовом поле современных демократий – традиций, противоречащих конституционным принципам свобод и прав человека, которые представители инокультурных групп считают неотъемлемой частью своей идентичности.

События на арабском Востоке (притом, что границы самого понятия «Восток» расширяются за пределы традиционных стереотипов западного мышления) лишней раз подчеркивают необходимость многомерного и ненормативного подхода к человеку, действующему в современном «поле политики». Способы его включения в политическое пространство тесно связаны с особенностями институционального устройства, политической культуры и национальной картины мира. Так, в России, имея в виду особенности нашей политической культуры, гражданская активность человека до сих пор проявлялась «преимущественно не в форме социального участия, а в виде общественного служения. Отсюда вытекает принципиальное различие в гражданской идентичности российских и западных людей»³²². Нерасчлененность этих двух ипостасей социальной деятельности и в теории, и на практике нельзя не учитывать, оценивая динамику гражданской идентичности в современной России. Но сегодня общественное служение – это личностный выбор, оно более не является общественным идеалом. Трансформация макрополитического сообщества маргинализирует носителя такого выбора, российского «человека политического», но есть ли ему приемлемая альтернатива? Или же доминирующим актором на современном российском политическом поле останется «человек дополитический»?

---

³²⁰ Sardar Z., Fry T. 2008. On Erasure, Appropriation, Transmodernity. What's Wrong with Human Rights and What Lies Beyond Difference. // *Design Philosophy Papers Collection Four*. Цит. по: http://en.wikipedia.org/wiki/Ziauddin_Sardar

³²¹ Ibidem.

³²² Резник Ю.М. Человек в гражданском обществе: проблема идентичности. // *Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования*. М.: РАН, Институт философии. 2008.

В новых условиях повышения порога рисков развития «архаический человек» и «человек постмодерна», представитель «общества знаний» и носитель «гибридной идентичности» оказываются субъектами «индивидуализированного общества». Социальное отчуждение становится способом адаптации к неопределенной реальности, в результате индивид все чаще сознательно отстраняется от политики, государство – от человека, человек – от общества. Глубинная причина социального неблагополучия, в том числе во внешне «благополучных» обществах, коренится в «несогласованности индивидуального потенциала человека, т.е. его потенциалов деятельности, с доступными ему формами социальных связей и социально значимой деятельности»³²³.

По мысли М.В. Ильина, споры о трансформации политической субъектности свидетельствуют о «новом уровне рефлексивности, делающем субъектность 'многослойной' и в этом смысле современной»³²⁴. На этом пути «рефлексивного знания» перед политической наукой стоят нерешенные методологические задачи и когнитивные ограничения, связанные с возможностями осмысления и концептуализации потребностей и мотиваций политического взаимодействия. И, в конечном счете, – задача возвращения сущностных проблем человеческого бытия, вопросов морали и нравственности в повестку дня публичной политики.

«Капиталы» и «идентичности»: методологический холизм против методологического индивидуализма?

Особой проблемой отечественных исследований остается соотнесение зарубежной и российской «систем координат» изучения человека и общества. Она осложняется отсутствием консенсуса между американской и европейской школами социальных наук, расхождениями в трактовке основополагающих понятий (таких, например, как публичная политика или индивид / личность), субдисциплин (политическая антропология) и исследовательских парадигм. К числу последних относится концептуализация развития. Изучение изменений как развития (*development studies*) до сих пор было сосредоточено на процессах демократизации и политико-институциональных трансформациях за пределами «развитого мира» и также, за редкими исключениями, оставалось нормативно обусловленным. Аналитическая модель «альтернативного развития» (как «партиципаторного» или «вовлеченного») ориентирует на взгляд «снизу вверх»: в центре внимания оказываются различные формы субполитики – локальные и другие самоорганизующиеся инициативы. Развитие в этом контексте оценивается на основе субъективного восприятия вовлеченных в такие виды деятельности людей³²⁵. Показателем развития становится расширение поля выбора и возможностей человека делать свободный выбор³²⁶.

Закономерно, что в условиях социальных трансформаций переосмысливаются критерии качества жизни, а индикатором состояния

³²³ Дилигенский Г.Г. *Социально-политическая психология*. Учебное пособие для вузов. М.: Институт «Открытое общество» – Наука. 1994. С. 87-110.

³²⁴ Политическая субъектность. 2002. / *Саморефлексия политики. Дискуссии*. // Доступ: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=107

³²⁵ Nederveen Pieterse J. My Paradigm or Yours? Alternative Development, Post-Development, Reflexive Development. // *Development and Change*. 1998. Vol. 29, № 2. P. 368.

³²⁶ Сен А. *Развитие как свобода*. М.: Новое издательство. 2004 (1999).

обеспечивающих качество жизни институтов служит их восприятие людьми³²⁷. В этом ряду важное место занимают политические институты, и, в частности, местная власть и самоуправление, определяющие социальный климат в обществе как важнейшую составляющую качества жизни. Доверие оказывается мерилom оценки их эффективности. Взрыв интереса к доверию как фактору социально-экономической и политической динамики³²⁸ свидетельствует об острой потребности в концептуализации нематериальных ресурсов развития, которые создает и реализует «человек действующий» (в логике «социологии действия»).

Доверие в условиях растущей взаимозависимости между индивидами, между личностью и социумом закладывает основы онтологической безопасности³²⁹ и оказывается необходимым условием накопления социального капитала. Этот концепт получил широкую известность после выхода в свет книги Роберта Патнэма³³⁰ и был (по итогам разносторонней критики) скорректирован в его последующих работах. В ходе исследований индивидуального и группового поведения в конкретных сообществах Патнэм апробировал аналитическую модель, позволявшую учитывать характер взаимодействия между индивидами – участниками социальных отношений как ту переменную, которая способна объяснить укорененность одних социальных институтов в конкретных сообществах и их отторжение в других.

«Капитал» как претендовавший на измеримость ресурс стал быстро обрастать прилагательными, указывавшими на новые производительные факторы в эпоху интенсивного замещения и сокращения его традиционной ресурсной базы. Понятия «человеческого», «культурного», «интеллектуального», «образовательного», «политического» и прочих «капиталов» перекочевали из экономической науки в различные сферы социогуманитарного знания ввиду потребности в разработке таких категорий анализа социальных трансформаций, которые поддавались бы не только качественной оценке, но и (в той или иной мере) количественному исчислению³³¹. Эти концепты-метафоры соединили макро- и микроуровни анализа, однако используются они в первую очередь для рационализации моделей, объясняющих экономическое поведение индивида. В то время как модели конвертации социального капитала в капитал политический нуждаются, по мнению известных российских исследователей социальных сетей – одной из новейших форм такой конвертации, – «в дальнейшей концептуализации на

---

³²⁷ Садовая Е.С., Сауткина В.А. *Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты*. М.: ИМЭМО РАН. 2012. С. 188.

³²⁸ Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. NY: Simon & Schuster. 1995; Sztompka P. *Trust: a Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999; Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press. 1991.

³²⁹ Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press. 1991. P. 32.

³³⁰ См.: Putnam R. (with R. Leonardi, R. Nanetti). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton NJ, Princeton University Press. 1993.

³³¹ О проблемах измерения «человеческого капитала» см., напр.: Oxley L., Le T., Gibson J. *Measuring Human Capital: Methods and International Evidence*. // *The Korean Economic Review*. 2008. Vol. 24, № 2.

основе преодоления разрыва между теоретическим моделированием и эмпирическими исследованиями»³³².

Стоит подчеркнуть, что эта общеметодологическая для социальных наук проблема, и один из возможных путей ее решения заключаются в выявлении, отборе и выстраивании, в соответствии с объектом и задачами исследования, значимых эмпирических данных, и создании на основе их анализа первичной теоретико-аналитической модели (так наз. *grounded theory*)³³³. Значимые результаты дают, при условии строгого отбора определяющих критериев, факторный анализ и кросс-культурные исследования.

Поиски подходов к концептуализации политического поведения через категории ментальности и менталитета, с использованием представлений о картинах мира, архетипах, субкультурах и других заимствованных из смежных научных дисциплин понятий побуждают принимать во внимание психологические мотивы и культурные (в широком смысле) факторы политического выбора. С другой стороны, в мотивации поведения человека в публичной сфере есть не только рациональная, но и духовно-нравственная, и эмоциональная составляющие, и вопрос о том, как учесть взаимное переплетение интересов, ценностей, представлений и эмоций в анализе политического сознания и поведения, стал для политической науки серьезным вызовом. Тем более что сама «гражданская сфера должна быть представлена в первом приближении как структура чувств, переживаний», «она определяется опытом солидарности», которая «основывается на автономии своих членов, требуя от них осознания индивидуальности каждого»³³⁴.

Столкнувшись с задачей концептуализации синтеза ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных оснований политического действия на уровне индивидуальном, групповом и социетальном, политическая наука обратилась к концепту идентичности, заимствованному из арсенала психологии и социальной (культурной) антропологии.

Если категория «капитала» экстраполирует индивидуальный опыт на уровень сообщества, то осмысление взаимосвязи индивидуального и коллективного социального опыта основывается на анализе составляющих социальной идентичности. Категория идентичности позволила соединить индивидуальный и надиндивидуальный (на уровне групп, малых и больших сообществ) срезы сознания и поведения и отразить одновременно и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлексию их носителей.

Множественная самоидентификация современного человека сопрягается с динамикой макрополитической идентичности больших сообществ, которая отражается в индивидуальной политической картине мира как объективно существующая реальность. Эта взаимосвязь опосредована рядом переменных

---

³³² Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. «Инвесторы социального капитала»: политические сети в социальном пространстве региона. // *Полис*. 2009. № 2. С. 74.

³³³ См. Glaser B. and Strauss A. *The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research*. Chicago: Aldine. 1967; Glaser B. *Basics of grounded theory analysis*. Mill Valley, CA: Sociology Press. 1992.

³³⁴ Александер Дж. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года. Материалы лекции, прочитанной в МГИМО (У) МИД России 23 октября 2008 г. Ч. 1. // *Вестник МГИМО*. 2008. № 3. С. 73.

и, в частности, политикой идентичности. Традиционные политические институты используют такую политику как инструмент формирования политической картины мира своих граждан и на этой основе – коллективной самоидентификации сообщества. Государство как ключевой актор политики идентичности на национальном уровне использует институты социализации (систему образования, воинскую службу) и инструменты публичной политики для организации взаимодействия социальных субъектов и для легитимации власти. Она закрепляется средствами символической политики, которая подается гражданину как зримое, осязаемое воплощение его политической идентичности, и в определенном объеме выполняет функции идеологии в ее «мягком» варианте, предусматривающем для граждан возможности альтернативного выбора политических предпочтений. Отличительная черта современной политики – вовлеченность в такую политику разных акторов, открытие каналов для социального творчества и гражданского контроля над профессиональной деятельностью в этой сфере³³⁵.

Проблематика идентичности в политической науке не сводится к политической идентичности и ее измерениям, но «прорастает» в смежные сферы наук о человеке и обществе. Осмысление мотивов и целей человеческой деятельности сквозь призму идентичности позволяет не просто пересмотреть применительно к меняющейся реальности содержание концептов человека («с прилагательными»), («политического», «экономического», «креативного» и др.), но подняться над одномерным толкованием моделей социального поведения, присущим и экономическому мейнстриму, и идейно ангажированному политическому анализу. В контексте такого анализа идентификация «человека политического» уже не связывается с конкретной идеологией, когда «нахождение у власти социал-демократов олицетворяет доминанту политического человека с его перераспределительными интенциями, [а] приход к власти правых (монетаристов) означает реванш экономического человека, критикующего расточительность социального государства и его инфляционистские эффекты»³³⁶.

Как социальный феномен, который «возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества»³³⁷, социальная идентичность расщепляется в индивидуальном сознании на Я- и Мы-идентичности. Это расщепление отражает конфликт между базовыми потребностями социального существования человека – между потребностью в объединении с другими и в утверждении собственного Я, названный Г.Г. Дилигенским «базовой напряженностью», формирующей мотивационное ядро личности³³⁸.

За каждой из коллективных идентичностей стоит человек, исполняющий попеременно разные социальные роли и вовлеченный в разнообразные

---

³³⁵ Семененко И.С. Политика идентичности. // *Идентичность как категория политической науки*. Т. 1. *Словарь терминов и понятий*. / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН. 2011. С. 162-168.

³³⁶ Панарин А.С. Человек политический. // *Новая философская энциклопедия*: В 4 тт. / под ред. В.С. Стёпина. Т. 4. М.: Мысль. 2001. С. 346.

³³⁷ Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум. 1995 (1966). С. 281.

³³⁸ Дилигенский Г.Г. *Социально-политическая психология*. Учебное пособие для вузов. М.: Институт «Открытое общество» – Наука. 1994.

культурные практики. Категория политической идентичности утвердилась в рамках социокультурного подхода как эффективный инструмент анализа «человека политического» и его места в стремительно меняющейся современности³³⁹. Но нельзя не согласиться с Н. Элиасом в том, что «до тех пор, пока развитие понятий в социуме не предоставит в распоряжение индивида более или менее ясно выработанного понятия процесса и, в особенности, понятия развития, понятийная проблема человеческой идентичности в течение всех лет жизни будет оставаться трудной, фактически неразрешимой»³⁴⁰. Этот посыл не отменяет потребности в научной рефлексии, которая плодотворно использует идентичность в том числе как категорию концептуализации личностной составляющей общественных изменений. И, тем более, он не отменяет потребности в саморефлексии самой личности, определяющей через идентичность свое место в социальных взаимодействиях и участие в культурных и политических практиках.

«Человек политический» перед альтернативами социальных трансформаций

Действительно, индивид предстает как носитель разных идентичностей, обращенных в прошлое – к интериоризированным им в процессе передачи жизненного опыта архаическим институтам и практикам, – и, в то же время, в будущее, к вживанию в постоянно меняющуюся реальность сетевых взаимодействий и социальных практик. Зачастую эти идентичности конфликтуют друг с другом, порождая (при отсутствии экзистенциальных, бытийных опор) перманентный кризис идентичности. В кризисном сознании заложен и потенциал индивидуального развития. Но груз социальных обязательств и необходимость постоянно делать выбор в публичном пространстве – от супермаркета до избирательного участка – довлеет над личностью, усиливая неопределенность самоидентификации и заставляя искать простые ответы на сложные вопросы социального бытия, и эти потребности заслоняют осмысление бытийных проблем или вытесняют их на периферию человеческого сознания. Постмодернистская парадигма нацеливает на отрицание целостности и преемственности человеческого опыта. Под вопросом оказывается значимость для самоопределения современного человека политических и идейных предпочтений: такой выбор требует рефлексии и зачастую остается за рамками личных жизненных горизонтов. В публичную политику привносятся до сих пор принадлежавшие частной жизни практики, а взаимодействие с государством принимает такие формы, которые выходят из-под непосредственного контроля тех, кто в них вовлечен³⁴¹.

---

³³⁹ *Политическая идентичность и политика идентичности:* в 2 тт. Т. 1. *Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий.* Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке (отв. ред. И.С. Семененко). М.: РОССПЭН. 2011, 2012.

³⁴⁰ Элиас Н. *Общество индивидов.* Цит. соч. С. 256-257.

³⁴¹ Яркие тому свидетельства – так наз. политика идентификации (*identity policy*) – система мер, регулирующих сбор, хранение и защиту конфиденциальности персональных данных в условиях понижения порога угроз личной безопасности, или отслеживание буквально каждого шага человека в публичном пространстве с помощью изошренных средств технического наблюдения.

Рынок и власть агрессивно вторгаются в частную жизнь индивида. «Сформированная капитализмом социальная природа человека даже выбору “быть” пытается предложить рыночный сервис в виде рынка социальных услуг», и в этом контексте «важным представляется вопрос о том, насколько расходятся пути развития личности и современного массового индивида–потребителя»³⁴². В том числе и потребителя на рынке политических услуг. В ответ на эти вызовы пространство накопления социального капитала активно формируется сегодня вне государства и рынка. Здесь появляются новые точки роста, соразмерные потребностям человека. Самоорганизующиеся в таком пространстве субъекты ищут альтернативные модели развития. Конфликтная политика (*contentious politics*) организует протестные сообщества и движения. Формирующиеся в процессе взаимодействия их участников новые солидарности и новые коллективные идентичности могут напрямую влиять на повестку дня и приоритеты политико-институциональных изменений³⁴³. С утверждающейся здесь «идентичностью сопротивления» связаны, по мнению ряда авторитетных публичных интеллектуалов, надежды на появление новых субъектов социальных трансформаций³⁴⁴.

В пространстве взаимодействия носителей таких идентичностей рождаются не только новые формы политической активности, но и новые исследовательские подходы к осмыслению и прогнозированию изменений. Как настаивают приверженцы одного из таких утверждающихся сегодня в социальных науках направлений – «исследований социальных действий» (*action research*), – их усилия не нацелены на создание новой теоретической модели и корпуса эмпирических знаний. Во главу угла ставится «освобождение личности», стремящейся к новому, более свободному миропорядку. Речь идет о превращении объекта исследования в субъекта политики путем выстраивания взаимодействия с ним, использования полученных знаний как ресурса саморазвития и источника нового опыта, который может пригодиться людям и сообществам в их каждодневной деятельности. В конечном счете – о соединении анализа социальной практики с личным опытом участия в ней³⁴⁵.

Возможности утверждения субъектности за пределами традиционных политических институтов открывает сетевое взаимодействие в различных формах, таких как политический краудсорсинг³⁴⁶ и другие механизмы

³⁴² Семенов И.С., Лапкин В.В., Холодковский К.Г. Заключение. Индивид, гражданин, личность. // *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 тт. Т. 2. *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. / отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН. 2012. С. 458.

³⁴³ Polletta F. and Jasper J.M. Collective Identity and Social Movements. // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27. P. 297.

³⁴⁴ Castells M. 2004. *The power of identity: The information age. (Economy, society, and culture)*. Vol. 2. 2nd ed. Malden MA, Oxford, Carlton: Wiley – Blackwell. 2004. P. 11.

³⁴⁵ *The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice*. / Ed. by P. Reason, H. Bradbury. L.: Sage. 2008. 2nd ed. Pp. 4-10.

³⁴⁶ Летом 2011 г. избранный из состава рядовых граждан Исландии Конституционный совет на основании предложений, полученных в ходе обсуждения в социальных сетях проекта Основного закона, разработал и подал на рассмотрение парламента новый проект Конституции страны; проект был поддержан на национальном референдуме, однако не прошел в парламенте (см. Gylfason T. Democracy on ice: a post-mortem of the

мобилизации через социальные сети. Политический краудсорсинг обладает, как доказывает российский исследователь этого феномена И.В. Мирошниченко, весомым модернизационным потенциалом: он позволяет «членам социальных сетей интегрироваться в экспертное политическое сообщество и продуцировать инновационные проекты, способствующие не только распространению эффективных управленческих практик, но и модернизации отдельных сфер жизнедеятельности человека»³⁴⁷. В центре такого рода практик и оказывается современный «человек политический», мотивированный к деятельности, выходящей за рамки его частных интересов. При этом сами участники самоорганизующихся движений и социально ориентированных сетевых практик зачастую не готовы ассоциировать свою деятельность с политическим активизмом, тем более что политика не связывается с творческой самореализацией, к которой стремится сегодня социально активный человек.

С другой стороны, размываются традиционные нравственные ценности и опоры социальности, такие, как нуклеарная семья, а пересмотр культурной нормы опережает смену поколений и закрепляет разрывы в ткани современного социума. Индивид оказывается перед нравственными дилеммами, с которыми секулярное общество оставляет его один на один. Такие вызовы раздвигают границы политического пространства, возвращают в социальное пространство сущностные основания человеческого бытия и бытийные проблемы отношений человека с Богом, с миром и с другим человеком. В политической повестке дня актуализируются этические вопросы гуманизации политики и общества, социальной справедливости и солидарности.

На сегодняшний день образ «хорошего общества», такого, «в котором каждому его члену обеспечен доступ к достойной жизни»³⁴⁸ не складывается в целостную картину, представляя разрозненные фрагменты и ростки будущего в настоящем. Он являет собой «институционально сложную систему», не ограниченную «ни сферой национального государства, ни каким-либо одним из институциональных измерений современности»³⁴⁹. Его контуры выстраиваются вокруг разумного самоограничения, социальной солидарности и самоуправления, самореализации и социального творчества. Концепты «устойчивого развития», «корпоративного гражданства», «социального предпринимательства», «ответственного потребления», «зеленой экономики» ориентируют на приспособление арсенала средств ответственного экономического поведения к новым реалиям «общества риска». Политическую

Icelandic constitution // *OpenDemocracy* 19.06.2013. Доступ: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/thorvaldur-gylfason/democracy-on-ice-post-mortem-of-icelandic-constitution>). В Финляндии на основании нового Закона о гражданских инициативах создано «Открытое министерство» – Интернет-площадка, куда поступают предложения граждан о новых законодательных инициативах; они подлежат рассмотрению парламентом при условии получения поддержки 50 тыс. избирателей в течение полугода (см.: *Open Ministry – Crowdsourcing legislation*. Доступ: <http://openministry.info/>).

³⁴⁷ Мирошниченко И.В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике: российский опыт и зарубежные практики. // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2011. № 6. С. 38.

³⁴⁸ Galbraith J.K. *The Good Society. The Humane Agenda*. Boston: Houghton Mifflin. 1996. P. 23.

³⁴⁹ Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press. 1991. Pp. 300, 309.

рамку для осмысления новых реалий индивидуального³⁵⁰ и коллективного гражданского участия предлагают различные формы «демократии участия».

Однако становление механизмов реализации общественно значимых солидарных практик идет медленно или вовсе «буксует»: для того чтобы работать на утверждение построенных на таких принципах моделей развития, необходимы постоянные источники мотивации, основанные на личном духовном и социальном опыте, и соответствующий уровень доверия и в межличностном общении, и в публичной сфере. Между тем общество потребления, бывшее до недавних пор своего рода универсальным стимулом экономического роста, продолжает культивировать в человеке совсем иные ценности, которые быстро расползаются за пределы ориентировавшегося до сих пор на эту модель развития «золотого миллиарда». Попытки дать однозначные ответы на вызовы глобального капитализма рождают новые вызовы. По справедливому наблюдению Нобелевского лауреата Элино́р Остром, автора получивших широкое признание исследований по теории и практикам управления общественными ресурсами, «нам никогда раньше не приходилось сталкиваться с проблемами такого масштаба, с которыми сейчас сталкивается глобальное взаимосвязанное современное общество. Никто не знает наверняка, что будет работать, поэтому очень важно создать систему, которая способна развиваться и быстро адаптироваться»³⁵¹. Такую систему можно выстраивать, по ее мнению, только на основе полицентричного подхода, используя «разнообразные перекрывающиеся стратегии на городском, субнациональном, национальном и международном уровнях» и при активной вовлеченности акторов разной степени субъектности – «стран, государств, городов, организаций, компаний и людей», максимального приближения управленческих решений к уровню их реализации³⁵².

Радикальные изменения в социальной и экономической ткани современного общества и противоречия, которые в очередной раз обнажил современный кризис, ставят «*великие вопросы*» о том, «каким образом социальный порядок, демократия, равенство и солидарность могут быть совместимы с урбанизированной, индустриальной капиталистической экономикой», «как во

---

³⁵⁰ Весной 2012 г. девятилетняя школьница из Шотландии стала выкладывать в социальной сети фотографии школьных обедов и делиться своими оценками их качества с точки зрения здорового питания [См.: neverseconds.blogspot.co.uk]. Попытка местных властей запретить фотографировать школьные порции обернулась информационным взрывом: за два месяца страничку посетили около 7 млн человек, был организован сбор денежной помощи на содержание кухни для детей в беднейшей стране Африки – Малави, тысячи людей проявили деятельную солидарность. Решение о запрете пришлось срочно пересмотреть. На страничке стали появляться фотографии школьной еды со всего мира и комментарии к ним; зимой 2014 г. число посещений сайта перешло 10-миллионный рубеж. Однако в разгоревшейся в блогах дискуссии прозвучали и серьезные опасения: отмечались и хрупкость этических границ таких практик, и угрожающие перспективы разрушения общественного доверия к принятым культурным нормам, опирающимся на доверие межличностное.

³⁵¹ Ostrom E. Green from the Grassroots. // *Project Syndicate. World of ideas*. 12.06.2012. Доступ: <http://www.project-syndicate.org/commentary/green-from-the-grassroots>. Статья была подготовлена к саммиту ООН «Рио + 20» и опубликована в день смерти Элино́р Остром 12 июня 2012 г.

³⁵² Ibidem.

враждебном мире экономической конкуренции все еще возможна социальная интеграция»³⁵³, способная поддерживать соединительную ткань современного общества. По сути – возможен ли «альтернативный капитализм»?

«Альтернативный капитализм» можно рассматривать как проект перспективных общественных трансформаций, который выстраивается в границах, заданных западоцентричной рациональностью. В то же время присущая современности «институциональная рефлексивность», превращающая самое «Я» в «рефлексивный проект», побуждает индивида к постоянному пересмотру различных аспектов социальной деятельности и позволяет целенаправленно использовать знания об обстоятельствах социальной жизни в качестве «конституирующего элемента ее организации и изменения»³⁵⁴. Личные устремления человека интегрируются в «производство общества» (в терминах Алена Турена) «на основе максимизации собственной роли в социальном процессе»³⁵⁵.

Способность представить общественное развитие «иначе», вне и помимо заданных государством и рынком жестких рамок, и готовность действовать в соответствии со своим видением и отличают современного «человека политического» и от «человека неполитического», отчужденного от идеи общественного блага, и от «человека квазиполитического», для которого разрушение социальности самоценно, и, наконец, от «человека дополитического», живущего вне политики, но иррационально уповающего на власть. «Человек политический» ориентирован на диалог с «другими», стремится к освоению нового социального опыта, к утверждению гражданской ответственности в солидарном обществе.

Такая солидарность ищет новые формы выражения, адекватные происходящим социальным и культурным изменениям. До сих пор первое и главное слово в проектировании социального общежития оставалось за государством, и неслаучаен кризис таких разных моделей организации и управления социальностью, как социализм или мультикультурализм. Ключевой проблемой оказывается нахождение соответствующего каждому конкретно-историческому периоду баланса между самоорганизацией и регулированием, между инновацией и традицией, между социальностью и индивидуальностью – состояния, поддержание которого требует постоянных, активных и целенаправленных усилий со стороны всех вовлеченных в политическое взаимодействие субъектов. Остро ощущается потребность в «этическом повороте» в нашем понимании развития. Запрос на социальное творчество создает новое видение политики и ответственности личности за происходящие в обществе изменения. Будущее – за ответственным, мыслящим и ищущим «человеком политическим».

---

³⁵³ Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории. // *Журнал исследований социальной политики*. 2008. Т. 6. № 2. С. 244, 252.

³⁵⁴ Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press. 1991. Pp. 20, 32.

³⁵⁵ Дилигенский Г.Г. *Люди среднего класса*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2002. С. 267.

Глава 11. ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ «INFOMODERNITY»

В.В. Лапкин, И.С. Семененко

Многообразны пути осмысления науками об обществе стремительно меняющейся сегодня социальной реальности. Трудности преодоления встречающихся на этих путях ограничений – как методологического и терминологического, так и концептуально-теоретического характера – связаны с системным и диверсифицированным характером происходящих перемен. Смысловое наполнение наших представлений о новой реальности множится. Фундаментальные ценности и концепты теряют прежнюю определенность, но устойчивым остается ощущение возрастающей сложности человеческого существования.

В качестве ответа на множественные сложные вопросы, возникавшие при попытке описать этот новый формат мирового развития, в свое время был предложен концепт глобализации. Он позволил задать рамочные условия формирующимся представлениям о новом глобальном и универсалистском социальном порядке. Этот порядок интегрирует разнонаправленные тренды и, вместе с тем – повсеместно преобразует и унифицирует многообразие институциональной и нормативной сфер человеческого общежития и социальной коммуникации. Более того, представления о глобализации позволили заложить принципиально новые основания общественной интеграции и политического действия. Характерно, что «основные последствия глобализации на данный момент –...это, прежде всего, отделение власти от политики, сдвиг функций, ранее принадлежавших исключительно политическим институтам, как по горизонтали (например, передача их рынкам), так и по вертикали (от уровня общественной на уровень индивидуальной жизненной политики)»³⁵⁶.

Деинституционализация и децентрализация властных функций, о которых пишет Зигмунт Бауман, их смещение как на уровень безличного автоматизма «рыночного регулирования», так и на уровень индивида и его «жизненной политики», обещают революционные перемены в жизни общества. В последнем случае индивид как социальная проекция человеческой личности выдвигается в ряд ключевых субъектов современной политики, а изучение политических аспектов его социального бытия – аспектов целеполагания и целедостижения – становится одним из приоритетных направлений в осмыслении социально-политических трансформаций современного мира, в прогнозировании рисков и возможных сценариев развития.

Вместе с тем, такой анализ происходящих повсеместно изменений побуждает критически отнестись к устоявшимся в политической науке исследовательским и методологическим подходам. Проблема, как нам представляется, состоит в необходимости существенной коррекции исследовательской оптики, в ее развороте к человеку, все более активно проявляющему заинтересованность в управлении условиями и перспективами собственного существования. Традиционные подходы «по умолчанию» исходят

---

³⁵⁶ Бауман З. Прощание с миром своих и чужих. // *Вокруг света*. 2011. № 10. С. 254. Доступ: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7575/>

из несопоставимости, с одной стороны, «макрополитических субъектов» (правительств и органов исполнительной власти, представительных и лоббистских структур, групп интересов и пр.), а с другой – отдельных граждан, «человеческих единиц», которые нуждаются в «организации», «дисциплинировании» и политическом управлении.

Мы же ведем речь о *необходимости* своего рода «методологического поворота», переориентации исследовательского взгляда на происходящее в сфере политики. Именно «человек политический» является *изначальным носителем политической субъектности, своей деятельностью он формирует политический мир как таковой*, со всеми его вышеуказанными акторами. Потребность в понимании сущности социально-политических изменений побуждает исследователя включить в свой кругозор взгляд на происходящее с позиции «человека политического». С этой позиции макрополитика и действующие на ее поле «субъекты», олицетворяющие отчужденную от человека власть, предстают сегодня объектами индивидуального политического действия. Их институциональное переустройство с целью возвращения человеку контроля над своим политическим бытием и представляет одну из важнейших задач, стоящих сегодня перед всеми нами. Продвижение в разработке концептуальных предпосылок и методологии анализа такого переустройства политического процесса и всей политико-институциональной сферы является важнейшим приоритетом исследования политических изменений в современном мире.

Infomodernity: новая социальная реальность

Практически в каждой из признанных вехой в современных социальных науках работах (в этот круг входят труды таких известных социальных мыслителей и публичных интеллектуалов современности, как Зигмунт Бауман, Юрген Хабермас, Мануэль Кастельс, Ульрих Бек, Энтони Гидденс, Роберт Патнэм, Петр Штомпка) исследовательская оптика в той или иной мере сфокусирована на роли и месте человека в стремительно меняющемся мире. Эти трансформации меняют и саму социальную природу человека, что нашло отражение в получивших признание в социальных науках метафорах, таких, как «индивидуализированное общество» (З. Бауман), «общество риска» (У. Бек) или «информационное (информациональное) общество» (М. Кастельс)³⁵⁷. Теория структуризации Э. Гидденса ставит в центр внимания человеческую деятельность, ее влияние на структурные изменения общественной системы³⁵⁸. Категория «общества» имплицитно признается адекватной нынешней социальной реальности категорией сопряжения пространственных и временных связей.

Между тем в условиях тектонических сдвигов в сознании и поведении, в потребностях и мотивациях современного человека под влиянием продолжающейся технологической революции само ключевое, фундаментальное

---

³⁵⁷ См. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 2005 (2000); Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. 2000 (1986); Кастельс М. *Информационная эпоха: Экономика, общество, культура*. М.: ГУ ВШЭ. 2000 (1996-1998). См. также показатели Индекса цитирования по социальным наукам: http://www.manuelcastells.info/en/SSCIsocialranking_eng.pdf

³⁵⁸ См.: Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley and LA: University of California Press. 1984.

качество «общества», его интегрирующая сущность оказывается под вопросом. Включенность в информационные потоки диктует социальному индивиду императив множественной и постоянно пересматриваемой самоидентификации, утверждение и «ежечасное» подтверждение его права находиться на «переднем крае» современности путем «актуализации» своих потребностей, преодолевая прежние, «теряющие актуальность» социальные обязательства.

Эту формирующуюся на наших глазах новую социальную реальность можно определить как «infomodernity» – пространство социального взаимодействия, в границах которого интеграция индивидов достигается на основе качественно измененных и усложненных требований к характеру их участия в социальной коммуникации. Утверждение infomodernity сопряжено с процессами глобализации, особенно – в информационной сфере, с распространением интерактивных сетевых форм общения. Условием становления такого пространства оказывается персональная и потенциально интерактивная подключенность к глобальной «информационной среде», посредством которой социальный индивид приобщается к новым универсальным нормам и стандартам поведения, к новым условиям жизни и новым ограничениям доступа к ресурсам. Именно в этой среде индивид обретает и свой «политический интерфейс», и доступ к формам прямого и автономного политического действия (в политических акциях, в публичных дискуссиях, в выработке решений), в том числе посредством различных форм сетевой политики. Эти новые формы прямого участия индивида в политике призваны скомпенсировать обезличенность и отчужденность институтов представительной демократии.

Продвижение *infomodernity* обозначает не только известную преемственность с эпохой классического модерна, но и качественное преобразование самой *современности*. Окончательно «освобождая» человека от «опеки» традиционной социальности, оно являет собою критически значимый вызов *человеческой личности*, поскольку посягает на изменение всей ее «несущей структуры». Все ее составляющие, – включая духовую сферу, сферу интимности, этическую и нравственную автономию, личностный суверенитет, – оказываются объектами социализации, ресурсом воплощения статусных амбиций индивида в этом новом формате его социального бытия. Фрагментация жизнеустроения в этом контексте зачастую отождествляется с его «модернизацией», а нарушение личностной целостности воспринимается как обязательное условие соответствия современности.

В этой *новой пространственно-временной реальности* формируются принципиально иные, незнакомые предшествующим эпохам механизмы социализации, обезличенные методы социального контроля и дисциплинирования. Лишаясь «защитной оболочки» межличностного взаимодействия, человек остается один на один с безликой виртуальностью: все более распространенными становятся дистанционные способы общения, воспитания и обучения. Такие изменения пространства социальной коммуникации сопряжены с фундаментальными общественными трансформациями и лишь усиливают отчуждение индивида от институционализированных практик представительной демократии и социальной самоорганизации *Нового времени*.

Социолог и философ науки Бруно Латур указывает, что на смену прежде доминировавшему «большому нарративу об освобождении и модернизации» приходит новый «большой нарратив о связности и вовлеченности». Иными

словами, прежние представления о том, что «природа и ее всеобщие законы постепенно вытеснят многообразие субъективных воззрений», сменяются принципиально новым описанием происходящего, в соответствии с которым «различие между миром субъектов и миром объектов будет все больше стираться, а управление людьми – сливаться с управлением вещами»³⁵⁹.

Абстрактность данной формулировки не мешает усмотреть в ней не только разрыв связи между Человеком и Природой, разрушение представлений о мире, сформированных в эпоху Нового времени, но и прямую констатацию растущего и качественно углубляющегося в условиях новой модерности отчуждения. Прежде оно рассматривалось как временное и ситуативное, его оправданием служил миф о последовательной рационализации общественного устройства, а гуманизм оставался знаковой ценностью современного общества. Теперь же речь идет о неприкрытой и иррациональной дегуманизации, о легитимации повсеместно происходящего превращения человека (социализированного индивида) в объект управления. Императивное самоотчуждение становится условием доступа к благам и возможностям новой социальности, проникает до самых глубин «сферы интимности», настойчиво пытается преодолеть суверенные границы личностного пространства человека.

Манипуляции индивидуальным и коллективным бессознательным давно и активно включены в инструментарий демократического политического порядка. Доступ к ресурсам, необходимым для поддержания жизни и саморазвития, опосредуется иррациональными (при всей их внешней рациональности) институтами и практиками рынка. Этика и прагматика отчуждения становятся несущей конструкцией современной социальности. Построенное на этом фундаменте общество способно использовать материализованные плоды творческой активности личности, но без личностного участия оно не в состоянии генерировать креативный потенциал, отвечающий потребностям современного развития.

Ключевым измерением современного развития становится измерение личностное, индивидуальное. В сознании и социальном поведении человека, в структуре его идентичности происходят глубинные изменения, естественные прежде социальные связи распадаются и зачастую уже не воспроизводятся. Потребность в устойчивых ориентирах самоидентификации порождает конфликтное противостояние групповых идентичностей и размывает идентичности больших сообществ³⁶⁰. Усугубляются разрывы в общественной ткани: «...с приходом глобализации ни спутниковое телевидение, ни Интернет, ни “новые социальные медиа”... – не приблизили нас к “новому глобальному порядку” мира и справедливости. На деле в последние десятилетия расколы в обществе еще более углубились, а межцивилизационные предрассудки и ненависть в начале XXI века стали еще сильнее...»³⁶¹. Углубляется кризис

---

³⁵⁹ Латур Б. 2011. Можем ли мы вернуться на землю? // *Вокруг света*, № 10. С. 63. Доступ: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7547/>.

³⁶⁰ См. об этом: Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке (отв. ред. И.С. Семенов)*. М.: РОССПЭН. 2012.

³⁶¹ Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 4. С. 76.

самоидентификации. Во многом на его основе формируются устойчивые институциональные и социальные дисбалансы сегодняшнего этапа общественного развития, нарастают внутренние напряжения политико-институциональной конструкции современных обществ.

Поиски путей преодоления этих кризисных явлений с неизбежностью ставят в повестку дня вопрос о перспективах изменения сложившегося политико-институционального порядка, о появлении новых субъектов развития вне и помимо привычных национально-территориальных пространств. Насущной потребностью политической науки становится выход из той устоявшейся системы координат, которую Ульрих Бек емко обозначил как «методологический национализм»³⁶². И не только потому, что в политическом процессе наряду с государством-нацией и функционирующими в поле публичной политики институтами уже прочно утвердились и продолжают утверждаться акторы разного уровня и разной природы субъектности (*agency*) – от региона и города до корпоративного бизнеса, гражданских организаций и сетевых протестных сообществ, экспертных центров или публичных интеллектуалов. Но и потому, что в информационном пространстве глобализирующегося мира такая разноуровневая и разноплановая субъектность претендует на самодостаточность и политическую значимость вне зависимости от конкретной повестки дня, трансформируя «неполитическое» в политическое.

Возможность системного осмысления всего многообразия новых политических акторов обусловлена связующей всякую субъектность общей, человеческой природой, влиянием ценностей и убеждений человека, его мотиваций и интересов на процессы принятия и реализации политических решений. В условиях, когда традиционные «политические машины» и механизмы массовой мобилизации дают сбои, анализ причин и последствий исключенности активной и личностно мотивированной категории граждан из процессов разработки и принятия политических решений, а также осмысление перспектив преодоления такой исключенности могут, в конечном счете, помочь более эффективно задействовать личностный потенциал в разрешении противоречий современного развития.

Тем более такой анализ способен прояснить и контуры новых форм самоорганизации гражданского (и еще не вполне гражданского) общества, которые рождаются на наших глазах, но не вписываются в устоявшееся понимание гражданской активности и гражданской идентичности. В конечном счете – осмыслить изменение самой парадигмы гражданского общества и гражданственности в условиях *infomodernity*.

Человек, индивид, личность: к вопросу о политической субъектности

В условиях *infomodernity* растущая исключенность человека из процессов общественно значимого целеполагания парадоксальным образом способствует политизации сферы его индивидуальных интересов. Однако новое обретение и освоение прежде отчужденных личностных качеств и, особенно, потребности в ответственном *целеполагании* в публичной сфере – сущностном атрибуте политики – требует от человека постоянных, целенаправленных и этически мотивированных усилий. *Мировоззренческий, этический выбор становится ключевым фактором, задающим вектор развития современного общества.*

---

³⁶² Бек У. Живя в обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот. // *Полис*. 2012. № 5. С. 45-46.

Политические институты и процессы, бывшие до сих пор сферой первоочередного внимания политической мысли, представляют собой отчужденные от человека формы его социального творчества. В таком самодовлеющем качестве они и рассматриваются в рамках текущего политического анализа, оперирующего понятиями «государства» и «общества» как однозначно определенными категориями.

Сегодня в России задачи концептуализации человеческого измерения политики, выявления механизмов формирования и реализации политических потребностей человека как представителя социальной группы, осмысления природы политического восприятия и особенностей формирования представлений о политических лидерах, о власти и о стране находятся в центре политико-психологических исследований. Природа бытующих в массовом сознании политических образов различна³⁶³, и методологический инструментарий политической науки сочетает качественный анализ представлений людей и новые концептуальные модели анализа природы и механизмов политического восприятия³⁶⁴.

Человек рассматривается как активный участник изменений, выступая «базовой единицей» их анализа. Значимость такой аналитической задачи обусловлена тем, что «вовлечение в политику ранее пассивных слоев населения со всей остротой поставило перед политической психологией и политологией в целом вопрос о том, как личностные особенности влияют на участие в политике»³⁶⁵. Актуальность исследовательского интереса к «человеку действующему» (в терминологии Алена Турена), проявившемуся в известных событиях 1968 г. во Франции, как нельзя лучше подтверждает и стремительный рост политической конфликтности на арабском Востоке в начале XXI века, и нынешние события на Украине и вокруг Украины. Осмысление политического конформизма и самоотчуждения от политического участия, равно как и природы деятельной вовлеченности, ее конструктивных и деструктивных форм рождает потребность в тонкой методологической настройке инструментария политических исследований³⁶⁶.

---

³⁶³ *Образы власти в постсоветской России* (под ред. Е.Б. Шестопаля). М.: Алетейя. 2004; *Образы российской власти. От Ельцина до Путина* (под ред. Е.Б. Шестопаля). М.: РОССПЭН. 2008.

³⁶⁴ *Психология политического восприятия в современной России* (под ред. Е.Б. Шестопаля). М.: РОССПЭН. 2012. С. 10.

³⁶⁵ Шестопаля Е.Б. *Политическая психология*. Учебник. 4-е изд. М.: Аспект-Пресс. 2012.

³⁶⁶ Методология таких исследований предполагает комплексный подход. Наряду с традиционными опросами, дискурс-анализом и методом углубленных интервью можно отметить уже получивший определенное признание в социальных науках «биографический метод» (представление жизненных историй «простых» людей), а также контент-анализ социальных медиа и площадок сетевой самоорганизации (например, краудсорсинга), Интернет-картографирование таких источников, сбор и систематизация визуальных и вербальных описаний политических процессов и явлений. Пример применения разноуровневой методологии см.: Bruter M. and Harrington S. *How European Do you Feel & The Psychology of European Identity*. LSE. 2012. Доступ: <http://www.lansons.com/pdfs/eu-identity-brochure.pdf>; см. также: Самаркина И.В. *Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики: методологические аспекты*. Краснодар: Кубанский гос. университет. 2013.

Возвращение целостной человеческой личности в исследовательское поле политологии и смежных областей общественных наук и формирование адекватного научного дискурса оказывается своего рода «методологическим вызовом» для тех, кто занимается изучением сферы политического. А дихотомия представлений о сферах интересов и потребностей личности и социального индивида представляет вызов и для самого человека как субъекта изменений, и для социогуманитарного знания, в котором он воплощает понимание своей социальной вовлеченности. Именно поэтому столь важной задачей становится сегодня «разворот» теоретических конструкций, описывающих современное общество, и всего методологического инструментария социальных наук в направлении человека и его потребностей в творческой самореализации.

Поиск источника креативности, время от времени демонстрируемой человеком способности к порождению нового – будь то знания, смыслы, навыки, технические усовершенствования, произведения материальной и нематериальной культуры – приводит к пониманию того, что человек как существо, наделенное индивидуальностью³⁶⁷, отнюдь не может быть сведен к типологизированному социальному индивиду: он стремится утвердить себя в качестве уникальной и ориентированной на свободное развитие, инновационной личности³⁶⁸.

Именно такая личность, по мысли Петра Штомпки, «помогает рождению самоподдерживаемых изменений, которые постоянно революционизируют жизнь – ее стандарты, ценности»³⁶⁹. Но проявиться такая личность с присущей ей креативной силой может только в современном обществе – там, где «возникает социальный запрос на индивидуальность...», «запрос на субъекта творческой деятельности, способного производить новое»³⁷⁰. Подлинным мерилom современности общества становится сложная, многосоставная идентичность, для которой характерно сосуществование разных значимых для

³⁶⁷ Сам термин *индивидуальность* приобрел в обыденной речи смыслы, принципиально отличные от смыслового наполнения латинского понятия *individuum* (лат. *individuum* – неделимое; ср. греч. *ἄτομος* – неделимый). На уровне индивида решающую роль играют процессы самоидентификации, обеспечивающие его причастность к социальной и политической жизни соответствующего сообщества. *Individuum* предстает именно как элементарная частица сообщества, без особых претензий на уникальность. Напротив, индивидуальность является олицетворением личности, отвечает стремлению индивидов, объективно ограниченных в выборе социальных ролей, скомпенсировать это самоограничение представлением о собственной уникальности.

³⁶⁸ Понятие «инновационная личность» как противоположенное «авторитарной личности» сформулировано американским ученым, теоретиком социальных изменений Эвереттом Хагеном в 1962 г. в работе, посвященной анализу стимулов экономического роста. Хаген выделил влияние личностных качеств человека как на утверждение его собственного социального статуса в обществе, так и на экономический рост. См. Hagen E. *On the Theory of Social Change. How Economic Growth Begins*. Illinois: The Dorsey Press Inc. 1962; подробнее см. Морозова Е.В. Инновационная личность как субъект политических изменений. // *Модернизация и политика: традиции и перспективы России*. Политическая наука: Ежегодник 2011. М.: РОССПЭН. 2011.

³⁶⁹ Штомпка П. *Социология социальных изменений*. М.: Аспект Пресс. 1996. С. 301.

³⁷⁰ Федотова В.Г. *Хорошее общество*. М.: Прогресс-Традиция. 2005. С. 167.

человека социальных ориентиров и ролей, актуализирующихся в конкретных жизненных ситуациях, и четких критериев нравственного выбора.

Бурный рост интереса к концептуализации идентичности в ее политическом измерении свидетельствует о потребности в адекватном инструментарии для понимания механизмов освоения политической реальности на личностном, индивидуальном уровне в сочетании с уровнем групповым, социетальным. А также – о стремлении к осмыслению на этой основе *человеческой* природы социальных инноваций как движущей силы развития. Методологические и концептуально-теоретические разработки на этом поле нацелены на формирование общего для политической науки дискурса идентичности³⁷¹. Такой дискурс переориентирует политические (и, шире, социальные) исследования с описания процессов институциональных изменений на осмысление их мотивации и оценку потенциала социальных инноваций.

Отличительные качества инновационной личности как социального типа – это «способность к творчеству, наличие определенного интеллектуального ресурса, социальная зрелость как готовность к инновационной деятельности». Важнейшей ее характеристикой является присутствие у человека социальной мотивации, т.е. нацеленности на решение задач, выходящих за рамки частных интересов, и нравственной ответственности за свою деятельность. Напротив, «отсутствие социальной зрелости и нравственных ценностей с неизбежностью порождает технократическое мышление, социальную индифферентность и, в конце концов, ущербную личность, нередко представляющую опасность для общества»³⁷². Нерелевантное принятие социальных норм и установлений, включенность в отчуждающие практики обезличивают человека, превращают его в пресловутый «социальный автомат» (по известному выражению Х. Ортеги-и-Гассета). *Освоение личностью мировоззренческих позиций, на которых она может противостоять этой тенденции обезличивания, обретение ею способности к проведению соответствующей «жизненной политики» в современном сложном обществе оказывается едва ли не ключевым условием ее становления и самосохранения.*

Но каким образом созидательное, преобразующее отношение личности к окружающему превращается в консервативную социальную норму? Как эта социальная норма соотносится с порождающим ее креативным мышлением? И почему человеческая личность, субъект социальных перемен, соглашается быть в подчинении у «непостижимого, неопределенного, безответственного субъекта, имя которому – люди, общество, коллектив»³⁷³?

Социально-психологический анализ обнаруживает, что первоисточник присущей человеку креативности формируется вне поля социальности,

---

³⁷¹ См.: *Политическая идентичность и политика идентичности*. Т. 1. *Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий* (отв. ред. И.С. Семенов). М.: РОССПЭН. 2011.

³⁷² Шевченко В.Н. Инновационная личность как социальный тип. // *Научные ведомости*. Серия: *Философия. Социология*. Право. № 2 (73). С. 40, 49. Вып. 11. 2010. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-lichnost-kak-sotsialnyy-tip>

³⁷³ Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди. // *Избранные труды*. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир». 2000. С. 611.

диктующей индивиду нормы и правила адекватного сложившимся общественным отношениям поведения и воображения, – равно как и вне «генетически запрограммированного». Ни наследственность, ни «среда» (важнейшие факторы детерминации биологических и общественных возможностей индивида, в т.ч. и его возможности доступа к информации и прежде накопленному знанию) не могут служить сколько-нибудь исчерпывающим объяснением актуальной способности человека к порождению новых идей. Таким источником идей, ценностей, смыслов, социально или биологически незапрограммированных поступков представляется личностный потенциал человека. Эти идеи, смыслы и поступки способны стать движущей силой социальных изменений в той мере, в которой они включаются в политический, культурный и другие социальные процессы благодаря личностно-социальной природе человека. Решающей оказывается его способность быть одновременно духовным и материальным существом, жить в собственном идеальном мире и вступать в практические отношения с окружающими его социальным и материальным мирами, разрешая в рамках своего духовного опыта возможные ценностные конфликты.

Изначально, как распространяющиеся посредством межличностного общения, эти идеи и смыслы несут неповторимую печать породившей или транслирующей их личности. Но по мере того, как в их восприятии при продвижении по коммуникационным сетям фактор *межличностной эмпатии*³⁷⁴ отступает в тень, замещаясь формальными практиками усвоения «известных истин», на первый план выходит фактор *общественных авторитетов*, нормативно устанавливающих смысловые значения тех или иных новаций. Таким путем создаются предпосылки для включения этих новых формализованных смысловых значений в отчужденную от индивида систему социального дисциплинирования (так называемого социального знания) и организации кооперативной деятельности сообщества, подчиненной диктату этих смыслов и «знаний» (научений, заученности, внешнего смыслонаполнения). Так смыслы, интегрированные в структуры социальности и отчужденные от их естественного порождающего начала – личности, становятся основой власти и властного принуждения, низводящего личность до роли *индивида, автономия которого ограничена его социальным статусом*.

Тем не менее, под социальной личиной «индивидуальности» сохраняется личность – всегда в той или иной мере проявляющаяся. Именно потребность в самореализации и в идеальном конструировании окружающего мира, в распрямлении содержащихся в нем смыслов и опредмечивании собственных идеальных конструкторов ответственна за формирование каждым человеком уникальных, только ему присущих принципов мировосприятия и моделей поведения. И, в то же время, она задает качество межличностного взаимодействия. И именно на эту основу накладываются затем структуры социализации, преобразующие личностную уникальность мировосприятия и формирующие те самые социальные типы – носителей групповых идентичностей. «Социализация – ...это сложный и подвижный механизм

---

³⁷⁴ От греч. *έν πάθος* – страсть, страдание; умение сопереживать, прочувствовать человека, внутренняя настройка на одну с ним волну смысловой коммуникации.

взаимодействия между стремлением индивида к свободе самоопределения и не менее сильной тягой к безопасному существованию, которое ты сможешь обрести, только если твой выбор одобрен обществом...»³⁷⁵ Но это также и средство включения интересов индивида в пространство надиндивидуальных интересов и мотиваций, оформленных в соответствующее микро- или макрообщество. Так происходит интериоризация макрополитических идентичностей, ценностных предпочтений и политических установок, через которые выстраивается обратная связь социального индивида (гражданина современного общества) и политических институтов, призванных представлять общественный интерес. При этом «не все общественные ценности, даже если они осознаются и признаются человеком в качестве таковых, действительно становятся личностными. ...Структура политических ценностей отдельной личности лишь в некоторой мере отражает структуру ценностей общества в целом, при этом точность этого отражения зависит от множества как социальных, так и индивидуально-психологических факторов»³⁷⁶.

Что же касается личностного измерения индивидуальности, то оно раскрывается при рассмотрении сферы человеческого общения за вычетом усвоенных индивидом социальных ролей. В том числе и профессиональных, и гражданских, и частно-правовых, и гендерных, и возрастных, – вплоть до «семейных» (понимая последние как также вмененные человеку его референтным сообществом, т.е. рассматривая семью только как социальный институт и оставляя межличностные отношения и духовные связи в ней «за скобками»). Иными словами, речь идет о пространстве межличностного общения, в рамках которого ролевые предписания социальности отходят на второй план. Ведь «социальное обнаруживает себя только по контрасту с межличностным»³⁷⁷ и оказывается востребованным там и тогда, где и когда в человеке личность «отступает в тень», отдавая первенство интегрированному в формализованные ролевые отношения социальному индивиду.

Микрополитическое и макрополитическое: диалектика взаимовлияния

Различение между коллективными и индивидуальными субъектами социальных изменений ставит вопрос о взаимозависимости их интересов, мотиваций и действий, о механизмах взаимосвязи индивидуального и коллективного, микро- и макрополитического.

Наличие условий, благоприятствующих становлению инновационных личностей, способных генерировать и продвигать соответствующие проблемам общественного развития идеи и изменения, определяет качество общества, его современность. Но вовлеченность таких личностей в политическое взаимодействие определяется индивидуальным сочетанием интересов, потребностей, убеждений и мотиваций. В ряду мотивов личной вовлеченности в политическое действие выделяется «выраженная потребность во власти, которая, как известно, относится к квазипотребностям и может “наполняться”

³⁷⁵ Бауман З. Прощание с миром своих и чужих. // *Вокруг света*. 2011. № 10. С. 258.

³⁷⁶ *Психология политического восприятия в современной России (под ред. Е.Б. Шестопал)*. М.: РОССПЭН. 2012. С. 38.

³⁷⁷ Ортега-и-Гассет. Человек и люди. // *Избранные труды*. 2-е изд. М.: «Весь Мир». 2000. С. 616.

разными потребностями (в идеальном устройстве общества, в самореализации и др.)». В том числе – и потребностью «в преодолении сопротивления политическим изменениям»³⁷⁸. С другой стороны, сопротивление переменам, замедление темпа социальных преобразований, особенно – связанных с распространением практик тотальной коммерциализации, может иметь решающее значение для более основательной адаптации общества к переменам, для сохранения его жизнеспособности и субъектного потенциала составляющих его индивидов³⁷⁹. И здесь проблема индивидуальной этической мотивации снова встает во весь рост. Человеку во все времена было свойственно искать смыслы бытия и пути преодоления противоречий между индивидуальным мировосприятием и общественными потребностями. В условиях современного информационного «сетевое» общества ход времени сжимается, а границы пространства раздвигаются. Это разрывает устойчивые иерархии связей между личностью, обществом и государством. Но социальная солидарность и доверие остаются жизненными основаниями «хорошего общества», а присущая человеку способность выносить нравственное суждение, в том числе о политике, придает ему решимость отстаивать демократические принципы социального общежития, по сути – реально быть, а не просто именоваться гражданином.

Рядовой человек, гражданин и избиратель вовлекается в пространство политических взаимодействий через механизмы публичной политики. В контексте исследования новых тенденций в отношениях общества и власти Ю.А. Красин отмечает нынешний «эпохальный масштаб перехода к новой парадигме публичной политики», когда «быстро развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности требует кардинальных социальных инноваций, соединяющих принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов»³⁸⁰. В ходе соотнесения личностного и социально ориентированного измерений в сознании и политическом поведении человека выстраивается тот политико-институциональный порядок, который определяет возможности инновационного развития.

Однако реализация таких возможностей оказывается в прямой зависимости от синергии общественного запроса на развитие, адекватного ему целеполагания на уровне представителей политической элиты и эффективных (соответствующих задачам развития) управленческих практик. Неслучайно глубинную причину социального неблагополучия, в том числе и во внешне благополучных обществах, Г.Г. Дилигенский, ученый, стоявший у истоков российских исследований в области социально-политической психологии, видел в «несогласованности индивидуального потенциала человека, т.е. его потенциалов деятельности, с доступными ему формами социальных связей и

---

³⁷⁸ Морозова Е.В. Инновационная личность как субъект политических изменений. // *Модернизация и политика: традиции и перспективы России*. Политическая наука: Ежегодник 2011. М.: РОССПЭН. 2011. С. 214.

³⁷⁹ Поланьи К. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 2002. С. 45-54.

³⁸⁰ Красин Ю.А. 2013. Государство и общество: сдвиги во властном поле. // *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 52.

социально значимой деятельности»³⁸¹. Это наблюдение тем более справедливо сегодня, когда институциональные изменения все заметнее отстают от изменений, происходящих в структурах сознания и социального поведения современного человека.

На пути осмысления присущих индивиду механизмов интериоризации политических взаимодействий исследователя подстерегают известные опасности социального, психологического или даже биологического детерминизма. Одна из главных проблем, встающих при разработке темы «человек и политика», обусловлена тем нетривиальным, с позиции политической науки, обстоятельством, что попытка исключить «личностное измерение» человека, ограничиться рассмотрением его как социального индивида по сути означает редукцию общественного развития к социальному конструированию. Или, иными словами, – попытку следовать элитистской парадигме конструирования социальной реальности.

Альтернативой элитизму является утверждение в современном политическом пространстве «человека политического», носителя ценностей социальной солидарности, социальной справедливости, прав личности на самореализацию. Но сегодня такая система ценностей не только вступает в конфликт с традиционными политическими институтами, но, нередко, отторгает их как «неэффективные». Эпоха глобализации и реальность *infomodernity* открывают невиданные ранее возможности для мобилизации антиэлитистского протеста и нового «восстания масс», а вместе с тем размывают когнитивные и прогностические возможности традиционных исследовательских подходов.

Пространство активности человека политического формируют сегодня блоги, социальные сети, политические флэшмобы, краудсорсинг и другие рождающиеся на наших глазах формы сетевого политического участия. В поле сетевой публичной политики могут активно взаимодействовать субъекты гражданского общества и власть, создавая механизмы «обратной связи» между гражданами и государством. Таким потенциалом обладает, например, политический краудсорсинг³⁸². При этом сетевые формы коммуникации производят социальный капитал как созидательный, так и деструктивный по своему потенциалу, культивирующий «теневую» составляющую политики. В процессе групповой консолидации участников зачастую формируется «сет-центричная картина мира, когда все практики членов социальной сети и оценки действий других осуществляются сквозь призму ценностей сети», что особенно ярко проявляется в этнических сетях³⁸³.

Мобилизация сетевых ресурсов меняет и контуры политического поля: «индивидуализированное общество» встраивается такими путями в «текущую современность». Превращение протеста в конструктивные действия и достижение согласия по принципиальным позициям нового «общественного

---

³⁸¹ Подробнее см.: Дилигенский Г.Г. *Социально-политическая психология*. Учебное пособие для вузов. М.: Институт «Открытое общество» – Наука. 1994. С. 87-110.

³⁸² См. об этом: Мирошниченко И.В. *Сетевой ландшафт российской публичной политики*. Краснодар: Просвещение-Юг. 2013.

³⁸³ Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. «Инвесторы политического капитала»: социальные сети в политическом пространстве региона. // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 2. С. 63.

договора» – вызовы, на которые протестные движения пытаются дать ответ с помощью информационных технологий (таких, как «Dotmocracy» – технология оценки конкретных инициатив с помощью опросных листов для последующего обобщения данных и разработки общих позиций участников). Но лимиты такого рода практик столь же очевидны, как очевидны и пределы возможностей социальной консолидации современных обществ.

Появление новых непривычных «форматов» политического взаимодействия делает проблематичным функционирование традиционных механизмов интеграции социальных субъектов. Такая интеграция понимается, как правило, как «результат совокупности социальных действий», т.е. в парадигмальных рамках «методологического холизма». Но по мере того, как прогрессирует дифференциация и формируются сложные, многосоставные общества, в которых проявляется многообразие и растет потенциал конфликтности партикулярных интересов составляющих их малых сообществ, усложняется задача адекватного осмысления этой реальности и прогнозирования изменений известными сегодня социальным наукам методами.

В теории интегральная совокупность общества детализируется «как бы» вплоть до отдельного «индивида», однако всегда предполагается его принадлежность к какому-либо «социальному типу». При этом число таких типов принципиально ограничено и на порядки меньше, чем число членов данного сообщества. Иными словами, до каждого «гражданина» как уникального члена сообщества такой подход в принципе дойти не может, поскольку он позволяет интегрировать индивидов в общую совокупность макросообщества, только если каждый из них предварительно соотнесен с типологически дифференцированной группой. Ярким примером приложений такого подхода являются социологические опросы, выявляющие типологизированные настроения масс.

Существенно продвинувшись в разрешении проблемы интеграции индивидуальной субъектности в социальное и политическое целое позволила концепция *политической культуры*. Политическая культура как пространство соотнесения индивидуальной и социальной (групповой, коллективной) составляющих политического сознания и поведения была «открыта» миру Габриэлем Алмондом и Сиднеем Вербой в известном классическом труде 1963 г. Концептуализируя это понятие, прежде бытовавшее в социальных науках скорее как метафора, американские социологи справедливо указали на то, что занимающиеся микрополитикой исследователи обычно удовлетворяются общими констатациями о наличии взаимосвязи между двумя уровнями политической реальности постольку, поскольку неизменным участником политических взаимодействий является индивид. Согласно их аргументации, «политическая культура» выступает в качестве «связующего звена между “микрополитикой” (аттитюдами и мотивациями индивидов – участников политической системы) и “макрополитикой” (ее институтами и процессами)»³⁸⁴.

По контрасту с рассмотренными выше подходами подход, реализуемый в парадигме «методологического индивидуализма», ориентирован на исследование процессов формирования новых социальных практик (рутин) и

---

³⁸⁴ *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* / Ed. by G.Almond, S.Verba. 1963. L.: Sage. Pp. 30-33.

новых институтов, которые предстают в его рамках как процессы адаптации общественным организмом индивидуальных инноваций, инициированных, зачастую, в межличностном общении. Его исходным пунктом является признание невозможности локализовать источник социальных изменений исключительно в рамках нормативно-институциональной системы общества. С таких позиций именно индивид, в силу органически присущей ему субъектной активности (в ней проступает «внутренний мир» целостного человеческого существа) оказывается постоянно действующим, активным началом общественных трансформаций. При этом внутренней мотивацией, побуждающей человека принимать правила, предлагаемые ему обществом как носителем коллективного выбора, и, одновременно, стремиться к их активному изменению в собственных интересах, оказывается потребность в общении, коммуникации с окружающими его «другими», – жизненно важное условие его самореализации как личности. В этом истоки феноменов власти и влияния, информационного обмена и ограничений доступа.

Тем не менее, ни один из упомянутых нами подходов не вносит необходимой ясности в понимание природы взаимозависимости личностной, микро- и макросоциальной составляющих политического взаимодействия, особенно – ввиду того влияния, которое оказывает углубляющаяся и неизбежная для современного социального индивида включенность в публичное пространство на его идентичность и личностное самостояние. Поэтому методологической задачей становится синтез политико-психологического и институционального ракурсов анализа, выявление взаимосвязей между развитием человека и динамикой представляющих надындивидуальные интересы институтов.

Индивидуализация политики в контексте *infomodernity*

Ярким результатом зарубежных исследований макро- и микрополитики стало обоснование ухода «общественного человека» (*public man*) из политической сферы в сферу частной жизни³⁸⁵. Широко известна концепция «индивидуализированного общества» З. Баумана. Задаваясь вопросом о том, есть ли в таком обществе место политике, он пишет об «эрозии и постепенной деградации идей гражданства», о «колонизации “общественного” “частным”», о выхолащивании «публичного интереса»³⁸⁶.

Но сама модель «индивидуализированного общества» возводит непреодолимые препятствия на путях освобождения личности от диктата надындивидуальных интересов, сталкивает человека лицом к лицу с неподконтрольными ему обезличенными государственными и выступающими от имени интересов государства структурами. Стремительно растет число акторов на современной сцене политического целедостижения, растет и многообразие сопряжений и пересечений индивидуальных жизненных интересов, активно отстаивающих свое право на реализацию вопреки устоявшимся институциональным и нормативным границам. В этих условиях набирает силу своего рода реактивная тенденция к *индивидуализации политики*. В результате «наряду с распадом и уничтожением традиционных надличностных, жестко

³⁸⁵ Sennett R. *The Fall of Public Man*. L.: Penguin. 2003 (1977).

³⁸⁶ Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 2005. С. 61-62.

структурированных и жестко руководящих центров власти мы, похоже, наблюдаем и параллельный процесс: осиротевший индивид сам постепенно становится таким центром. Привычные политические авторитеты исчезают или отходят на второй план, и возникающую пустоту начинает заполнять индивидуальное «я»³⁸⁷. Политическая рефлексия, целеполагание и участие становятся важными компонентами жизненных стратегий «человека политического», а идейный выбор зачастую оказывается нравственной дилеммой. Актуализируется потребность в «приватизации политики», эффективное использование которой как инструмента целедостижения в обстановке жесткой конкуренции становится, уже на индивидуальном уровне, условием выживания в современном обществе.

Диверсификация жизненных стратегий современного социального индивида, когда отторжение политического в пользу частного сопрягается с «присвоением» политики и включением ее в сферу частного интереса, обусловлена имманентными противоречиями общества потребления и происходящим на наших глазах изменением качества политической коммуникации. Нельзя не упомянуть в этом контексте два бестселлера американской социологической мысли предыдущего поколения – книгу Дэвида Ризмана, раскрывающую механизмы утверждения социальной конформности в «обществе среднего класса»³⁸⁸ и исследование Сеймура Мартина Липсета о формировании политического выбора рядового избирателя³⁸⁹. Политическая конформность способствует, в соответствии с общим выводом этих авторов, стабильности демократической системы. Но о конформности (или о росте конформизма) речь идет не столько как о психологической характеристике массового сознания, сколько как о принципиальной для современного человека потребности в соотношении себя с другими, о потребности в самоидентификации с утвердившимися образцами мышления и поведения как опоры самостояния.

Общество потребления возводит конформность в абсолют. Рефлексия и идейные убеждения замещаются рутинными процедурами выбора из «меню» готовых форм политического поведения. Но очевидно, что рост политического конформизма вступает в острое противоречие с потребностью в индивидуальной свободе и социальной креативности, условием которых является непосредственная включенность человека в процессы политического целеполагания. В современном обществе такая включенность открывает пути реализации его интересов и как социального индивида, и как инновационной личности. Современный «человек политический» мотивирован к деятельности, которая выходит за рамки его частных интересов, при этом далеко не всегда такая деятельность связана с политическим активизмом. Потребность в преодолении универсалистски-потребительской конформности и дилеммы нравственного выбора становятся вызовами того этапа современности, который мы и определяем как *infomodernity*.

Нарастающий разрыв между психологическими, технологическими и институциональными изменениями формирует представление о новом качестве социального и природного окружения современного человека. Проективные

³⁸⁷ Бауман З. Прощание с миром своих и чужих. // *Вокруг света*. 2011. № 10. С. 256.

³⁸⁸ Riesman D. (with N. Glazer and R. Denney). *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven: Yale University Press. 2001 (1950, 1969).

³⁸⁹ Lipset S.M. *The Social Bases of Politics*. N.Y.: Doubleday & Company. 1960.

идентичности меняют его представления и о себе самом. В последние годы появились многочисленные работы, авторы которых не только акцентируют значение «пси-фактора» в структуре и динамике взаимоотношений индивида, общества и власти, но пытаются изыскать адекватные подходы к интеграции биоэтики и смежных областей негуманитарного знания в сферу политического прогнозирования. В частности, британский социолог Николас Роуз³⁹⁰ устанавливает прямую взаимозависимость изменений в управляемости социумом и в представлениях человека о себе, об этических основаниях своего самостояния. Исследуя социальные детерминанты человеческого сознания, Роуз предлагает критически оценить и последствия известных «проектов формирования идентичности». Он обращает особое внимание на то обстоятельство, что «мотивированные идеалами утверждения коллективных идентичностей политические стратегии вдохновлялись не только благородными стремлениями гуманизма и приверженности индивидуальной свободе, но и стремлением к господству или к очищению», к единообразию во имя общей идентичности³⁹¹. Политика идентичности выступает, тем самым, эффективным инструментом интеграции макросообществ, позволяющим им до известной степени противостоять вызовам индивидуализации и сетевой интеграции виртуальных сообществ эпохи *infomodernity*.

Контроль над информацией, по широко распространенному мнению, разделяемому и рядом авторитетных исследователей³⁹², превращается в самостоятельную и самодовлеющую силу социальных изменений, а индивидуализация политических взаимодействий при растущей бюрократизации управления сложным обществом выхолащивает традиционные политические

---

³⁹⁰ Н. Роуз – специалист по биомедицине, декан созданной в 2011 г. при факультете социальных наук и публичной политики кафедры социальных наук, здоровья и медицины Королевского колледжа Лондона (Department of Social Science, Health & Medicine, King's College, London).

³⁹¹ Rose N. 1998. *Inventing Our Selves. Psychology, Power, and Personhood*. Cambridge: Cambridge University Press. 1998. Pp. 39-40.

³⁹² Ганс Кёхлер, признанный эксперт в этом вопросе, обращает наше внимание на необходимость критического подхода к этой проблеме, поскольку сам термин *информация* может толковаться двояко: как с акцентом на индивида, воспринимающего ее и наделяющего ее смысловым и ценностным содержанием, так и с акцентом на средства ее распространения (включая и самые современные), «переделывающие» человека под свои нужды. «Электронные СМИ, позволяющие пользователям выступать в роли как потребителей, так и поставщиков информации, многим видятся волшебным средством, способным изменить саму природу человеческого общества. Похоже, как и Маршалл Маклюэн в 1960-е годы, современные кибер-утописты путают метод с содержанием – т.е. технические средства коммуникации (сами по себе не имеющие ценности) с сообщением, которое доставляется посредством их. ...Маклюэн, похоже, упустил (или намеренно проигнорировал) осознанный контроль, осуществляемый индивидом, а также его моральную ответственность за то, как используется это средство. Пророческое высказывание Маклюэна “средство есть сообщение” сегодня созвучно распространенному мнению о приходе новой парадигмы, связанной с конструированием жизни общества, “изобретением заново” человека как “политического животного” (*zoon politikón*) в эпоху глобальных взаимосвязей». (Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 4. С. 75).

институты. Осмысление воздействия сетевых практик на сферу межличностных отношений и их интериоризации в индивидуальной и надындивидуальных идентичностях позволяет говорить о формировании «сетевой идентичности», в которой сосуществуют сознательные и бессознательные, не отрефлектированные мотивации и установки человеческого поведения. Давление информационной среды качественно меняет структуру личности, деформирует ее онтологические, бытийные основания. Между «включенными» в нее и «исключенными» (по собственному ли выбору, выражающему протест против насильственного поглощения индивидуального пространства, или ввиду отсутствия возможностей доступа, как на обширных пространствах незападного мира) пролегла цивилизационная пропасть нового типа, формирующая режим своего рода «глобального апартеида».

Новые, все более изощренные коммуникационные возможности обещают немислимое прежде освобождение индивида от ограничений пространства и времени, от одиночества и невостребованности. Но по мере их освоения человеком они создают для него и новые угрозы, ввергают его в состояние «новой несвободы». Обостряющейся проблемой современной политики становится появление анонимных или квазианонимных авторитетов эпохи информационного общества, определяющих и формирующих дискурс сетевых интернет-сообществ. При этом смысловые и идейные новации, распространяющиеся под эгидой этих нового типа авторитетов, в своем становлении в качестве социально значимого феномена, как правило, минуют стадию апробации в полноценном межличностном общении. Зачастую они рождаются как своего рода полуфабрикаты, изначально лишены тех многомерных духовных смыслов, что свойственны человеческой личности; в них уже предусмотрена «предпродажная подготовка», ориентированная на массового потребителя, и они максимально готовы к продвижению на информационный рынок.

Человеческое общение в формате социальных интернет-сетей становится неподконтрольным человеку, а сам он, погруженный в вездесущие информационные потоки, сталкивается с еще более острым и неутолимимым дефицитом общения. Американские исследователи этого феномена предлагают рассматривать социальные сети как «человеческий суперорганизм с собственной структурой и функциями», действия которого выходят из-под индивидуального контроля и «могут вызвать моральные или социальные последствия вне или помимо нашей воли»³⁹³. Последствия – как положительного для развития человеческой личности свойства, в непредставимых еще поколение назад масштабах расширяющие возможности освоения информационных ресурсов, так и отрицательного, посягающего на ее самостояние.

Окружающее человека тотальное и «мультимедийное» информационное поле все отчетливее демонстрирует и системный изъян – избыточность при колоссальном дефиците значимых для развития человека смыслов в той обезличенной информации, которая со всех сторон обволакивает вовлеченного. Проблема в том, что непременным условием информационного обмена является наличие «соотнесенности» (коррелированности) между его участниками, взаимопонимания, достаточного для адекватного распознания

---

³⁹³ Christakis N., Fowler J. 2011. *Connected. The Amazing Power of Social Networks and How They Shape Our Lives*. L.: Harper Press. Pp. xii-xiii.

смыслов символических транзакций и последующего кооперативного, согласованного на этой основе поведения. Такая «соотнесенность» соответствует тонкому состоянию между внешним пониманием, ответственным за способность к взаимодействию с другими, к социально приемлемому поведению – и внутренним миром человека, его суверенным миром идей, ценностей и смыслов, закрытым от окружающих.

По большей части (и *по видимости*) «соотнесенность» есть продукт социализации, приобщения к строю цивилизации и к культуре соответствующего сообщества, к специфическим ролевым функциям индивида в этом сообществе. Но вместе с тем она есть (*по сути*) результат внутренней духовной работы человеческой личности, ее усилий по формированию коммуникационной среды, необходимой ей для самореализации в общении с другими. Она есть совершеннейший продукт найденного личностью решения базового онтологического противоречия человеческого существования, обусловленного воплощаемым человеком единством «материи» и «духа». Информационный обмен при отсутствии «соотнесенности», опосредованной межличностной эмпатией, ведет к потере смыслов и деградации человеческого общения. Именно вождение «свободы от» социальных норм и социального контроля делает столь привлекательными для индивида виртуальные формы общения, но оно оборачивается эфемерным характером его социальных связей и, в конечном счете, деградацией навыков и способности к человеческому общению, распадом личности.

Другой гранью несвободы человека в эпоху Интернета оказывается парадокс «возвращения на круги своя»: попытка «убежать» от диктата любых институций и социальных норм оборачивается возвращением «под спасительную сень» виртуального сообщества. Интернет-толпа³⁹⁴ стала порождением новейших, сетевых форм социальной интеграции. Стоит обратить внимание на то, что сетевые коммуникации как никакие другие способствуют концентрации информации и власти (управления) в ключевых узлах сети, обеспечивающих ее функционирование. В них же концентрируются ключевые ресурсы, на обмене которыми специализируется сеть. В процессе такого обмена она получает стимулы для развития – как качественного, так и количественного – своей инфраструктуры. Так, «информация» концентрируется на крупнейших хостингах и в ключевых IT-центрах. Финансовые ресурсы – у

---

³⁹⁴ Резюмируя результаты анализа, проведенного Уильямом Даттоном, директором Оксфордского института Интернета (Великобритания), Ганс Кёхлер пишет: «Интернет-толпа стала особого рода властью, независимой от “mainstream media”». (Köchler H. *The New Social Media and the Reshaping of Communication in the 21st Century*. 2011. Доступ: http://i-p-o.org/Koehler-New_Social_Media-Doha_Dialogue-Oct2011-V4.pdf). Сам Интернет, по словам Даттона, представляет собой «пятую власть», способную бросить вызов существующей (традиционной) власти (Macht der tausend Augen. // *Der Spiegel, Spiegel-Gespräch*. № 31, 01.08. 2011. P. 101). Вместе с тем, появление феномена «интернет-толпы», обладающей «особого рода властью», знаменует, по-видимому, новый раунд трансформации демократии в охлократию. Всякой толпой легко и соблазнительно манипулировать, особенно с помощью современных технических усовершенствований, недоступных «массовому» индивиду, подобных тем, что в свете последних скандальных разоблачений позволяют осуществлять повсеместный контроль содержания интернет-сообщений и незримо вмешиваться в частную жизнь граждан.

ведущих глобальных финансовых корпораций и валютных эмитентов. Трудовые ресурсы – в рекрутинговых агентствах и на массовых производствах, включая и постиндустриальный сектор. Сырьевые ресурсы – у энергетических компаний и корпораций сектора первичной переработки. Характерно, что уровень монополизации в сферах, продвигающих средства управления информационным обменом – в производстве компьютерного программного обеспечения и обслуживании сетевых интернет-коммуникаций – экстремально высок даже на фоне современных транснациональных монополий. Это неизбежно предопределяет сверхконцентрацию контроля за информационным обменом и делает такой контроль «вопросом техники», а погруженного в *infomodernity* человека – заложником новых центров власти, не контролируемых обществом ни институционально, ни нормативно.

В условиях *infomodernity* индивид остается один на один с такими центрами власти, в то время как развитие глобальных институтов политического представительства фатально отстает от потребностей меняющегося общества. Более того, оно может блокироваться новыми виртуально-сетевыми формами коммуникации, внося хаос и разлад в человеческое общение, снижая договороспособность индивидов, их способность к политическому взаимодействию. Думается, не случайно Джаред Коэн, основатель и директор научного центра *Google Ideas*, охарактеризовал Интернет как феномен, производящий «связанность, которую невозможно разорвать... и которая абсолютно разрушительна для любой политики»³⁹⁵. Такая связанность, уже вполне сформировавшаяся и альтернативная привычным нам формам социально-политической интеграции Нового времени, сама являет собою вызов прежней мозаичной картине мира, согласно которой Земля последовательно покрывается сеткой национально-территориальных политий.

Связанность, осуществленная Интернетом, – практически всеохватна в прошедших индустриализацию странах, а в остальных – стремительно растет и в ближайшем будущем также, без сомнения, станет всеобщей. Речь, фактически, идет о перспективе замещения прежних форм консолидации индивидов посредством национального гражданства и структур интегрированных локальных общин (*community*), – новыми, в привычном нам смысле и неполитическими, и некоммунитарными. Вряд ли сегодня можно ясно обрисовать контуры этого нового «человеческого общежития», однако темпы социальных изменений нарастают и, думается, еще при жизни нынешнего поколения исследователей эти контуры проявятся и будут прочерчены теоретическими усилиями наших коллег.

Развитие человеческих сообществ, прежде организованное институциональными порядками мировой системы национальных государств в устойчивые ламинарные потоки, в современную эпоху, по мере роста ресурсной оснащенности индивида и его погружения в информационную среду сетевого интерактивного общения, приобретает черты турбулентного движения. Переход к турбулентному режиму сопровождается расточением (диссипацией) значительной части ресурсов социально-политического развития в конфликтном противоборстве раздираемых разнонаправленными частными интересами

---

³⁹⁵ The Death of Diplomacy. // *The New York Times*, 27.06. 2011. Доступ: <http://imcmsimages.mediacorp.sg/CMSFileserver/documents/006/PDF/20110626/2606NYP039.pdf>

атомизированных индивидов. Интеграцию таких индивидов, лишенных социоинституциональной «защитной оболочки», берут на себя (занимая освобождающиеся позиции) институты рынка. Результатом такого «замещения» оказывается принципиально новый статус индивида, статус объекта управления, «вещи» в ряду других «вещей», вовлеченных в рыночный оборот.

В этой критической точке пути индивида и личности расходятся. Мир духа, духовного идеала остается главным оплотом автономии и свободы личности в социальном пространстве отчуждения. Экзистенциальное самоопределение становится не только личным жизненным выбором, но и источником социальных изменений. Личность формирует те смыслы, которые она готова принять как адекватную ее потребностям Современность. Личная ответственность за происходящие изменения оказывается в этих условиях жизненной потребностью «человека политического».

Тем более такая ответственность ложится на тех, кто занимается изучением пространства политики и формированием дискурса о человеческом измерении современного развития, о его целях и способах их достижения, об отношениях человека и его социального окружения, о политических перспективах современного мира. Чтобы наше слово «отозвалось», оно должно помочь увидеть в человеке его нераскрытый потенциал духовного роста, потенциал творца новой, ориентированной на преумножение общественного блага социальности. Авторы надеются, что политическая наука будет продолжать поиски на этом неосвоенном пока поле.

Заключение. НЕЛИНЕЙНАЯ ДИНАМИКА И АЛЬТЕРНАТИВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

В.И. Пантин

В заключение необходимо еще раз отметить, что методологические проблемы политической науки, которые рассмотрены в данной монографии, имеют не только теоретическое, но и важное практическое значение. Дело в том, что глубокое и адекватное понимание происходящих во всем мире общественных трансформаций, а также выработка эффективной системы политических действий невозможны без новой методологии исследования политических изменений. Ситуация в мире коренным образом меняется, и это требует разработки адекватной методологии исследования происходящих сдвигов и трансформаций. Доминировавшие на протяжении 1990-х и начала 2000-х годов упрощенные схемы и подходы, ориентированные либо на «однополярное» мировое устройство, либо на простую линейную экстраполяцию процессов глобализации, модернизации и демократизации, показали в начале XXI века свою ограниченность и неадекватность. Более того, использование этих упрощенных схем и подходов в практической политике способствовало возникновению множества опасных очагов международной напряженности, а в перспективе грозит всему миру неуправляемым хаосом.

Очевидно, однако, что разработка новой методологии исследования политических изменений должна базироваться не на отбрасывании, а на переосмыслении и реструктурировании уже существующих подходов, исследовательских направлений, концепций, на их соотнесении с меняющейся политической и социальной реальностью. Таких подходов, направлений и концепций в политической науке, как известно, наработано великое множество, но далеко не все из них могут помочь в исследовании нынешних глубоких политических трансформаций. Поэтому главная задача и одновременно главная трудность состоит в том, чтобы выбрать те из них, которые являются наиболее полезными и эффективными с точки зрения анализа и прогноза происходящих политических изменений. По мнению авторов данной монографии, к числу таких подходов и направлений, обладающих значительным аналитическим и прогностическим потенциалом, относятся прежде всего циклически-волновой и социокультурный подходы к анализу политических изменений, новое осмысление природы капитализма и его альтернативных форм, по-новому интерпретированные нелинейные процессы модернизации в глобальном контексте, концептуализация политических пространств и их субъектов, исследование идентичности, в первую очередь – динамики политической идентичности, и политики идентичности, анализ взаимодействия индивида (личности) с социальными институтами в условиях их взаимного нарастающего отчуждения и утраты (подмены) смыслов, а также ряд других направлений. Сочетание этих подходов и исследовательских направлений в рамках одной монографии не является случайным или произвольным, оно продиктовано задачей многостороннего осмысления происходящих политических изменений на макро- и на микроуровне. Такое многостороннее осмысление, помимо прочего, потенциально дает возможность

прогнозировать политические сдвиги и пертурбации на разных уровнях и в разных плоскостях.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в настоящее время международная политическая и экономическая система переживает не просто очередные изменения и сдвиги, но период тяжелых кризисов, крупных потрясений и опаснейших политических конфликтов. Вместе с тем очевидно, что эта «эпоха потрясений» не возникла на пустом месте, она была подготовлена предшествующим периодом «благополучного» развития. Более того, при всем своеобразии и при всей уникальности нынешних «великих потрясений» существуют некоторые черты сходства современной эпохи с эпохой 1930-х – 1940-х гг. На наших глазах происходит очередное (далеко не первое в истории капитализма и тем более в мировой истории) «переформатирование» международной (на этот раз – глобальной) политической и экономической системы. Результаты такого «переформатирования» заранее не предопределены, но вместе с тем они не случайны и не произвольны. Эти результаты зависят от действий различных политических субъектов и акторов, от соотношения сил на международной арене, от способности или неспособности политических лидеров и поддерживающих их общественных движений трезво оценивать быстро меняющуюся ситуацию, видеть ключевые проблемы социально-политического развития и вовремя осуществлять необходимые реформы, а также от ряда других факторов. На основании анализа циклов и волн политического и экономического развития, о которых речь идет в главе 3 первого раздела, можно полагать, что этот бурный и во многих отношениях тяжелый период вероятно завершится в начале или в середине 2020-х гг., после чего в мировой динамике наступит перелом и произойдет временный переход к более стабильному и менее конфликтному развитию.

В то же время разглядеть контуры нового мира и выделить наиболее важные тренды политического развития без разработки верной методологии практически невозможно. Основная антиномия современных глобальных процессов заключается в том, что мир становится все более единым и одновременно все более разнообразным, противоречивым и конфликтным. Понять эту антиномию с помощью обычной «линейной» логики и методологии нельзя, поэтому большинство исследователей-политологов склоняются к тому, чтобы выделить одну сторону глобальных процессов (например, усиление единства и унификации) и пренебречь другой. Но расплата за подобную односторонность наступает очень скоро: прогнозы, которые делаются в рамках такой логики, часто или не сбываются вовсе, или сбываются лишь отчасти, причем важнейшие изменения теряются, остаются незамеченными. Противоречия и дисбалансы глобализации, появление новых акторов внутренней и мировой политики, возрождение религиозного фанатизма, этнического национализма и даже фашизма, усиление сепаратизма, скатывание целых стран и регионов (например, Ближнего Востока) к «новому средневековью», огромные проблемы с демократией не только в незападных обществах, но и в развитых странах Запада, возвышение Китая, Индии и других азиатских стран, сложные и подчас трагические процессы на постсоветском пространстве, – все это и многое другое не ложится в прокрустово ложе односторонних глобалистских или, напротив, односторонних национально-государственных методологических подходов.

В конце имеет смысл обозначить наиболее важные альтернативы современного мирового политического развития, вытекающие из логики и методологии исследований, представленных в настоящей монографии. Все эти альтернативы так или иначе взаимосвязаны и имеют принципиально важное значение для будущего человека и человечества. *Первая альтернатива* состоит в том, какая международная политическая система формируется сейчас – моноцентричная (однополярная) или полицентричная (многополярная). До сих пор в международной политике существовала полицентричная (многополярная или биполярная) система, когда, несмотря на доминирование одного мирового центра-лидера, другие центры политической и экономической силы также участвовали в решении наиболее важных политических вопросов и даже не без успеха оспаривали мировое лидерство. Однако сейчас Соединенные Штаты всеми возможными средствами пытаются создать моноцентричную мировую систему, при которой существует один центр принятия наиболее важных глобальных политических и экономических решений, а все остальные государства или союзы государств фактически должны выполнять роль вассалов. *Вторая альтернатива*, тесно связанная с первой, была сформулирована выдающимся немецким философом Карлом Ясперсом вскоре после Второй мировой войны: это мировая империя или мировой порядок. «*Мировая империя* создает мир на Земле посредством одной-единственной власти, подчиняющей себе всех из какого-либо одного центра. Эта власть держится на насилии. Она формирует нивелированные массы посредством тотального планирования и террора. Внедряет посредством пропаганды единое мировоззрение в его элементарных основных положениях... *Мировой порядок* являет собой единство без единой власти, за исключением тех случаев, когда она утверждается по договоренности и в силу общего решения»³⁹⁶. Эта альтернатива не утратила своего значения и сейчас, так как налицо явные попытки и Запада (Соединенных Штатов), и Востока (с одной стороны, Китая, а с другой – исламских радикалов, стремящихся создать Всемирный халифат) породить новую мировую суперимперию.

Третья альтернатива – доминирование в мире в ближайшие десятилетия либо Запада, либо Востока. Речь идет о том, куда сместится центр международного политического и экономического развития – на Запад или на Восток. Говоря еще более конкретно, какая страна или группа стран станет мировым экономическим и политическим лидером – США, Китай, Япония вместе с «тиграми» Юго-Восточной Азии, страны Европейского Союза? Именно эта альтернатива является во многом решающей, и именно борьба за мировое лидерство определяет и будет определять многие политические процессы как внутри отдельных стран, так и на глобальном уровне. От хода и исхода этой борьбы в немалой степени зависит также и судьба России, которая находится между Западом и Востоком, между Европой и Азией; поэтому для России данная альтернатива имеет не только теоретическое, но и жизненно важное практически-политическое значение.

Наконец, *четвертая альтернатива*, которая, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к международной политике, но по сути является основополагающей и фундаментальной: унификация и стандартизация

---

³⁹⁶ Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Республика. 1994. С. 208-209.

человека, превращение его в манипулируемого извне потребителя информации, товаров, вещей, услуг или же сохранение и развитие природного, культурного, ценностного и иного человеческого разнообразия, формирование творчески мыслящей, многосторонне развитой и способной противостоять внешнему давлению социальной среды личности. Представляется, что именно подлинное, а не мнимое сохранение духовной и интеллектуальной самостоятельности в противовес многочисленным подменам, иллюзиям самостоятельного выбора и бесконечному манипулированию поведением людей становится сегодня ключевой проблемой, от решения которой во многом зависит само качество и содержание внутренней и международной политики, качество политических лидеров и государственных деятелей, их способность чувствовать настроения и потребности людей, отстаивать интересы широких слоев населения, выходить из тупиков и избегать катастроф.

Наличие этих и других альтернатив, обострение связанных с ними противоречий и конфликтов свидетельствует о том, что мы переживаем важный, во многих отношениях решающий период политической истории. Будущее рождается именно сейчас, контуры нового мира формируются на наших глазах, но, повторим еще раз, исследовать эти изменения и предвидеть их результаты без новой методологии, новой исследовательской парадигмы, соответствующей бурным процессам начала и первой половины XXI века, политическая наука не может. Именно поэтому разработка новой методологии исследования политических изменений, политической динамики и политических трансформаций является самым насущным делом не только политической науки, но и, шире, общественных наук в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Акаев А.А., Пантин В.И. Финансово-экономические кризисы и геополитические сдвиги: анализ и прогноз. // *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2012.

Акопов Г.Л. *Сетевой аспект политики российских партийных элит: Проблемы теории и практики*. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

Александр Дж. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года. Материалы лекции, прочитанной в МГИМО (У) МИД России 23 октября 2008 г. Ч. 1. // *Вестник МГИМО*. 2008. № 3. С. 73.

«Альтернативный капитализм» или «альтернатива капитализму? Проблемы концептуализации современного развития / Материалы круглого стола ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Часть 1. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7.

«Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? (Проблемы концептуализации современного развития). Материалы круглого стола ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Часть 2. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 8.

Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер. 2001 (1969).

Анашвили В.В. *Демократия в современном мире. Случай России / Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 – начале 2009 года. Первый ежегодный доклад Института общественного проектирования*. М.: ИНОП. 2009. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле. 2001.

Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство. // *Социально-политический журнал*. 1993. № 6.

Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема. // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.

Бард А., Зюдерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб.: ООО «Юнайтед Пресс». 2004.

Баринова Д.С. Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета. // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин* / гл. ред. М.В. Ильин. М.: Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований. 2010.

Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. // *Международные процессы*. 2005. Т. 3. № 2(8).

Баталов Э.Я. *Человек, мир, политика*. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2008.

Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 2005.

Бауман З. Прощание с миром своих и чужих. // *Вокруг света*. 2011. № 10.

Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia. 1999.

Бек У. Живя в обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 5. С. 45-46.

Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. 2000 (1986).

- Бек У. От индустриального общества к обществу риска. // *Thesis*. 1994. Вып. 5.
- Бек У. *Что такое глобализация?* М.: Прогресс-Традиция. 2001.
- Беляева Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам. // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 3.
- Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум. 1995 (1966).
- Блауберг И. *Анри Бергсон*. М.: Прогресс-Традиция. 2003.
- Бродель Ф. 1992. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв.* Т. 3. М.: Прогресс. 1992.
- Бурдые П. *Социология политики*. М.: Socio-Logos. 1993.
- Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2005.
- Вайнштейн Г.И. Популизм в современной Европе: новые тенденции. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 12.
- Валлерстайн И. *Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация*. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2008.
- Вебер М. *Избранное. Образ общества*. М.: Юрист. 1994.
- Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 1990.
- Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. М.: Прогресс. 1969.
- Гидденс Э. *Последствия современности*. М.: Праксис. 2011.
- Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Издательство «Весь мир». 2004.
- Гидденс Э. *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. 2-е изд. М.: Академический проект. 2005.
- Глобальная перестройка (отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова)*. / М.: Издательство «Весь мир». 2014.
- Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. В 2х т. (редколлегия: И.С. Семенов (отв. ред.), Н.В. Загладин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин)*. М.: ИМЭМО РАН. 2014.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов. // *СоцИс. Социологические исследования*. 2008. № 7.
- Голунов С. Транснациональные политические пространства: факторы и уроки развития. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 5. С. 113-121.
- Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях: материалы круглого стола сотрудников РУДН. // *Вестник РУДН. Сер. Политология*. 2009. № 4.
- Грин С. Природа неподвижности российского общества. // *Pro et Contra*. 2011. Январь-апрель.
- Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации. // *Pro et Contra*. 2012. Май-июнь.
- Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)*. М.: ИС РАН. 2011.

Дилигенский Г.Г. *Люди среднего класса*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2002.

Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность. // *Вестник РОПЦ*. 1996. № 2.

Дилигенский Г.Г. *Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально – психологическое исследование)*. М.: ИМЭМО РАН. 1998.

Дилигенский Г.Г. *Социально-политическая психология*. Учебное пособие для вузов. М.: Институт «Открытое общество» – Наука. 1994.

Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях. // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 5, 6.

Дюверже М. *Политические партии*. М.: Академический проект. 2000.

Зайцев Д.Г., Герасимов В.К. *Protest publics as the drivers of political changes in Russia and Brazil: comparative analysis*. Доступ из личного кабинета IPSA: <http://www.ipsa.org/my-ipsa/events/montreal2014/paper/protest-public-drivers-political-changes-russia-and-brazil-compara>

Зайцев Д.Г., Карастелев В.Е. Протестное движение в России 2011-2012 годов: проблема субъектности. // *Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Политическая наука. Ежегодник 2013*. / под ред. А. И. Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2013.

Землянова Л.М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура. // *Вестник МГУ. Сер. 10: Журналистика*. 1999. № 2.

Зиммель Г. *Философия культуры*. М.: Юрист. 1996.

Зимняя И.А. Ключевые компетенции- новая парадигма результата образования. // *Интернет- журнал «Эйдос»*. 2006. № 5. Доступ: www.eidos.ru/journal/.

Зубаревич Н. Современная Россия: география с арифметикой. // *Отечественные записки*. 2012. № 1. Доступ: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/sovremennaya-rossiya-geografiya-s-arifmetikoy>

Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство. 2011.

Кастельс М. *Информационная эпоха: Экономика, общество, культура*. М.: ГУ ВШЭ. 2000.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур. // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология (под ред. В.Л. Иноземцева)*. М.: Academia. 1999.

Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 4.

Китинг М. Новый регионализм в Европе. // *Логос*. 2003. № 6 (40).

Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества. // *Полис. Политические исследования*, № 4. 1993.

Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 6.

Косолапов Н.А. *Политико-психологический анализ социально-территориальных систем: основы теории и методологии (на примере России)*. М.: Аспект Пресс. 1994.

Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 6.

Красин Ю.А. 2013. Государство и общество: сдвиги во властном поле. // *Полис. Политические исследования*. № 5.

Крылов А.Н. *Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида*. М.: Издательство НИБ. 2010.

Кудряшова И.В. Цивилизационное измерение модернизации: Россия в контексте мирового опыта. *Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы*. Доступ: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/civilizacionnoje_izmerenije_modernizacii_rossija_v_kontekste_mirovogo_opyta_2014-06-04.htm

Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. 9. № 3.

Лапкин В.В. Когнитивный потенциал концепта нелинейного развития. / «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? Материалы заседания круглого стола ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, октябрь 2011 г. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7.

Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6.

Лапкин В.В. *Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений*. М.: ИМЭМО РАН. 2012.

Лапкин В.В., Пантин В.И. *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история*. М.: Издательство «Олита». 2004.

Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы). // *Полис. Политические исследования*, № 4. 1999. С. 42-59.

Лапкин В.В., Пантин В.И., Рябов А.В. Новая периферия: трудности посткоммунистического развития. // *Глобальная перестройка*. / отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М.: Весь мир. 2014.

Лапкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity». // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 6.

Латур Б. 2011. Можем ли мы вернуться на землю? // *Вокруг света*, № 10. С. 63. Доступ: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7547/>.

Лебедева М.М. *Мировая политика*. 2-е изд. испр. и доп. М.: Аспект Пресс. 2007.

Левада Ю.А. *Ищем человека: социологические очерки 2000 – 2005*. М.: Новое издательство. 2006.

Левада Ю.А. *От мнений к пониманию: социологические очерки: 1993 – 2000*. М.: Московская школа политических исследований. 2000.

«Левый поворот» в Латинской Америке: причины, содержание, последствия. Материалы круглого стола. // *Латинская Америка*. 2006. № 6.

Ледяев В.Г. *Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах*. М.: НИУ ВШЭ. 2012.

Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных сообществах. Сравнительное исследование*. М.: Аспект Пресс. 1997.

Лукина Ю.А. Сущность политического времени. // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки*. 2007. № 24 (96).

Лэйн Д. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 2.

Макарычев А.С. Гражданское общество в России: между государством и международным сообществом. // *Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия (отв. ред. А.Ю. Сунгуров)*. М.: РАПН; РОССПЭН. 2008.

Мамут Л.С. Сетевое государство. // *Государство и право*. 2005. № 11.

Манен Б. *Принципы представительного правления*. СПб.: Издательство европейского университета. 2008.

Мартьянов В.С. «Человек политический»: модели оправдания власти. // *Человек*. 2009. № 4. Доступ: http://lit.lib.ru/m/martxjanow_w_s/text_0040.shtml

Мир. Вызовы глобального кризиса. Италия. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 5.

Мирошниченко И.В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012. № 8 (3).

Мирошниченко И.В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике: российский опыт и зарубежные практики. // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2011. № 6.

Мирошниченко И.В. Политическое измерение краудсорсинга в условиях модернизации современной России. // *Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований*. Краснодар: КубГУ. 2011.

Мирошниченко И.В. *Сетевой ландшафт российской публичной политики*. Краснодар: Просвещение-Юг. 2013.

Михайлова О.В. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов. // *Вестник МГУ. Сер. 21: Управление (государство и общество)*. 2011. № 3.

Модельски Дж. Эволюция глобальной политики. // *Полис. Политические исследования*. 2005. № 3-4.

Мокир Дж. Наука спасет экономику. *Ведомости*. 14.08.2014.

Морозова Е.В. Гибридные субъекты публичной политики: антиистэблшментские партии. // *Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология*. 2014. № 4.

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. «Инвесторы политического капитала»: социальные сети в политическом пространстве региона. // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 2.

Морозова Е.В. Инновационная личность как субъект политических изменений. // *Модернизация и политика: традиции и перспективы России*. Политическая наука: Ежегодник 2011. М.: РОССПЭН. 2011.

Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление. // *Вопросы философии*. 2008. № 7.

Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества. // *Вопросы философии*. № 9. 2012.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара. 2011.

О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН. 2012.

Образы власти в постсоветской России (под ред. Е.Б. Шестопал). М.: Алетейя. 2004.

Образы власти. От Ельцина до Путина (под ред. Е.Б. Шестопал). М.: РОССПЭН. 2008.

Образы российской власти. От Ельцина до Путина (под ред. Е.Б. Шестопал). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2008.

Огурцов А.П. Вико Джамбаттиста. // *Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль. 2000. Т 1.

Ортега-и-Гассет. Человек и люди. // *Избранные труды*. 2-е изд. М.: «Весь Мир». 2000.

Павлова Т.В. Современное гражданское участие: к изучению новых форм коллективного действия в условиях глобализации. // *Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика*. М.: РАПН; РОССПЭН. 2007.

Панарин А.С. *Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)*. М.: Институт философии РАН. 1995.

Панарин А.С. Человек политический. // *Новая философская энциклопедия*: В 4 тт. / под ред. В.С. Стёпина. Т. 4. М.: Мысль. 2001.

Панов П. В. Сообщество (политическое сообщество) / *Политическая идентичность и политика идентичности. Том 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий* (отв. ред. И.С. Семененко). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012.

Пантин В.И. Концептуальные и методологические проблемы современной политической науки. / «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? Материалы заседания круглого стола ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, октябрь 2011 г. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7.

Пантин В.И. Незавершенный переход. В кн. *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития*. М.: ИМЭМО РАН. 2014.

Пантин В.И. Исследование перспектив мирового развития: проблемы методологического синтеза. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6.

Пантин В.И. Циклы реформ – контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития. // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 6.

Пантин В.И., Лапкин В.В. *Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности*. М.: Русское слово. 2007.

Пантин В.И., Лапкин В.В. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+. 2006.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. // *Thesis*. Т. 1, вып. 2. 1993.

Парсонс Т. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс. 1997.

Пастухов В.Б. «Перестройка» – второе издание. Революция и контрреволюция в России. // *Полис. Политические исследования*. № 1. 2011.

Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6.

Перегудов С.П. Первые электоральные выборы. // *Великобритания – 2010. Новая политическая ситуация*. М.: Институт Европы РАН. 2010.

Перегудов С.П. Рецензия на книгу Дж. Кина «Жизнь и смерть демократии». // *Pro et Contra*. 2011. № 1-2.

Перегудов С.П. «Русский вопрос» в контексте этнонациональных отношений в РФ. // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 2.

Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. *Группы интересов и российское государство*. М.: Эдиториал УРСС. 1999.

Перегудов С.П., Семенов И.С. *Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии*. М.: Прогресс-Традиция. 2008.

Покровский Н.Е. Дискуссионные вопросы социологического конгресса. // *СоцИс. Социологические исследования*. 2003. № 10.

Поланьи К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Издательство «Алетейя». 2002.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. (отв. ред. И.С. Семенов). Т.1. *Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. (отв. ред. И.С. Семенов). Т. 2. *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012.

Политическая субъектность. 2002. / *Саморефлексия политики. Дискуссии*. // Доступ: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=107

Постмодернизм: энциклопедия. М.: Интерпрессервис-Сервис; Книжный дом. 2001.

Пригожин И., Стенгерс И. *Время. Хаос. Квант*. М.: Прогресс. 1994.

Прохоренко И.Л. Латинская Америка: опыт структурирования транснациональных политических пространств. // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2012. № 1.

Прохоренко И.Л. Регионы Испании: четверть века в европейском пространстве. // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях*. Материалы 4-го Конвента РАМИ. Том 7. Испания и Латинская Америка в мировой политике. М.: МГИМО-Университет. 2007.

Прохоренко И.Л. Регионы Испании в политическом пространстве Европейского союза. // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 1.

Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6.

Прохоренко И.Л. Субнациональные элиты как субъекты трансформации политического пространства Европейского союза. // *Политическая наука*. 2014. № 2.

Прохоренко И.Л, Стрежнева М.В. Власть и управление в Европейском союзе: организационные аспекты. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 6.

Психология политического восприятия в современной России (под ред. Е.Б. Шестоपाल). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012.

Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы концептуализации. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 2.

Равен Дж. *Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация*. М.: «Когито-Центр». 2002.

Ракитянский Н.М. *Личность политика. Теория и методология психологического портретирования*. М.: Изд-во Московского университета. 2011.

Рансьер Ж. *На краю политического*. М.: Праксис. 2006.

Резник Ю.М. Человек в гражданском обществе: проблема идентичности. // *Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования*. М.: РАН, Институт философии. 2008.

Репина Л.П. *Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.* М.: Кругъ. 2011. *Сообщества как политический феномен.* / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: РОССПЭН. 2009.

Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре*. М.: Республика. 1998.

Ришар Ж.-Ф. Двадцать лет спустя. Глобальные проблемы и способы их решения. // *Россия в глобальной политике*. 2003. Т. 1, № 2. Апрель-июнь.

Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М.: ИС РАН. 2007.

Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов. Аналитический доклад. М.: ИС РАН. 2009.

Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России. // *Общественные науки и современность*. 2002. № 3.

Садовая Е.С., Сауткина В.А. *Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты*. М.: ИМЭМО РАН. 2012.

Самаркина И.В. *Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики: методологические аспекты*. Краснодар: КубГУ. 2013.

Семененко И.С. Гражданская идентичность. // *Политическая идентичность и политика идентичности.* / отв. ред. И.С. Семененко. Т. 1. *Словарь терминов и понятий*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011.

Семененко И.С. Политика идентичности. // *Идентичность как категория политической науки.* Т. 1. *Словарь терминов и понятий.* / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011.

Семененко И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт осмысления индивидуального измерения политики. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Тренды и альтернативы мирового развития (политико-институциональное измерение). // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 10.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Холодковский К.Г. Заключение. Индивид, гражданин, личность. // *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 тт. Т. 2. *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012.

Семигин Г.Ю. Пространство политическое. // *Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль. 2001. Т 3.

Сен А. *Развитие как свобода*. М.: Новое издательство. 2004 (1999).

Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XX веке. // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2011. Сер. 6. Вып. 4.

Сообщество как политический феномен (под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009.

Средний класс в современной России: 10 лет спустя. М.: ИС РАН, 2014.

Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе (Многоуровневое управление). // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 12.

Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 1.

Тойнби А.Дж. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Прогресс – Культура. 1996.

Транснациональные политические пространства: явление и практика. / Отв. ред. М.В. Стрежнева. М.: Издательство «Весь мир». 2011.

Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / под ред. М.В. Стрежневой. М.: ИМЭМО РАН. 2010.

«Третий мир»: полстолетия спустя (отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева). М.: ИМЭМО РАН. 2013.

Тульчинский Г.Л. *Корпоративные социальные инвестиции и социальное партнерство: технологии и оценка эффективности*. СПб.: НИУ–ВШЭ. 2012.

Тхагапсоев Х.Г. В поисках новой методологической парадигмы политической науки: принцип идентичности. // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 4.

Уэбстер Ф. *Теории информационного общества*. М.: Аспект-Пресс. 2004.

Федотова Н.Н. *Изучение идентичности и контексты ее формирования*. М.: «Культурная революция». 2012.

Федотова В.Г. *Хорошее общество*. М.: Прогресс-Традиция. 2005.

Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. *Глобальный капитализм: три великие трансформации*. М.: Культурная революция. 2008.

Фельдман О. Человеческое поведение и политика. // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 6.

Фуко М. *Интеллектуалы и власть*. М.: Праксис. 2006.

Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: Издательство АСТ. 2004.

- Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопросы философии*. 1990. № 3
- Халий И. *Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде*. М.: Институт социологии РАН. 2007.
- Ханна П. *Второй мир*. М.: Издательство «Европа». 2010.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // *Полис. Политические исследования*. 1994. № 1.
- Хуторский А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования. // *Народное образование*. 2003. № 2.
- Чихарев И.А., Прохоренко И.Л. Трансформация европейского политического пространства: изменения и направления. // *Политическая наука*. 2014. № 2.
- Шевченко В.Н. Инновационная личность как социальный тип. // *Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право*. № 2 (73). Вып. 11. 2010. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-lichnost-kak-sotsialnyy-tip>
- Шестопап Е.Б. *Политическая психология*. Учебник. 4-е изд. М.: Аспект-Пресс. 2012.
- Шестопап Е.Б. *Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2000.
- Шестопап Е.Б. Человеческое измерение политики. // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 6.
- Шматко Н.А. Феномен публичной политики. // *СоцИс. Социологические исследования*. 2001. № 7.
- Штомпка П. *Социология: анализ современного общества*. М.: Логос. 2005.
- Штомпка П. *Социология социальных изменений*. М.: Аспект Пресс. 1996.
- Шлезингер А.М. 1992. *Циклы американской истории*. М.: Прогресс. 1992.
- Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика. 1995.
- Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований*. Краснодар: КубГУ. 2011.
- Элиас Н. *Общество индивидов*. М.: Праксис. 2001.
- Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории. // *Журнал исследований социальной политики*. 2008. Т. 6. № 2.
- Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества. // *Россия реформирующаяся*. М.: Academia, 2002.
- Яковенко И.Г. *Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России*. М.: Новый хронограф. 2009.
- Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Республика. 1994.
- Alexander J.C. *The Meanings of Social Life. A Cultural History*. Oxford – N.Y.: Oxford University Press. 2003.
- Anderson P. The invention of the region 1945-1990. *EUI Working Paper EUF № 94/2. Florence*. 1994.

Andersson T., Djeflat A. *The Real Issues of the Middle East and the Arab Spring*. Springer. 2013.

Apel K.-O. *Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendental pragmatischen Ansatzes*. Frankfurt. 1997.

Assmann A. and Shortt L. *Memory and Political Change*. L.: Palgrave Macmillan. 2011.

Bates S.R. Smith N.J. Understanding change in political science: On the need to bring space into theoretical positions and empirical analysis. // *Political Studies Review*. 2008. Vol. 6. No. 2.

Bauman Z. Quo vadis, Europe? *Open Democracy* 2.06.2014. Доступ: <http://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/zygmunt-bauman/quo-vadis-europe>

Bayram B. *Turkey's Political Crisis Undermining Democracy*. New York, NY: Pluto Press. 2010.

Belyaeva N.Y. Analysts: «Consultants» or «Independent Policy Actors». // *Politicka Misao*. 2011. T. 48. No. 5.

Belyaeva N. *Public Action and Emerging of Protesting Public. Case of White Movement in Russia, winter 2011-2012*. Доступ: http://www.icpublicpolicy.org/IMG/pdf/panel_53_s_1_belyaeva.pdf.

Belyaeva N., Dzhibladze A. «Public» as a «Social Actor» vs «Public» as a «Target Audience»: Conceptual Connection Between «the Public» and «Civil society». // *XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах*. Под ред. Е.Г. Ясина. Книга 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2014.

Beyers J., Kerremans B. Domestic Embeddedness and the Dynamics of Multilevel Venue Shopping in Four EU Member States. // *Governance*. 2012. Vol. 25(2).

Brenner N. *New State Spaces: Urban Governance and the Rescaling of Statehood*. London and New York: Oxford University Press. 2004.

Brenner N. Urban governance and the production of new state spaces in Western Europe, 1960-2000. // *Review of International Political Economy*. 2004. Vol. 11. No. 3.

Bruter M. and Harrington S. *How European Do you Feel & The Psychology of European Identity*. LSE. 2012. Доступ: <http://www.lansons.com/pdfs/eu-identity-brochure.pdf>.

Buzan B., Waever O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.

Callanan M., Tatham M. Territorial Interest Representation in the European Union: Actors, Objectives and Strategies. // *Journal of European Public Policy*. 2014. Vol. 21(2).

Capable Communities: Towards Citizen-Powered Services. L.: IRRR – PwC, 2011. http://www.ippr.org/images/media/files/publication/2011/05/Capable%20Communities%20Nov2010_1813.pdf.

Carothers Th. The End of the Transition Paradigm. / *Journal of Democracy*. Vol. 13, No. 1, January 2002. The Johns Hopkins University: The Johns Hopkins University Press. 2002.

Castells M. *Internet galaxy: Reflections on the Internet, business, and society*. Oxford, New York: Oxford university press. 2001.

Castells M. *The power of identity: The information age. (Economy, society, and culture)*. Vol. 2. 2nd ed. Malden MA, Oxford, Carlton: Wiley – Blackwell. 2004.

Clark J., Diani M. *Alain Touraine*. Boston: Psychology Press. 1996.

Cox R.W. Social forces, states and world orders: beyond international relations theory. // *Approaches to world order*. / Eds.: R.W. Cox and T.J. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press. 1996.

Cox R.W. «Globalisation», the «regulation approach», and the politics of scale. // *Geographies of power: placing scale*. / A. Herod and M.W. Wright (eds.). Oxford: Blackwell, 2002

Credit D. *Sub-national Governments in the European Union: Organization, Responsibilities and Finance*. La Defense: Dexia Ed. 2008.

Charnock G. The Space of International Political Economy: On Scale and its Limits. // *Politics*. 2010. Vol. 30. N 2.

Christakis N., Fowler J. *Connected. The Amazing Power of Social Networks and How They Shape Our Lives*. L.: Harper Press. 2011.

Christakis N.A. and Fowler J.H. *Connected: The Surprising Power of Our Social Networks, and How They Shape Our Lives*. New York: Little Brown. 2009.

Crouch C. *Post – Democracy*. Cambridge: Polity Press. 2004.

Giddens A. *A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 2. The Nation State and Violence*. Cambridge: Polity Press. 1985.

Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press. 1990.

Dahl R. *Democracy and its Critics*. New Haven: Yale University Press. 1989.

Deliberative Mini-Publics. Involving Citizens in the Democratic Process. / Grnölund K., Bächtiger A. and Setälä M. (eds.). Colchester: ECPR Press. 2014.

Della Porta D. *Mobilizing for Democracy. Comparing 1989 and 2011*. Oxford University Press. 2014.

Durac V. *Protest movements and political change: an analysis of the 'Arab uprisings' of 2011*. New York, NY: Institute of Human Relations. 2012.

El-Nawawy M., Khamis S. *Egyptian Revolution 2.0: Political Blogging. Civic Engagement, and Citizen Journalism*. Palgrave MacMillan Series. 2013.

Elias A. Whatever happened to the Europe of the Regions? Revisiting the regional dimension of European politics. // *Regional & Federal Studies*. 2008. V. 18. No. 5.

Etzioni A. *The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society*. New York: Basic Books. 1998.

European and North American Policy Change. Drivers and dynamics. / Capano G., Howlett M. (eds.). L.: Routledge. 2009.

Five minutes with Colin Crouch: «A post-democratic society is one that continues to have and to use all the institutions of democracy, but in which they increasingly become a formal shell». Доступ: <http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/archives/30297>

Fligstein N. Fields, Power and Social skill: a critical analysis of the new institutionalisms. // *International Public Management Review*. Vol. 9. Issue 1. 2008. Доступ: <http://www.ipmr.net>.

- Foucault M. Governmentality. // *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. Chicago. 1991.
- Foucault M. *Of Other Spaces. Diacritics*. Доступ: <http://foucault.info/documents/heteroTopia/foucault.heteroTopia.en.html>.
- Frank A.G. *Theoretical Introduction to 5000 Years of World System History*. // Review. Binghamton, N.Y. 1990. Vol. 13, No. 2.
- Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press. 1992.
- Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. NY: Simon & Schuster. 1995.
- Galbraith K. *The Good Society. The Humane Agenda*. Boston: Houghton Mifflin Co. 1996.
- Garofoli G. 2002. Local development in Europe: theoretical models and international comparisons. // *European urban and regional studies*. Vol. 9. N 3.
- Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press. 1991.
- Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press. 1984.
- Giddens A. *The Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity Press. 1985.
- Gibson J.L. Social Networks, Civic Society, and the Prospects for Consolidating Russia's Democratic Transition. // *American Journal of Political Science*. 2000. Vol. 45, No. 1.
- Glaser B. and Strauss A. *The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research*. Chicago: Aldine. 1967.
- Glaser B. *Basics of grounded theory analysis*. Mill Valley, CA: Sociology Press. 1992.
- Globalization and urban development (Advances in spatial science. / Ed. by Richardson Harry W., Bae Chang-Hee C. Berlin and New York: Springer. 2005.*
- Hagen E. *On the Theory of Social Change. How Economic Growth Begins*. Illinois: The Dorsey Press Inc. 1962.
- Hartleb F. *After their Establishment: Right-wing Populist Parties in Europe*. Brussels: Centre for European Studies-Konrad Adenauer Foundation. 2011.
- Hooghe L., Marks G. Does efficiency shape the territorial structure of government? // *Annual Review of Political Science*. 2009. No. 12.
- Hooghe L., Marks G. and Schakel A.H. *The Rise of Regional Authority: A comparative Study of 42 Democracies*. Abingdon: Routledge. 2010.
- Howard, P. N., Hussain, M. *Democracy's Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring*. New York, NY: Oxford University Press. 2013.
- Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 1996.
- International Actors, Democratization and the Rule of Law. Anchoring Democracy? / Morlino L., Magen A. (eds.). UK: Routledge. 2008.*
- Jeffry C. A regional rescue of the nation-state: changing regional perspectives on Europe. / *Europa Institute Mitchell Working Paper Series*. 2007. No. 5.

Jones A. *Dictionary of Globalization*. Oxford: Polity Press. 2006. Kang N.A Critique of the «Varieties of Capitalism» Approach / No. 45-2006 ICCSR Research Paper Series. Nottingham: International Centre for Corporate Social Responsibility, Nottingham University Business School. 2006.

Keane J. *The Life and Death of Democracy*. L., NY, Sydney, Toronto: Simon & Schuster / W.W. Norton & Company. 2009.

Keating M. Europeanism and regionalism. // *The European Union and the Regions*. / ed. by B.Jones and M.Keating. Oxford. Oxford University Press.1995. P. 1-22.

Keating M. Is there a regional level of government in Europe? // *Regions in Europe* / ed. by P. Le Galés and C.Lequesne. L., N.Y.: Routledge. 1998.

Köchler H. *The New Social Media and the Reshaping of Communication in the 21st Century*. 2011. Доступ: http://i-p-o.org/Koechler-New_Social_Media-Doha_Dialogue-Oct2011-V4.pdf).

Kriesi H., Grande E., Lachat R., Dolezal M., Bornschie S., Frey T. Globalization and the transformation of the national political space: Six European countries compared. // *European Journal of Political Research*. 2006. Vol. 45. No. 6.

Krugman P. *Geography and trade*. Cambridge (Mass.): MIT Press / Leuven UP. 1991; *The Global Economy as Political Space*. London: Lynne Rienner. 1994.

Laclau E. and Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London – New York: Verso, 1985.

Larbi S., Heiko W. and Al-Zubaidi L. *Democratic Transition in the Middle East: Unmaking Power*. New York, NY: Routledge. 2012.

Latour B. Networks, Societies, Spheres: Reflections of an Actor-network Theorist. // *International journal of communication*. 2011. Vol. 5.

Lembruch G. Liberal Corporatism and Party Government. // *Comparative Political Studies*. Vol. 10. № 1. April, 1977.

Lewin K. *Field Theory in social science*. /ed. by D. Cartwright. New York: Harper.1951.

Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 1996.

Lipset S.M. *The Social Bases of Politics*. N.Y.: Doubleday & Company. 1960.

List Ch. and Spiekermann K. Methodological Individualism and Holism in Political Science: A Reconciliation. // *American Political Science Review*. 2013. Vol. 107, № 4, November.

Markoff J. *The Great Wave of Democracy in Historical Perspective*. Ithaca: Cornell University. 1994.

Marks G., Hooghe L., Blank K. European integration from 1980s: state-centric v. multi-level governance. // *Journal of common market studies*. 1996. Vol. 34. No. 3.

Marsh D., Smith M. Understanding Policy Networks: towards a Dialectical Approach. // *Political Studies*. 2000. Vol. 48. No. 1.

Marsh D., Smith M. There is more than one way to do political science: on different ways to study policy networks. // *Political Studies*. 2001. Vol. 49. No. 3.

Martin J.L. What is field theory? // *American Journal of Sociology*. 2003. Vol. 109, No. 1.

- Martin W.J. *The Information Society*. London: Aslib-Association for Information Management. 1988.
- Migdal J. *State in Society*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001.
- Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. London: Macmillan. 1987.
- Modelski G., Thompson W.R. *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press. 1996.
- Morlino L. *Changes for democracy. Actors, structures, processes*. Oxford: Oxford University Press. 2012.
- Nederveen Pieterse J. My Paradigm or Yours? Alternative Development, Post-Development, Reflexive Development. // *Development and Change*. 1998. Vol. 29, № 2.
- North D.C., Wallis J.J. and Weingast B.R. Violence and the Rise of Open-Access Orders. // *Journal of Democracy*. 2009. Vol. 20, № 1, January.
- O'Donnell G., Schmitter Ph., Whitehead L. *Transition from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy*. Baltimore, L.: The Johns Hopkins University Press. 1986.
- Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.
- Ostrom E. Green from the Grassroots. // *Project Syndicate. World of ideas*. 12.06. 2012. Доступ: <http://www.project-syndicate.org/commentary/green-from-the-grassroots>.
- Oxley L., Le T., Gibson J. Measuring Human Capital: Methods and International Evidence. // *The Korean Economic Review*. 2008. Vol. 24. № 2.
- Parsons T. *Societies, Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1966.
- Parsons T. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1971.
- Pateman C. Participatory Democracy Revisited. // *Perspectives on Politics*. 2012. Vol. 10, № 1.
- Polletta F. and Jasper J.M. Collective Identity and Social Movements. // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27.
- Porta D. *Mobilizing for Democracy. Comparing 1989 and 2011*. Oxford University Press. 2014.
- Public-Private Partnerships. Theory and Practice in International Perspective*. / ed. by J. Osborne L. & N. Y.: Routledge. 2007.
- Putnam R. (with R. Leonardi, R. Nanetti). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton NJ, Princeton University Press. 1993.
- Radaelli C.M. The Europeanization of Public Policy. // *The Politics of Europeanization* / K. Featherstone and C.M. Radaelli (eds.) Oxford: Oxford University Press. 2003.
- Rand D. *Roots of the Arab Spring: Contested Authority and Political Change in the Middle East*. University of Pennsylvania Press. 2013.
- Riesman D. (with N. Glazer and R. Denney). *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven: Yale University Press. 2001 (1950, 1969).
- Rose N. 1998. *Inventing Our Selves. Psychology, Power, and Personhood*. Cambridge: Cambridge University Press. 1998.

Rosenau J. *Along the domestic-foreign frontier: exploring governance in a turbulent world*. Cambridge: Cambridge University Press. 1997.

Rosenau J. Emergent spaces, new places, and old faces: proliferating identities in a globalizing world. // *Worlds on the move: globalization, migration, and cultural security*. / J. Friedman and Sh. Randeria (eds.) London: I.B. Tauris. 2004.

Sardar Z., Fry T. 2008. On Erasure, Appropriation, Transmodernity. What's Wrong with Human Rights and What Lies Beyond Difference. // *Design Philosophy Papers Collection Four*. Цит. по: http://en.wikipedia.org/wiki/Ziauddin_Sardar

Sassen S. *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks, Ca: Pine Forge Press. 2006.

Sennett R. *The Fall of Public Man*. L.: Penguin, 2003 (1977).

Shaw M. The Global Transformation of the Social Sciences. / M. Kaldor, H. Anheier and M. Glasius (eds.) *Global Civil Society Yearbook 2003*. Oxford: Oxford University Press. 2003.

Spatial Politics: Essays for Doreen Massey. / Featherstone D. and Painter J. (eds.) Oxford: Wiley-Blackwell. 2013.

Spreading Protest. Social Movements in Times of Crisis. Della Porta D., Mattoni A. (eds.). ECPR: ECPR Press. 2014.

Stears M. *Everyday democracy. Taking centre-left politics beyond state and market*. L.: IPPR. 2011.

Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*. Lawrence: University Press of Kansas. 1989.

Sztompka P. *Trust: a Sociological Theory*. Cambridge, Cambridge University Press. 1999.

Tarrow S. and Tilly Ch. *Contentious Politics and Social Movements*. // *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. / Boix C. and Stokes S. (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2009.

The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. / Ed. by G. Almond, S. Verba. L.: Sage. 1963.

The Death of Diplomacy. // *The New York Times*, 27.06. 2011.

The History of the European Union: Origins of a trans- and supranational polity 1950–72. / Kaiser W., Leucht B., Rasmussen M. (eds.). Abingdon: Routledge. 2009.

The Oxford Handbook of the Welfare State. / Ed. by F.G. Castles, S. Leibfried, J. Lewis. Oxford: Oxford University Press. 2010.

The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice. / Ed. by P. Reason, H. Bradbury. L.: Sage. 2008. 2nd ed.

Tilly Ch. and Tarrow S. *Contentious politics*. Boulder Co: Paradigm pub. 2007.

Tilly Ch. *Social Movements, 1768-2004*. Boulder. London: Paradigm Publishers. 2004.

Tselichtchev I. *China versus the West. The Global Power Shift of the 21st Century*. Singapore: John Wiley & Sons. 2012.

Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy / ed. by D. Albertazzi and D. McDonell. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. 2007.

Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. / P. Hall and D. Soskice eds. Oxford: Oxford University Press. 2001.

Walters W., Haahr J. Governmentality and Political Studies. // *European Political Science*. 2005. Vol. 4, No. 3.

Wellman B. Physical place and cyberspace: the rise of networked individualism. // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2000. № 1.

Wilson R.W. The Many Voices of Political Culture. Addressing Different Approaches. // *World Politics*. 2000. No. 52.

ОБ АВТОРАХ

Довбыш Евгений Геннадьевич, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН, аспирант Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований (ЦЭСПИ) ИМЭМО РАН. Для связи с автором: edovbysh@gmail.com

Зайцев Дмитрий Геннадьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: zaytsevdi2@gmail.com

Лапкин Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Полис. Политические исследования». Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru

Мирошниченко Инна Валерьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Кубанского государственного университета. Для связи с автором: mirinna1978@mail.ru

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Для связи с автором: morozova_e@inbox.ru

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий Отделом внутривнутриполитических процессов ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Для связи с автором: v.pantin@mail.ru

Перегудов Сергей Петрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: peregood1@rambler.ru

Прохоренко Ирина Львовна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: strigoral@mail.ru

Семененко Ирина Станиславовна, доктор политических наук, заведующий Сектором прикладных социально-политических исследований ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Для связи с автором: isemenenko@mail.ru

Тхагапсоев Хажисмель Гисович, доктор философских наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета. Для связи с автором: gapsara@rambler.ru